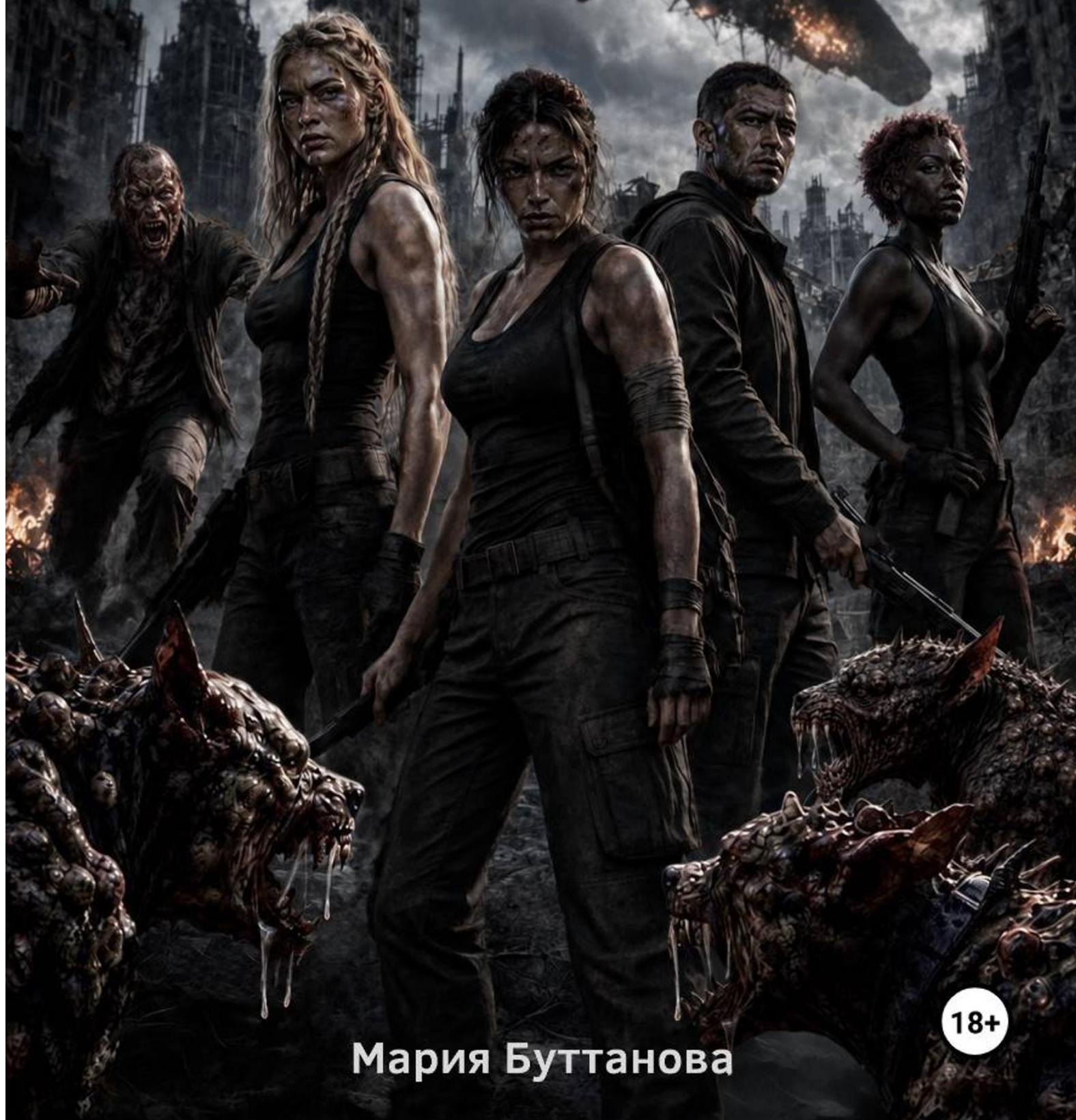

КОНЕЦ ЗЕМЛИ. ПРОЕКТ VITA

Мария Буттанова

18+

Мария Буттанова

Конец Земли. Проект VITA

«Автор»

2026

Буттанова М.

Конец Земли. Проект VITA / М. Буттанова — «Автор», 2026

Когда мир рушится, у человечества остаётся только один вопрос: кто достоин выжить? Третья мировая война завершилась глобальной катастрофой, и теперь Земля медленно умирает. Радиация, мутировавшие вирусы и чудовища, рождённые человеческими экспериментами, превращают остатки цивилизации в поле постоянной войны. В центре этого хаоса — проект «VITA». Последняя попытка спасти человечество от вымирания. Вакцина, способная изменить ход эволюции, и те, кто стал её носителями, — Спасители. Люди, чьи тела и судьбы больше не принадлежат им самим. Мэри Уайт, сломанная прошлым, меньше всего подходила на эту роль и не должна была стать одной из них. Но именно ей и её отряду предстоит вести за собой тех, кто выжил, сквозь плен, пытки, мёртвые океаны и пылающие острова. Чем ближе спасение, тем страшнее цена.

© Буттанова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Начало	5
Глава 2. Обратная сторона рая	17
Глава 3. Серые дни	25
Глава 4. Где справедливость?	30
Глава 5. Вопросы без ответов	50
Глава 6. Нечто новое	69
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Мария Буттанова

Конец Земли. Проект VITA

Глава 1. Начало

Она спускалась во тьму по ступеням, обитым бархатом. Лестница казалась бесконечной, а пространство вокруг давило, сужаясь и пульсируя в такт ударам сердца. За окном хлестал дождь — яростно, наотмашь. Низкий вой ветра забирался под кожу липким холодом, парализуя волю и сбивая дыхание.

Пальцы дрожали, нащупывая на стене выключатель. Сухой мёртвый щелчок. Ещё один. Ничего. Тьма стояла в воздухе вязким смогом, забиваясь в горло и ослепляя. Девушка двинулась вперёд по памяти, зная, что находится в собственном доме, но в нос ударил чужой, тошнотворный запах гнили. Он полз по полу, оседал на языке сладковатым привкусом железа.

Под ногами податливо пружинило. Она спотыкалась о какие-то мягкие комья, похожие на разбросанные подушки, едва удерживая равновесие, чтобы не упасть в эту неизвестность. Нащупав наконец плотную бархатную портьеру, она с силой рванула её в сторону. В комнату хлынул мертвенно-бледный лунный свет.

И в ту же секунду она пожалела, что не ослепла навсегда.

Вся гостиная была завалена телами. Оторванные конечности, залитые густой алой кровью стены и мебель. Она всё это время шла по скользкой плоти, переступая через переломанные рёбра и пальцы. Вспышка молнии выхватила из полумрака лица мертвецов с вывернутыми шеями и застывшим отчаянием в остекленевших глазах. Её друзья.

Спазм сдавил горло, не дав родиться крику. Она рванулась прочь, обратно в тёмный коридор. Лёгкие горели. Коридор растягивался в бесконечную чёрную кишку, издеваясь над ней, пока из ниоткуда не вынырнула дверь. Девушка с паникой влетела внутрь. Свет резанул по глазам.

Очередная иллюзия кошмара. За столом сидел отчим. Свет падал так, что его фигура казалась массивной, хищно нависающей над столом. Напротив мужчины ссутулился Лиам — парень, которому она однажды доверила своё сердце.

— Ты берёшь эти деньги и забываешь о её существовании, — процедил отчим. В его грубом голосе сквозило холодное презрение.

— Нет проблем, сэр, — услужливо ухмыльнулся Лиам.

Он сгрёб толстую стопку купюр и прошёл прямо сквозь неё ледяным сквозняком, тут же растворившись в воздухе. Отчим медленно поднял голову.

— Представляю, как наша малышка обрадуется, узнав, что любовь всей её жизни стоит так дёшево, — его губы растянулись в зверином оскале, а глаза впились прямо в неё.

Девушка отшатнулась, метнувшись в другую дверь, и замерла, парализованная новым ужасом. Ржавая труба. Подвал. Её старшая сестра сидела на полу, прикованная цепями.

— Люси... — сорвалось с губ.

Этого хватило. Люси вскочила и бросилась на неё с первобытным рыком.

— Убью! Я убью тебя! — орала она, пока труба жалобно скрипела в стене, удерживая обезумевшую сестру на цепи.

Попытившись, девушка врезалась в кого-то спиной. Отчим. Рядом с ним стояла мать — избитая, в порванной одежде, покрытая кровоподтёками. Она смотрела перед собой пустым взглядом, мелко вздрагивая от каждого движения мужа.

— Мам! — в отчаянии позвала дочь.

Мать перевела на неё взгляд, полный дикого, животного страха перед монстром, стоящим рядом.

— А мы тебя ждали, малышка, — приторно протянул отчим. — Да, Анна?

Женщина судорожно закрыла лицо руками.

— Да... — всхлипнула она, часто кивая.

Тело снова налилось свинцом. Отчим неспешно шагнул к ней, и удары его каблуков эхом отдавались прямо в мозг.

— Ты никчёмная, трусливая дрянь, — размеренным тоном чеканил он, нависая над ней.

— Пустое место. Эпицентр бед всей вашей семьи.

Он склонил голову, прищурившись.

— Никто и никогда не полюбит отребье вроде тебя. Каково это — осознавать, что собственная мать и сестра желают тебе смерти? Каково это — понимать, что тебя продают, как кусок мяса?

Она медленно пятилась, пока не врезалась лопатками в отдающий холодом шершавый бетон. Каждое его слово вспарывало кожу острее ножа.

— Я же говорил, — с брезгливостью выплюнул он. — Трусливое ничтожество.

Короткий, тяжёлый замах — и удар наотмашь. Щёку обожгло так, словно к лицу приложили раскалённый утюг. Голова мотнулась в сторону, а рот мгновенно наполнился тёплой кровью. Мать дёрнулась к ней, но один предупреждающий взгляд мужа пригвоздил её к месту. По избитому лицу женщины беззвучно катились слёзы.

Девушка не винила её. Все они застряли в пасти этого чудовища, чьи деньги и власть пережёвывали любые законы.

— Наш глава охраны... Гастус, кажется? — издевательски протянул отчим, лениво расхаживая перед ней. — Ты же видела, что от него осталось в гостиной?

Он глухо усмехнулся.

— Он умолял пощадить тебя. Знаешь, как хрипит человек с перерезанной глоткой? Я вырезал каждого, кто испытывал к тебе хоть каплю привязанности. Чтобы ты усекла наконец: ты приносишь своим близким только смерть.

Девушка зажмурилась, отчаянно мотая головой. Горло сдавило спазмом, язык намертво присох к нёбу. Она не могла выдавить ни звука, боясь одним вздохом спровоцировать его на новую вспышку ярости. Мутный от слёз взгляд уткнулся в пол.

— Гастус ведь учил тебя махать кулаками, — продолжал он с насмешкой. — Всем этим вашим боевым приёмчикам. Так давай. Врежь мне. Защити мамочку.

Он рассмеялся — лающим, сухим звуком.

— Я скажу тебе, почему ты стоишь, как овца. Потому что ты дрожишь только за свою никчёмную шкуру.

Он резко выкинул руку вперёд и рывкнул:

— Бу!

Девушка с писком вжалась в стену, рефлекторно закрывая голову руками.

— Прекрасно, — пропел он, наслаждаясь её животным ужасом. — Обожаю, когда ты знаешь своё место. Я раскусил твою гнилую суть в ту же секунду, как увидел. Ты — позор, ошибка, которую мне пришлось вычищать.

Его голос сорвался на безумный, фанатичный хрип, брызги слюны полетели ей в лицо.

— А потом я понял, что ты принадлежишь мне!

Он упивался абсолютной, тотальной безнаказанностью.

— Я выдрессирую тебя. Двадцать три года? Пора окупать своё существование. Пора приносить пользу.

Он облизнул сухие, потрескавшиеся губы, и его глаза хищно блеснули.

Дикий, нечеловеческий вой разорвал подвал. Анна бросилась на него со спины, целясь ногтями в глаза. Но мужчина даже не пошатнулся. Одним рывком он оторвал от себя жену и швырнул на пол, как тряпичную куклу. Тяжёлый ботинок взлетел над её головой для смертельного удара.

Вспышка адреналина бросила девушку вперёд. Она с размаху ударила монстра в грудь, сбивая ему равновесие и отталкивая от матери.

В ответ раздался лишь язвительный, истеричный смех. Воздух со свистом рассекла чёрная кожа ремня. Удар пришёлся прямо по лицу — кости треснули, в глазах взорвались белые искры, и она мешком рухнула на бетон.

Попытавшись опереться на руки, чтобы встать, она замерла.

На её запястьях зияли глубокие вертикальные порезы. Багровая кровь толчками выплёскивалась на грязный пол, с каждой секундой унося из тела остатки тепла. Первобытный ужас смешался с долгожданным, пьянящим облегчением, когда реальность вокруг начала крошиться, затягивая в глухую спасительную темноту.

— Эй... Вставай. Пора.

Голос выдернул её из сна резким рывком. Девушка распахнула полные слёз глаза и, содрогаясь от крупной дрожи, мёртвой хваткой вцепилась в того, кто её разбудил. Пальцы свело судорогой, а взгляд намертво прикипел к свежим широким вертикальным шрамам на собственных запястьях.

— Мэри... Что с тобой? Опять кошмар? — осторожно прошептала Люси, мягко поглаживая сестру по спине.

— Не совсем, — хрипло отозвалась та. — Не кошмар.

Она сглотнула вставший в горле ком:

— Воспоминание.

Люси понимающе кивнула. Бережно, боясь причинить боль, она помогла сестре сесть удобнее. Память безжалостно подкинула образы того, через что пришлось пройти Мэри, а следом — горечь собственных ошибок. Ревность, холодность, молчаливое отчуждение... Столько времени они потеряли из-за её эгоизма, и теперь чужие слёзы отзывались в груди настоящей, физической болью.

Они просидели так несколько минут. Когда дыхание Мэри наконец выровнялось, а взгляд прояснился, Люси мягко потянула её за собой.

Девушки покинули тесную комнату и вышли в коридор. Пространство встретило их стерильным, чужим холодом. Это был не дом, не тёмный подвал и не продолжение сна. Лишь безжалостный свет, строгие линии и абсолютный порядок. Реальность.

В конце коридора их уже ждали. Женщина стояла неподвижно, изучая подошедших с холодным вниманием — так оценивают не людей, а расходный материал.

— Добро пожаловать в Элеайд, — ровно произнесла она, — лучшую военную базу страны.

На вид ей было около тридцати пяти. Высокая, подтянутая, поначалу она могла показаться миловидной, но ровно до тех пор, пока не подойдёшь ближе. Грубый голос и тяжёлый, надменный взгляд больших карих глаз мгновенно стирали любое впечатление мягкости.

Пытаясь окончательно стряхнуть остатки сна, Мэри всмотрелась в её черты. В них крылось что-то тревожно знакомое, ускользающее от понимания. Пухлые губы, массивный квадратный нос, острые скулы. Густые, безупречно очерченные брови резко контрастировали с идеально выбритой головой. Череп незнакомки украшала татуировка в виде созвездия, название которого Мэри никак не могла вспомнить. Это удивило её: в детстве они с отцом изучили почти все звёздные карты. От внезапной мысли об отце сердце тоскливо сжалось.

— За мной, — бросила куратор тоном, не терпящим возражений, и развернулась.

Сёстры послушно пошли следом.

На спине её тёмно-зелёной куртки Мэри заметила грифона, вышитого золотыми нитями. Зверь красовался на фоне того самого созвездия с татуировки. Хищная орлиная голова и мощное львиное тело сплетались в завораживающий узор, сотканный из противоречий. В расправленных крыльях угадывались и защита, и угроза. Страж и палач одновременно — символ благородства, способного на жестокость, и зла, притворяющегося справедливостью. Золотой грифон казался пугающе живым, словно в любой момент был готов сорваться с ткани.

Ещё там, на поверхности, до того, как лифт опустил их на триста метров под землю, новичкам объяснили: такую куртку не выдают просто так. Золотая вышивка — это знак отличия за особые заслуги, честь, которой удостаиваются единицы.

Мэри влюбилась в этот символ с первого взгляда, но следом её окатило ледяным осознанием: она никогда не станет достаточно хороша, чтобы носить нечто подобное. Раздавленная чувством собственной никчёмности, девушка невольно ссутулилась.

Спёртый, искусственно очищенный воздух с непривычки царапал лёгкие. Пытаясь игнорировать дурноту, Мэри разглядывала серые бетонные стены коридора. По ним непрерывной линией тянулся трафаретный рисунок одного и того же созвездия — навязчивый мотив, от которого быстро начало рябить в глазах. Резкий свет диодных ламп вышибал слезу, а узкий коридор казался бесконечным, пока наконец не выплюнул их на колоссальных размеров площадку. В самом её центре зияла широкая шахта с массивной лестницей, уходящей на верхний и нижний ярусы.

— Центральный атриум, — голос женщины гулким эхом разнёсся по залу. — Здесь мы будем собираться для общих инструктажей. Акустика отличная, так что каждое слово слышно в любом углу. Учтите это.

Она машинально потёрла шею и продолжила:

— Планировка предельно логична, заблудиться сложно. Слева от вас, за той аркой, — она указала на широкую галерею, — столовая и зона отдыха. Шахматы, книги, настолки — всё, чтобы убить свободное время. Прямо по курсу, за дверями, находится тренировочный сектор. Залы для рукопашного боя, тренажёры, тир и стрельбище. Дальше по коридору находятся аудитории.

Женщина выдержала короткую паузу, давая им время оценить масштабы.

— Жилой блок справа. Одна комната на группу, а группы формируются по профилю. Если набралось от десяти до восемнадцати человек на одну дисциплину — поздравляю, вы команда. Вскоре после знакомства вам предстоит выбрать лидера, — она небрежно махнула рукой. — Решение должно быть единогласным. Этот человек будет отдавать приказы, которым вы обязаны подчиняться, и головой отвечать за вашу дисциплину. Запомните: всё, что происходит в казармах, остаётся в казармах. Мой вам совет: не наживайте врагов, если хотите спать спокойно.

Она обвела сестёр тяжёлым взглядом.

— Уверена, ваш куратор Элвис на поверхности уже промыл вам мозги уставом, поэтому добавлю от себя лишь одно. Ленивые, агрессивные или просто проблемные курсанты отправятся на работы в канализацию и драить сортиры до конца года. Здесь никому не помогут ни связи, ни влиятельные родители. Так что будьте паиньками.

Женщина вдруг нахмурилась, словно вспомнила о досадной мелочи.

— Чёрт. Я ведь забыла представиться, — она криво усмехнулась, ничуть не смутившись. — Кэрол Харрисон. Ещё вопросы есть?

— Лестница ведёт вниз, — протянула Люси, хитро прищурившись и явно наслаждаясь возможностью вставить слово. — Что там? И-и-и... если группы формируются по профилю, мы что, будем жить в одной комнате с парнями? — она ехидно вздёрнула бровь.

Кэрол ответила сухим, отдающим сарказмом тоном:

— База рассчитана на сотню курсантов, не считая преподавательского состава. Чтобы вы не толкались в коридорах и не создавали очередей, пространство разделили ради вашего же комфорта. Мы с вами находимся на втором уровне. Я зову его «Силовым». Первый уровень — тот, что под нами, — я окрестила «Умникум». Официально это «Тактический» и «Интеллектуальный» сектора.

Она шагнула ближе к парапету лестницы.

— Суть проста. Внизу обитают те, кто делает ставку на мозги: химия, биоинженерия, механика, почвоведение. Там сосредоточены лаборатории и исследовательские модули. А вот наш, ударный отсек — для тех, кто выберет огневую подготовку, пилотирование, самооборону. Всё, что требует силы, выносливости и реакции. Списки дисциплин получите позже и сами решите, к чему больше лежит душа.

Кэрол перевела холодный немигающий взгляд на Люси:

— Что касается парней. У каждой группы одно общее помещение для отдыха, но спальни и душевые строго разделены. Девочки налево, мальчики направо. Никакой романтики, только устав.

— А если я выберу химию, пилотирование и стрельбу? — вмешалась Мэри, прерывая их напряжённые переглядывания. — В каком отсеке я тогда буду жить?

— В любом из двух. Где койка будет свободна, — устало отозвалась Харрисон. — Разница лишь в том, что сотрёшь подошвы, мотаясь по этажам на занятия.

— А вы сами преподаёте? — не унималась Люси, проигнорировав тяжёлый вздох куратора.

— Да. К слову, жилой блок преподавателей находится на третьем уровне. И туда вам вход категорически закрыт.

— Да мы туда и не рвёмся, правда, сестрёнка? — Люси шутливо пихнула Мэри локтем. Та лишь напряжённо повела плечом.

— И что же вы преподаёте? — снова спросила Люси.

— Боевые искусства, — отрезала Кэрол и демонстративно взглянула на часы. — Всё, время на болтовню вышло. Идите в жилой блок, комната тридцать три. Сидите там, пока дежурный не принесёт анкеты с перечнем дисциплин. Заполните — и ждите меня. Распределением занимаюсь я. Вы двое прибыли последними, так что осталось пристроить только вас. Вопросы?

— Нет, — почти в унисон ответили девушки.

Повернув направо, они упёрлись в массивную стальную дверь. Навалившись на неё вдвоём, сёстры оказались в длинном коридоре с рядами одинаковых безликих дверей. Добравшись до таблички с номером «33», они толкнули створку и с любопытством осмотрелись.

Обстановка оказалась на удивление обжитой. У стены стоял потёртый, но добротный диван из тёмно-красной кожи, по бокам от которого виднелись проёмы, ведущие в спальни. В углу ютилась компактная кухонная зона с раковиной, а над низким журнальным столиком висела книжная полка. Мэри обессиленно опустилась на диван. Взгляд скользнул по светлым стенам, и она с неожиданным облегчением поняла: здесь ей спокойно. Уютно.

Дверь коротко скрипнула — внутрь деловито шагнул дежурный в форме, сунул им в руки бланки с ручками и так же молча исчез в коридоре.

Мэри пробежалась глазами по списку. «Самооборона» — прикладной рукопашный бой, комплекс боевых искусств, работа с обезвреживающими приёмами. То, что она когда-то умела, но позволила навыкам заржаветь. Галочка.

Вторым пунктом легла «Стрельба» — контроль дыхания, баллистика, работа с оружием. Третьим — «Выживание в техногенной среде». Дисциплина, где ошибка измеряется жизнями.

С таким набором её гарантированно оставят на втором, «Силовом» уровне. Среди тех, кто учится держать удар и бить в ответ.

Люси, сидящая рядом, уверенно отмечала совсем другие пункты: «Информационные технологии», «Механика», «Радиосвязь». Навыки, требующие острого ума, а не крепких мускулов.

Сделанный ими выбор подчёркивал разницу между сёстрами. В реакциях, в мышлении, в самом восприятии мира. Даже внешне они казались слепленными из разного теста.

Мэри украдкой посмотрела на сестру. Люси расслабленно откинулась на спинку дивана, беспечно о чём-то задумавшись, — происходящее её не пугало, а скорее забавляло. Острый укол зависти кольнул Мэри где-то под рёбрами — тихо, постыдно, но ощутимо. Саму её сковывал липкий страх перед неизвестностью, а груз неуверенности давил на плечи гранитной плитой.

И всё же она радовалась. Радовалась, что вырвалась из прошлой жизни, пусть и всего на год. Да, база тоже была своего рода клеткой, но в отличие от родного дома, ставшего для неё персональным адом, эти строгие бетонные стены не были пропитаны болью.

Люси прикрыла глаза, и Мэри в очередной раз поразилась, как сильно та похожа на мать. Те же короткие густые каштановые волосы, рассыпанные по плечам, глубокие карие глаза, чуть вздёрнутый нос и точёные изгибы бровей. В ней чувствовалась врождённая стать — словно мир всегда встречал её чуть мягче.

— Долго ещё будешь на меня пялиться? — усмехнулась Люси, даже не подняв век.

Мэри смущённо опустила взгляд на свои сцепленные в замок пальцы.

— Просто каждый раз удивляюсь... Вы с мамой как две капли воды.

Люси выпрямилась. Взглянула на напряжённый профиль младшей сестры и вздохнула — без раздражения, с неожиданной теплотой.

— С ней всё будет в порядке, Мэри. Ты же знаешь, она обещала.

Но от этих слов Мэри лишь напряглась сильнее. Мысль о том, что мама осталась там, наедине с этим чудовищем, поднимала со дна души животный, парализующий ужас. Даже то, что в последнее время Анна начала давать отпор, не приносило покоя.

— Знаешь, — мягко перевела тему Люси, пытаясь отвлечь сестру, — зато я отлично помню отца. Твоё лицо просто не даёт мне его забыть.

Мэри слабо улыбнулась и позволила сестре приобнять себя за плечи. Это была чистая правда. Мэри досталась внешность отца: длинные, светло-русые волосы, ближе к оттенку блонда, выразительные глаза, редкого, светло-зелёного оттенка, аккуратный квадратный нос, острые скулы и высокий лоб, обрамлённый тёмными бровями. И только высоким отцовским ростом природа её обделила.

Дверь распахнулась без стука. Кэрол Харрисон вошла в комнату уверенным шагом. Окинув сестёр цепким взглядом, она протянула руку, безмолвно требуя анкеты.

— Я буду скучать по тебе, мышонок, — вдруг тихо произнесла Люси.

— Мы же сможем видеться в перерывах и на общих сборах, — Мэри вынырнула из своих мыслей, растерявшись от такой непривычной нежности.

— Всё равно буду.

— Я тоже, — уголки губ Мэри дрогнули в робкой улыбке.

— Дамы, вы ещё слезу пустите, — поморщилась Кэрол, быстро проглядывая заполненные бланки. — Как в детском саду, честное слово.

Она переложила бумаги и перешла на сухой, деловой тон:

— Старшая Уайт — спускаешься на первый уровень. Твоя комната пятнадцатая. Там познакомишься со своей группой. Куратором будет преподаватель по механике, он введёт в курс дела. Свободна.

— Есть, мэм, — Люси шутливо, но не без вызова отдала честь обеим и лёгким шагом выскользнула из комнаты.

— А Уайт-младшая направляется в комнату... — Кэрол бросила взгляд на планшет и сухо усмехнулась: — Номер тридцать три. Остаёшься здесь. Женская спальня слева, занимай койку и жди остальных.

Кивнув, словно подтверждая собственные слова, Харрисон резко развернулась и вышла.

Открыв дверь женской спальни, Мэри непременно бы присвистнула, если бы умела. В воздухе витал запах свежего дерева и чистой побелки. Белоснежные кровати, заправленные по-военному строго, выстроились в безупречно ровный ряд; у каждой стояла тумба и лаконичная навесная полка. Приглушённый свет мягко ложился на стены, скрадывая углы и создавая неожиданное ощущение безопасности.

В углу сиротливо жались две спортивные сумки. Кураторы на поверхности провели безжалостный досмотр: отсеяли всё личное, оставив лишь базовый минимум и форменную одежду с эмблемой Элеайда. Никакой электроники, никаких излишеств. Любая связь с внешним миром была строго запрещена.

Мэри невольно улыбнулась, вспомнив, какой скандал закатила Люси, осознав, что целый год ей предстоит жить без телефона и возможности менять наряды. Мэри же было плевать. Она привыкла, что телефон могут отобрать в любую минуту, как привыкла и к тому, что наряжаться ей давно некуда.

Но стоило ей начать раскладывать свои скудные пожитки, как уют комнаты вдруг перестал греть. Накатила тревога, холодная и липкая. Она не то чтобы боялась людей — скорее, годы жизни в постоянном напряжении приучили её всегда ждать удара от незнакомцев. А с этими незнакомцами предстояло делить быт, спать в одной комнате, быть командой.

Она боялась, что не сумеет вписаться. Что предстоящий год обернётся очередной линией обороны. Что отчим был прав, когда цедил сквозь зубы, что такая, как она, никогда не узнает настоящей дружбы.

Ещё в коттедже, перед самым отъездом, Люси прочитала ей целую лекцию о том, как важно не показывать слабость. Мэри тогда лишь горько усмехнулась. Вся её суть была одной сплошной уязвимостью. Такое не спрячешь.

Не придумав плана действий и смирившись с тем, что сердце предательски колотится где-то в горле, Мэри вышла обратно в общую гостиную. И тут же наткнулась на чей-то пристальный взгляд.

Высокая, статная девушка с иссиня-чёрным хвостом изучала её с нескрываемым, почти детским любопытством.

— Привет! — её голос прозвучал звонко, как выстрел в тишине. Мэри невольно вздрогнула. — Я Александрия Остин. Для своих — Лекса или Алекс. Выбирай, что больше нравится.

Она сделала шаг навстречу и уверенно протянула узкую ладонь.

— Мэри Уайт. — Она ответила на рукопожатие, молясь, чтобы ладонь не казалась слишком влажной.

— Давно ты тут сидишь, Мэри Уайт? — Лекса обернулась к девушке, стоявшей чуть позади. — Нас всех разделили так, будто мы военные преступники. Знакомься, это Лилия Фостер. Мой личный островок дзена в этом безумии.

Полная, рыжеволосая, усыпанная веснушками девушка неловко переступила с ноги на ногу. В её глубоких синеватых глазах Мэри безошибочно узнала ту же тихую панику, что билась сейчас в ней самой.

— Приятно познакомиться, — искренне произнесла Мэри. Лёд внутри начал медленно подтаивать. Эти двое точно не выглядели угрозой. — Я зашла минут пять назад. И, если честно, я так голодна, что готова съесть подошву собственных ботинок.

Девушки негромко рассмеялись. Этот короткий, искренний смех, эхом разнёсшийся по гостиной, стал первым кирпичиком в хрупкой стене доверия. Разговор потёк сам собой: обсудили нелепые правила, конфискованные вещи, холод бетонных стен. Мэри с удивлением пой-

мала себя на мысли, что её голос звучит ровно и уверенно. Не было подвоха. Не было презрительных взглядов или скрытых насмешек. Где-то под рёбрами осторожно заворочалась надежда: может, всё-таки есть шанс на нормальную жизнь? Хотя бы здесь, под землёй.

Внезапный грохот из коридора вдребезги разбил эту идиллию. Мэри резко обернулась к приоткрытой двери.

— Глаза разуй, мусор! — процедил низкий, сочащийся ядом голос.

Высокий парень — в его жёстких чертах лица безошибочно угадывалась склонность к жестокости — намеренно врезался плечом в щуплого паренька. Тот не устоял на ногах и рухнул, едва не разбив лицо о плитку. Сумка выскользнула из его рук, и на пол веером брызнули карандаши, блокноты и смятые листы бумаги.

Нападавший даже не сбавил шаг. Он лишь мазнул по стоящей в дверях Мэри тяжёлым, плотоядным взглядом, криво усмехнулся и скрылся в мужской спальне. В помещении повисла тяжёлая тишина. Несколько курсантов поспешно отвели глаза, не желая связываться с тем, от кого за версту веяло неконтролируемой агрессией.

Мэри почувствовала, как по венам прокатилась горячая, колючая волна ярости. Почти не задумываясь, она шагнула вперёд, опустилась на колени рядом с парнем и принялась собирать разбросанные вещи.

— Держи, — она протянула ему горсть собранных карандашей.

Парень оказался болезненно худым, с тонкими, почти птичьими запястьями. Но в его бледном лице сквозила какая-то тихая, упрямая порода.

— Спасибо, — еле слышно пробормотал он, глядя в пол. Ему явно было невыносимо стыдно.

— Забей, — произнесла Мэри так тихо, чтобы слышал только он. — У таких, как этот придурок, маршрут обычно короткий — напрямик в канализацию. Харрисон обещала.

Парень поднял голову и слабо улыбнулся. Эта улыбка совершенно преобразила его лицо, сделав его мягче и живее.

— Буду ждать этого дня как национального праздника. Я Феликс. Феликс Хиггинс.

— Мэри Уайт. Это твои наброски? — она кивнула на стопку листов в его руках.

— Да... Портреты. Пытаюсь ловить мимику. Эмоции никогда не врут, в отличие от людей.

— Они потрясающие, Феликс. Я тоже рисую, правда, только пейзажи.

— Надеюсь, покажешь как-нибудь.

— Обязательно.

Они обменялись короткими улыбками, и вдруг кто-то с размаху обхватил Мэри за плечи. Она не успела даже вздрогнуть — парень, нависший над ней, оказался почти зеркальной копией её нового знакомого. Те же платиновые волосы, только у Феликса они были коротко острижены, а у этого — свободно спадали до плеч.

— Привет! — жизнерадостно гаркнул он и тут же легонько пихнул брата. — Я Том Хиггинс. Как ты уже, наверное, догадалась — брат вот этого парня.

Том расплылся в широкой, обезоруживающей улыбке. Мэри мысленно отметила их единственное различие: у Феликса глаза были холодного серого оттенка, а у Тома — тёплые, карие. Но вместе они производили на удивление сильное, притягательное впечатление.

— Мэри Уайт, — снова представилась она, не переставая улыбаться.

— Он тебе не наскучил? — заговорщически прошептал Том, наклоняясь ближе. — Ещё не начал грузить теорией композиции? Боюсь, временами мой братец бывает невыносимо душным.

Он театрально схватился за сердце. Мэри искренне рассмеялась, а Феликс густо покраснел — то ли от злости, то ли от смущения.

— Ладно, пойду займу нам лучшие койки в этом пятизвёздочном отеле, — отсалютовал Том и скрылся за дверью.

Феликс с облегчением выдохнул:

— Извини. Иногда он бывает полным идиотом.

— Всё в порядке, — мягко ответила Мэри. Выдержав короткую паузу, она добавила: — Я тоже пойду. Увидимся за ужином, Феликс.

Они обменялись долгими взглядами — тем самым узнаванием «своих», которое случается лишь в подобных ситуациях. Вернувшись к девочкам, Мэри вдруг осознала странную вещь. Внутри неё, вопреки привычному страху, разгоралось крошечное, но упрямое пламя. Она привыкла извиняться за каждый свой вздох, но здесь никто не паялился на её изрезанные запястья с осуждением. Впервые за долгие годы она почувствовала нечто похожее на силу.

Меньше чем через час, все десять коек в комнате оказались заняты. Мэри, Лекса и Лиля быстро сошлись с Розы Уильямс — высокой, эффектной темнокожей девушкой, с копной розовых кудрей и заразительным смехом. Разговор тёк на удивление легко, будто они знали друг друга не первый день. Слушая их голоса, Мэри мысленно молилась, чтобы эта хрупкая идиллия не оказалась очередной насмешкой судьбы.

Дверь распахнулась с таким треском, что все вздрогнули. На пороге стояла Кэрол Харрисон. Цепко окинув девчонок взглядом и убедившись, что все одеты, она коротко кивнула и скомандовала парням заходить.

Ребята неловко потянулись внутрь, занимая свободные места. Мэри ободряюще помахала задумчивому Феликсу и Тому, который едва ли не подпрыгивал от избытка энергии. Но в следующую секунду она ощутила тяжёлый, давящий взгляд, буквально прожигающий затылок.

Она обернулась. На неё в упор смотрел тот самый придурок из коридора. Тёмные кудри небрежно падали на бледный лоб. В его лице читалась холодная, безупречная красота породистого хищника, от которой инстинктивно хотелось держаться подальше. Густая щетина делала резкие черты ещё опаснее, а тёмные глаза смотрели с откровенным, презрительным превосходством. От этого человека веяло угрозой, пробиравшей до самых костей.

Кэрол провела инструктаж быстро и сухо. Весь её вид — от плотно сжатых губ до резких жестов — кричал о том, что роль няньки ей осточертела.

— И последнее, — Харрисон обвела строй тяжёлым взглядом. — Любой, кто возомнит себя особенным и начнёт создавать проблемы, отправится на работы в канализацию. Без права на апелляцию. Вопросы?

Вопросов не возникло. Началась переключка, после которой выяснилось, что обладателя тяжёлого взгляда и агрессивного поведения зовут Грегор Мартин, ему двадцать семь лет и он уже успел сколотить вокруг себя небольшую свиту.

— В Элеайде вы делитесь на группы, — устало произнесла куратор. — У вас есть выбор: остаться безликим «Отрядом три» или придумать своё название. Если, конечно, я его одобрю.

— А что тут думать? — вальяжно встрял Грегор. Он медленно выпрямился, обводя комнату плотоядным взглядом. — Будем «Анакондами». Ну, или «Отрядом Грегора». Выбирайте.

В комнате повисла вязкая, душлимая тишина. Мэри видела, как ребята опасливо переглядываются, отводят глаза, а кто-то уже покорно кивает, лишь бы не связываться с явным альфой. Страх подчинения оказался заразным. Слово «Анаконды» уже обвивало их шеи невидимыми кольцами.

И в этот момент внутри Мэри что-то с оглушительным треском сломалось. Она слишком хорошо знала эту картину. Именно так работал её отчим: подавлял волю, ломал чужие границы, заставлял всех превращаться в запуганное стадо. Она только-только нашла место, где могла дышать свободно, и не собиралась позволять этому наглому садисту выстроить здесь копию её домашнего ада.

— Думаю, разумнее будет поступить честно, — её голос прозвучал неожиданно твёрдо, разрезав тишину. — Пусть каждый предложит свой вариант. А потом мы проголосуем.

Несколько человек резко повернулись в её сторону в немом ужасе. Грегор медленно прищурился. Его взгляд стал липким и давящим — так смотрят на букашку перед тем, как её раздавить.

— Поступить честно? — протянул он с ледяной издёвкой, подавшись вперёд. — А ты у нас кто такая, чтобы решать, как тут честно?

Воздух в комнате словно заledenел. Кто-то отодвинулся от Мэри, будто она внезапно стала радиоактивной. Мэри чувствовала, как сердце бьётся в горле от волнения, но отступить было некуда. Сейчас решалось не название отряда, а то, кем они станут на этот год — бессловесными овцами или людьми.

— Мы все здесь на равных правах, — ровно ответила она, не отрывая взгляда от его тёмных глаз. — Значит, и решать будем вместе.

Грегор хмыкнул и медленно встал, возвышаясь над остальными. В каждом его движении сквозила угроза. Он обвёл комнату долгим, хозяйским взглядом, словно пересчитывая свою будущую свиту, и наконец остановил его на Мэри.

— Я не люблю выскочек, Уайт, — произнёс он негромко, но от этой обманчивой мягкости по коже поползли мурашки.

Инстинкт вопил: «Замолчи! Отступи! Слейся со стеной!» Но Мэри осталась на месте, до побеления костяшек вцепившись в край матраса. Она отчётливо понимала: если сейчас дать слабину — это станет нормой. Для всех.

— С чего ты вообще решила, что имеешь право голоса, ангелок? — Грегор лениво растягивал слова, уверенный, что мир обязан прогибаться под его желания.

Но у Мэри внезапно закончился лимит покорности. Впервые за годы бесконечного страха в ней проснулась злость — колкая, дикая, живая. Сердце колотилось где-то в горле, ладони стали влажными, но вместо привычного желания исчезнуть внутри разгоралось ледяное упрямство.

— Вариант «Анаконды» мы не принимаем, — твёрдо сказала она, сама не до конца веря, что эти слова произносит её голос. — Но мы его запомнили. А теперь пусть каждый предложит свой. Давай, — она кивнула парню, сидевшему ближе всех к двери. — Начнём с тебя.

В комнате повисла звенящая тишина. Парень напрягся, мучительно перебирая в голове слова. В этот момент Мэри поймала на себе взгляд Кэрл Харрисон — тяжёлый, оценивающий, со странной смесью раздражения и любопытства.

Но лёд уже тронулся. Кто-то робко предложил первый вариант. За ним — второй. С каждым новым голосом атмосфера в комнате менялась: удушливое напряжение рассеивалось, уступая место азарту. Харрисон тоже включилась, пару раз едко прокомментировав откровенно нелепые названия.

— А ты что предложишь, Мэри? — Роза тряхнула розовыми кудрями, вырывая её из задумчивости.

Мэри вздрогнула. Расслабившись, она по старой привычке попыталась снова раствориться в толпе. Несколько секунд она молчала, взвешивая слова.

— Может... «Грифоны»? — осторожно произнесла она. — Я видела эту эмблему на главных воротах Элеайда и на куртках. Это символ силы, благородства и защиты.

По комнате пробежал одобрительный гул. Глаза у многих загорелись, кто-то присвистнул. Харрисон решила не затягивать.

— Ладно. Кто за «Грифонов» — поднять руки.

Руки взметнулись почти синхронно. Грегор Мартин не шелохнулся. Его свита и пара девушек, явно одурманенных его мрачной харизмой, тоже остались сидеть сложа руки.

— Шесть — против. Двенадцать — за, — подытожила Кэрол, делая пометку в планшете. — Поздравляю, теперь вы «Грифоны». Неплохой выбор.

В комнате раздалась нестройные аплодисменты.

— А теперь расходитесь. Парни — марш в свою спальню, и приберитесь там, развели свинарник. Ужин в девятнадцать ноль-ноль. За опоздание накажу всех. — Она резко обернулась: — Уайт. За мной. Живо.

Кэрол стремительно вышла в коридор. Мэри, чувствуя, как внутри всё обрывается от нехорошего предчувствия, поспешила следом. Едва за ними закрылась дверь, Харрисон резко развернулась. В её глазах сверкали молнии.

— Ну и что ты, мать твою, делаешь? — прошипела она с откровенной злостью.

— Что я делаю? — растерянно переспросила девушка.

— Ввязываешься в борьбу за лидерство с этим психопатом!

— Я? — Мэри вжалась спиной в холодный бетон, растеряв всю свою недавнюю смелость. От напора куратора её начало трясти. — Я ничего не делала... Я просто предложила название... У меня и мысли не было...

— То, что у тебя в голове не было мыслей, я уже поняла, — Харрисон сделала глубокий вдох, явно борясь с желанием её придушить. — Ты дала ему отпор.

— Я просто хотела, чтобы было честно! Он пытался всех запугать... — Мэри опустила взгляд, нервно ковыряя заусенец на пальце.

— Слушай сюда, — Кэрол шагнула ближе, понизив голос до опасного шёпота, от которого стало ещё страшнее. — Ты правда думаешь, что вы там название группы выбирали? Не играй со мной в идиотку.

Она нависла над Мэри, заставляя ту вжаться в стену ещё сильнее.

— Плевать всем на это название. Там сейчас решалось совсем другое: наденет Мартин на вас ошейники в первый же день или нет. Он пометил территорию. Выставил условия. А ты взяла и публично ударила его по рукам. Ты не название предложила, Уайт. Ты только что нажила себе врага. И не ты должна была стать тем человеком, который встанет у него на пути!

Харрисон едва сдерживалась, чтобы не сорваться на крик. Её бесило, что эта девчонка, дрожащая как осиновый лист, сама того не понимая, влезла в войну, к которой абсолютно не готова.

Мэри медленно подняла голову. Встретившись с яростным взглядом куратора, она спросила тихо, но на удивление твёрдо:

— Не я? А кто, мисс Харрисон?

— Тот, у кого есть зубы, — чеканя каждое слово, ответила Кэрол. — Ты ввязалась в игру с парнем, у которого за спиной отвратительная репутация. И, поверь, я знаю, о чём говорю. Видимо, Элеайд окончательно прогнул, раз такие, как он, могут сюда попасть.

Кэрол устало потёрла шею и продолжила, отчеканивая каждое слово, словно вбивала гвозди в крышку гроба её иллюзий:

— Тебе двадцать три. Ему — двадцать семь. И разница здесь не в цифрах, Уайт. Разница в опыте вырывания глоток. В жестокости. В умении ломать людей об колено. Больше не смей с ним пересекаться. Не спорь. Не влезай. Просто сдайся.

Мэри упрямо сжала челюсти и, не отводя взгляда, скрестила руки на груди.

— С чего вдруг вас это так волнует? — спросила она, удивляясь собственной дерзости.

Кэрол на мгновение замерла. Её глаза сузились, будто она прикидывала, какую порцию правды эта девчонка способна переварить.

— Потому что мне велели за тобой присматривать, — наконец процедила она. — Сделать так, чтобы к концу учебного года твоя задница осталась целой и невредимой.

Харрисон криво усмехнулась, но в этой усмешке не было ни капли веселья.

— Меня предупреждали, что ты тихая и замкнутая. А ты, как выясняется, ещё и абсолютно недальновидна.

Кэрол шагнула ближе, вторгаясь в личное пространство Мэри. В её взгляде не было прямой угрозы — только тяжёлое превосходство.

— Заруби себе на носу, Уайт. Мою защиту, как и моё уважение, ещё нужно заслужить. Я сейчас вожусь с тобой исключительно из почтения к человеку, который об этом попросил. Так что сделай одолжение — начни думать о последствиях. Научись видеть хотя бы на шаг дальше собственного носа.

Она резко выпрямилась, обрывая зрительный контакт.

— И завязывай с играми в лидера. Я вижу людей насквозь. Тебе для этого не хватает ни зубов, ни характера.

Развернувшись на каблуках, Кэрол чеканным шагом пошла по коридору, оставляя Мэри в полном одиночестве.

Холодное предупреждение куратора продолжало звенеть в ушах, тяжестью оседая на плечах. Мэри знала, что Харрисон права от первого до последнего слова. Грегор Мартин был опасен, а она не умела защищаться. Но где-то глубоко внутри, под толстым слоем привычной трусости, продолжал тлеть тот самый новорождённый огонёк упрямства. Он обжигал рёбра и пульсировал в висках.

Она больше не хотела быть покорной жертвой. И точно знала: что бы ни ждало её впереди, она никому не позволит диктовать правила её собственной жизни.

Глава 2. Обратная сторона рая

Кухня оказалась на удивление просторной и, вопреки ожиданиям, почти уютной. Восемь больших круглых столов, по одному на каждую группу, были расставлены так, чтобы никто не чувствовал себя изолированным, но и не тёрся локтями о соседей.

Слева вдоль стены расположилась зона отдыха: мягкие диванчики, низкие столики. Место, явно созданное для того, чтобы курсанты могли перевести дух, поболтать и хотя бы на время вспомнить, каково это — быть обычными людьми. В дальнем углу до самого потолка высились стеллажи, забитые книгами и затёртыми коробками с настольными играми.

Сама зона раздачи напоминала классический буфет самообслуживания: стойки с подносами, мармиты с горячим. Никаких поваров на раздаче, никакого контроля порций. Выбор блюд был суровым, как и всё в Элеаиде: варёный картофель, гуляш, пара салатов, суп, хлеб и компот. Никаких изысков — просто топливо, чтобы организм мог функционировать.

Мэри была голодна настолько, что съела бы и опилки. Она набросала на поднос всего понемногу и направилась к столу, в центре которого уже стояла табличка с надписью «Грифоны».

Она бегло осмотрела соседние столы. Первую группу нарекли «Гениями» — Мэри тепло улыбнулась, видя, что именно там сейчас ужинает Люси. Вторая группа осталась безликим «Отсеком 2». Третья гордо именовала себя «Дикари»... Чей-то неудачный манифест.

Глядя на эти таблички, Мэри впервые за долгие годы ощутила укол гордости. Её идея с Грифонами и впрямь была хороша.

— Приятного аппетита! — провозгласил Том и с таким остервенением набросился на гуляш, будто его не кормили месяц.

— Ты можешь жевать с закрытым ртом? Ради всего святого, — сухо заметил Феликс, поморщившись. — Или твоему организму не хватает кислорода для процесса?

Сказано это было с абсолютно серьёзным лицом, но Лекса и Розы тут же покатались со смеху. Мэри невольно улыбнулась, передавая Лиле пачку салфеток.

Она задержала взгляд на своих соседях по столу, словно делая мысленные наброски. Александрия — яркая, уверенная, с живым блеском в глазах, из тех людей, что притягивают к себе словно магнит. Розы — статная, с розовыми кудрями, которые удивительно гармонировали с её тёмной кожей и широкой, открытой улыбкой. Лиля — мягкая, уютная, излучающая редкое спокойствие. И близнецы — вечно спорящие, подкалывающие друг друга, но такие живые и настоящие.

И тут Мэри поймала себя на странной, пугающе новой мысли. Ей безумно хотелось стать частью этого круга. Не просто сидеть с краю, наблюдая, как живут другие, а быть вместе с ними.

— Мэри! — голос Лексы выдернул её из размышлений. — Ты там что, уже прописку в облаках оформляешь?

— В процессе, — усмехнулась Мэри, моргнув.

— Тогда ответь, как эксперт, — Лекса подалась вперёд, понизив голос до заговорщицкого шёпота. — Как думаешь, через сколько дней Кэрол начнёт приходить к нам в кошмарах? Ставлю на сегодня.

— Тебя слишком легко напугать, — фыркнула Розы.

— Ничего подобного! — возмутилась Лекса. — Я просто... чувствительна к угрозам!

— Особенно на угрозу, которая смотрит на тебя как на потенциальный труп, — невозмутимо вставила Мэри.

Лиля прыснула со смеху так громко, что тут же смутилась и закрыла рот ладонью.

Том, не переставая жевать, победно вскинул тощую руку, демонстрируя едва заметный рельеф.

— А я вообще никого не боюсь. Вы мои банки видели?

На секунду над столом повисла тишина. А затем все разом прыснули от смеха. Громче всех смеялся Феликс.

— Нашёл, чем пугать, — покачал он головой, вытирая выступившие слёзы.

— Как будто у тебя бицепс больше! — тут же парировал Том.

Атмосфера за столом была такой тёплой и лёгкой, что Мэри почти расслабилась. Ровно до тех пор, пока в столовую не вошёл Грегор Мартин со своей свитой. С его появлением по залу будто пронёсся ледяной сквозняк: разговоры стихли, смех оборвался, спины напряглись.

Проходя мимо их стола, Грегор чуть замедлил шаг.

— Не подавись, ангелок, — процедил он сквозь зубы.

Мэри даже не подняла головы, методично отрезая кусок мяса.

— Чего онемела? — тут же подхватил Ден Кёртис, один из его прихвостней. Не дожидаясь ответа, он шагнул вплотную и намеренно задел край её подноса.

Стакан качнулся, вода плеснула прямо в тарелку с картошкой.

— Ах да... Как же мы забыли. Харрисон-то здесь нет. Прятаться не за кого. Ну что, ангелок, куда делась твоя тяга к справедливости? Язык проглотила?

— Отвали от неё, Кёртис, — Том резко бросил вилку. Металл со звоном ударился о тарелку, разрезав повисшую тишину. — Дай людям нормально поесть.

— Ты кому рот затыкаешь, придурок? — Ден даже не повысил голос, но в нём явственно зазвенел металл. — Проблем давно не было? Так я тебе их быстро...

Он резко осёкся, поперхнувшись собственными словами.

Кэрол Харрисон появилась так тихо, словно из воздуха. Никто не слышал её шагов. Она положила руку на плечо Кёртиса — внешне почти небрежно, но Мэри отчётливо увидела, как побелели костяшки её пальцев, впившихся в ткань формы.

— Ну же, Кёртис, не молчи, — обманчиво мягко, с пугающим спокойствием произнесла куратор. — Продолжай мысль. Что именно ты устроишь?

Пальцы Кэрол сомкнулись на болевой точке у основания его шеи. Никакого замаха, никаких лишних движений — только хирургически точное давление. Лицо Дена мгновенно приобрело пепельный оттенок. Он судорожно втянул воздух сквозь плотно сжатые зубы, пытаясь сдержать скрежет.

— Ничего... мисс Харрисон, — выдавил он, едва шевеля губами. — Просто неудачная шутка.

— Засунь свои шутки себе в глотку, пока я не сделала это за тебя, — Кэрол чуть усилила хватку, заставив парня болезненно осесть, и только после этого медленно разжала пальцы.

Ден судорожно выдохнул, растирая ноющее плечо. Харрисон выпрямилась и обвела сидящих за столом таким взглядом, что даже звон посуды на заднем фоне мгновенно стих.

— Слушайте меня внимательно. Любая попытка устроить здесь разборки закончится тем, что я лично вправлю виновным мозги. Через челюсть. А когда очнётесь, пойдёте драить сортиры до самого выпуска. Я предельно ясно выражаюсь?

— Да, мэм, — хором выдохнули за столом, включая тех, кто вообще сидел спиной к конфликту.

— Кёртис, — Кэрол чуть наклонила голову. — Ты точно всё уяснил?

— Да, мэм, — процедил Ден, глядя в пол.

Он тяжело опустился на стул и демонстративно откусил кусок хлеба, отчаянно пытаясь сохранить остатки растоптанного авторитета. Грегор всё это время сидел неподвижно, не проронив ни слова. Он молча изучал Кэрол своими тёмными, нечитаемыми глазами.

— Беру свои слова назад, — едва слышно выдохнула Лекса, наклонившись к самому уху Мэри, как только куратор вышла из столовой. — Кажется, я начинаю её обожать.

Но инцидент сделал своё дело — остатки ужина прошли в вязкой, гнетущей тишине. Недавняя лёгкость испарилась, шутки застряли в горле. Быстро доев остывшую еду, «Грифоны» молча сдали подносы и потянулись к жилому блоку, избегая смотреть в сторону соседних столов.

Мэри вплелась в спальню одной из последних. Сил не осталось даже на то, чтобы переодеться, — она просто рухнула на матрас и пустым взглядом уставилась в потолок.

Пружины кровати скрипнули. Розы присела на край и негромко спросила:

— Ты как, порядок?

— Да... всё хорошо, спасибо, — натянуто улыбнулась Мэри.

Слева раздался выразительный шорох. Лекса, до этого лениво листавшая какую-то книгу, приподнялась на локте и скептически прищурилась.

— «Всё хорошо» — это теперь твой универсальный ответ? — хмыкнула она. — Потому что звучит как: «Вообще всё плохо, но давайте сделаем вид, что нет».

Мэри невольно фыркнула, но взгляд отвела, чувствуя, как горят щёки.

— С этим психопатом Мартином надо что-то делать, — Розы задумчиво скомкала край покрывала. — Злюсь на себя, что промолчала в столовой. Сейчас-то в голове крутятся гениальные ответы... Классика. Задним умом мы все сильны.

— Даже не вздумай, — Мэри резко села. В её голосе зазвенел металл. — Это моя проблема, не ваша. Том уже подставился из-за меня, и если бы не Кэрол...

Она осеклась и тяжело вздохнула:

— Харрисон была права. Мне вообще не стоило лезть.

Лекса выразительно цокнула языком.

— О, гениальный план. Давайте сидеть тихо, глотать пыль и верить, что однажды утром он проснётся и станет хорошим человеком. Спойлер: не станет. Таких ублюдков останавливает только сломанная челюсть.

Розы потянулась и мягко, но уверенно накрыла подрагивающую ладонь Мэри своей.

— Ты вроде классная девчонка, Уайт, — твёрдо сказала она. — И в обиду мы тебя не дадим. Просто запомни: мы с Лексой и Лилей на твоей стороне.

— Подписываюсь под каждым словом, — лениво салютовала Лекса с соседней кровати. — Без вариантов.

Мэри замерла, боясь разрушить этот момент. Горло перехватило от внезапной, острой благодарности.

— Спасибо, — выдохнула она и порывисто обняла Розы. — Пойду налью воды. И, кстати, ставлю все свои несуществующие карманные деньги на то, что Лилия уже в отключке.

Они разом повернули головы. Лилия безмятежно спала в позе морской звезды, разметавшись по матрасу, и тихо, но ритмично похрапывала. Яркий свет и разговоры её совершенно не волновали.

— Легенда, — с искренним уважением резюмировала Лекса.

Девчонки приглушённо рассмеялись. Розы закуталась в одеяло, а Мэри выскользнула из спальни в общую гостиную.

Наливая воду в стакан у раковины, она никак не могла стереть с лица глупую улыбку. Неужели всё действительно может быть так просто? Неужели всё, что годами вбивал ей в голову отчим — о её никчемности, о том, что она заслуживает лишь одиночества, — было просто грязной ложью, в которую она сама же свято поверила?

Она поднесла стакан к губам, но так и не сделала глоток. Из коридора за тяжёлой дверью донёсся странный звук.

Глухой удар плоти о бетон. Сдавленный стон. И следом — тихий, издевательский смех, от которого по позвоночнику прошлись мурашки. Улыбка мгновенно сползла с лица. Тело сработало быстрее разума: оставив стакан, ноги сами понесли её на звук.

В коридоре Ден Кёртис и Грегор Мартин зажали Тома в углу. Ден мёртвой хваткой держал парня за ворот куртки, приподнимая над полом, а Грегор стоял вплотную, нависая всей своей мощью. Том побледнел, светлые волосы спутались, но он упрямо сжимал челюсти, отказываясь произносить то, чего они ждали — мольбу о пощаде.

Мэри застыла в дверях. Сердце ухнуло куда-то в желудок, а перед глазами замелькали картинки последних часов: искренний смех, поддержка девчонок, тёплое рукопожатие Тома. Это было её первое настоящее чувство безопасности за долгие годы. И сейчас эти двое пытались растоптать его грязными ботинками.

Страх попытался привычно сковать тело, но вдруг натолкнулся на что-то совершенно иное. Там, где раньше была только покорность, вспыхнула ярость. Она жгла изнутри, плавя годы унижений.

— Что вы делаете? — её голос прозвучал глухо, почти хрипло. — Отпустите его.

— Свали в туман, Уайт, — не оборачиваясь, бросил Грегор. — Пока я не решил, что ты следующая.

И в этот момент остатки паники испарились, оставив лишь звенящую пустоту.

— А если я хочу быть следующей? — она сделала шаг вперёд.

— Мэри, не лезь! — выкрикнул Том, пытаясь вырваться.

— Я сейчас не с тобой разговариваю, — отрезала она, не сводя глаз со спины Мартина.

Грегор медленно повернулся. На его лице расплылась кривая, предвкушающая усмешка.

— Подержи дохляка, — бросил он Кёртису. — А я поучу ангелочка манерам.

Но Ден, решив выслужиться, рванулся к ней первым. Он был зол и небрежен, собираясь просто сгрести её за горло и швырнуть в стену. И это стало его ошибкой. Рефлекс, вбитый годами тренировок с Гастусом, сработал быстрее разума. Она не пыталась заблокировать удар — вместо этого мягко ушла с линии атаки вправо, перехватила занесённую руку Дена за запястье и, используя его же инерцию, провернула сустав.

Кёртис не ожидал сопротивления. Он пошатнулся, а Мэри жёстко, без раздумий, вбила колено ему под сгиб ноги. Ден рухнул на колени с глухим стуком, его рука оказалась заломлена за спину под болезненным углом.

— Извиняйся, — выдохнула Мэри прямо ему в ухо.

Грегор и Том замерли. В коридоре начали открываться двери, привлекая сонных курсантов.

— Ах ты ж сука! Пусти! — взвыл Кёртис, попытавшись освободиться. Мэри инстинктивно дёрнула его руку выше. Сустав угрожающе хрустнул. Девушка сама испугалась этого звука, но хватку не ослабила.

— Извиняйся перед Томом. Быстро.

— Ладно! Ладно! Том... прости! — Ден задышался от боли и унижения. — Только отпусти!

Мэри разжала пальцы и отшатнулась. Ден осел на пол, баюкая вывихнутое плечо.

— Ты совсем больная? — прорычал Грегор. В его глазах первобытная ярость смешалась с изумлением. — Ты труп, Уайт.

Он бросил Тома и шагнул к ней. Он был тяжелее, быстрее и опытнее Кёртиса. Первый размашистый удар Мэри чудом успела пропустить над макушкой, нырнув вниз, но Грегор мгновенно развернулся и пробил короткий боковой.

Кулак тяжело врезался ей в живот. От ослепляющей боли из лёгких выбило весь воздух, мир перед глазами на секунду погас. Мэри пошатнулась, но вместо того, чтобы упасть,

на чистом адреналине подалась вперёд, в слепую зону. Из всех сил она ударила основанием ладони снизу вверх, точно в солнечное сплетение Мартина.

Удар вышел смазанным, но этого хватило. Грегор согнулся пополам, судорожно глотая ртом воздух. Его лицо приобрело землистый оттенок.

Только в этот момент Мэри осознала, что коридор полон людей. Десятки глаз смотрели на неё в абсолютной тишине, нарушаемой лишь хриплым дыханием Грегора и гулом вентиляции.

Адреналин вдруг схлынул, оставив после себя ледяной озноб и пульсирующую боль в боку. Мэри согнулась, судорожно обхватив себя руками. Стены коридора угрожающе поплыли. Лекса, Роза, Лиля и Феликс бросились к ней, но она выставила дрожащую руку, останавливая их.

Внутри билась паника. Она была в ужасе не от Грегора, а от самой себя. Годами она была тенью. Годами вжимала голову в плечи и безропотно глотала слёзы, стоило отчиму замануться. Она умела только просить прощения, просто чтобы её перестали бить. И вот сейчас она смотрела на свои трясущиеся руки, которыми только что чуть не покалечила человека и заставила его извиняться. От этого осознания по спине пополз липкий, тошнотворный холод.

Мэри посмотрела на Кёртиса, который всё ещё скулил на полу, и её едва не вывернуло. Этот хруст сустава, это ощущение чужой слабости под её пальцами... Она ненавидела это. Она не просто ударила Грегора — она выплеснула всю ту гниль и ярость, что годами копилась в подвалах её души. Она будто на секунды стала тем, кого боялась больше всего на свете.

— Что я сделала?.. — сорвалось с её побелевших губ так тихо, что услышал только Том.

Ей казалось, что теперь на её ладонях навсегда останется этот след — след насилия, которое она так презирала. Это было не освобождение. Это было крушение всего, что она о себе знала. Она так долго защищала свою человечность через молчание и терпимость, а теперь разрушила этот барьер за несколько секунд.

— Прошу вас... — её голос дрожал, в нём не осталось ни капли той стальной решимости. — Просто хватит. Перестаньте...

Она видела, как Ден Кёртис, оправившись, попытался зайти со спины. Мэри медленно обернулась. Она не хотела больше бить. Она хотела, чтобы этот кошмар просто исчез. Она подняла ладонь — не для удара, а как человек, молящий о пощаде, хотя со стороны это выглядело как властный жест.

— Пожалуйста, — выдохнула она.

И в этом слове было столько выжженной боли и подлинного отчаяния, что Ден замер, словно наткнулся на оголённый провод.

— Всё, шоу окончено! Проваливайте! — закричал Кёртис, нервно озираясь на толпу, пытаясь вернуть себе хоть каплю авторитета.

Мэри подошла к Грегору. Тот сидел на коленях, его лицо было серым, а из горла вырывался свистящий хрип.

— Давай помогу, — спокойно предложила она, протягивая руку.

Он отпрянул, словно от раскаленного железа.

— Не смей ко мне прикасаться, уродка! — взревел он, и в этом крике было больше унижения, чем ярости. — Я уничтожу тебя, Уайт. Клянусь. Я никогда не проигрываю. Ты взяла этот бой, но в войне я сотру тебя в порошок.

— Грег... — Мэри разочарованно выдохнула, глядя в его полыхающие ненавистью глаза. — Ты ничего не понял.

— Уайт! Мартин! Кёртис! Хиггинс! — громовой голос разрезал пространство. — Какого дьявола здесь происходит?!

Кэрл Харрисон стояла в десяти шагах, скрестив руки на груди. Её лицо не выражало ничего, кроме холодного, концентрированного бешенства.

— Это она начала, мисс Харрисон! Она безумная, она набросилась на нас! — заверещал Кёртис, тыча пальцем здоровой руки в Уайт.

Мэри даже не повернула головы. Она лишь прикрыла глаза, чувствуя, как тошнота подступает к горлу.

— Я посмотрю записи с камер, и сама решу, кто здесь «безумный», — отрезала Кэрол, и Ден мгновенно захлебнулся собственной ложью, густо покраснев. — Так. Лекса, Роза, Феликс, остальные — вы соучастники?

— Нет, мисс, — ответила за них Мэри, выпрямляясь через силу. — Они ни при чём. Они просто вышли на шум.

Кэрол коротко кивнула, её взгляд на секунду задержался на бледном лице Мэри.

— В комнату. Всем спать. И передайте остальным: если я услышу об этом хоть шёпот — весь этаж будет зубными щётками чистить сточные трубы. Услышали меня?

— Да, мисс, — хором выдохнули ребята и, бросая на Мэри и Тома полные тревоги взгляды, скрылись за дверью.

— А вы, четверо идиотов, — процедила Кэрол, — за мной. Живо.

Они шли по стерильному коридору. Впереди — Кэрол, следом — поверженные Грегор и Ден, а замыкали шествие Том и Мэри. Том несколько раз попытался пригладить растрёпанные светлые волосы, выглядя при этом как взъерошенный воробей, переживший шторм.

— Слушай... — он заговорил очень тихо, едва шевеля губами. — Зачем ты это сделала? Зачем вписалась за меня?

Мэри посмотрела на свои руки. Пальцы всё ещё дрожали. Боль в животе заставляла сутулиться.

— Потому что я слишком долго смотрела, как это происходит с другими, — так же тихо ответила она. — Знаю это ощущение... когда никто не вмешивается.

Она на секунду замялась, а потом добавила с тенью улыбки:

— И... мне бы очень хотелось, чтобы мы с тобой и Феликсом стали друзьями. Настоящими.

Том на мгновение перестал бороться с причёской и посмотрел на неё. Его карие глаза потеплели.

— Знаешь, я обычно не навязываюсь, но тут... — он вдруг коротко усмехнулся. — Взаимно, Мэри. Кстати, Феликс теперь официально твой главный фанат. Только не выдавай меня, а то он заставит меня позировать ему вечность в наказание.

— Договорились, — Мэри слабо улыбнулась.

— А где ты так нахваталась? — не выдержал Том через пару шагов. — Ты двигалась... ну, как в кино. Может даже круче.

— Друг семьи научил, — Уайт вздохнула, и перед глазами всплыл образ Гастуса, его спокойная уверенность и мозолистые ладони. — Мне его очень не хватает. Единственный человек, который видел во мне не только уязвимость.

— Ничего, — Том легонько задел её плечом, пытаясь подбодрить. — Через год вернёшься и сама его чему-нибудь научишь. Скажешь: «Смотри, как я теперь умею штабелями укладывать амбалов».

Мэри негромко рассмеялась, и этот смех на мгновение разогнал тьму в её душе.

Они поднялись на третий этаж, в святая святых — административный блок. Кабинет Кэрол был сухим и функциональным. Без лишних слов она подошла к терминалу, ввела код и вывела на компьютерный монитор запись.

В холодном сиянии экрана они увидели всё: как Грегор и Ден прижали Тома, как появилась Мэри — почти прозрачная фигурка на фоне верзил. И как эта фигурка в три движения превратилась в смертоносную сталь. На видео это выглядело ещё страшнее: Мэри действовала

с пугающей, механической точностью хищника. На записи было видно, как она ломает Кёртиса, как вбивает ладонь в сплетение Грегору.

Кэрол нажала на паузу и медленно повернулась к ним. В кабинете воцарилась тяжёлая, гнетущая тишина, нарушаемая только гулом системного блока. Куратор медленно, почти с физическим наслаждением, прожгла взглядом каждого из присутствующих, после чего коротким, резким движением удалила файл. Корзина очистилась с сухим звуком, похожим на выстрел.

— Если бы я не решила зайти в столовую за чёртовым кофе и не услышала ваши разборки, — ледяным тоном начала она, — эту запись завтра утром смаковал бы директор Тревор Джонсон.

Она сделала паузу, давая словам впитаться в их сознание.

— Тот самый человек, который одним росчерком пера превращает вашу жизнь в удобение для Элеайда.

Грегор, прислонившись к косяку, высокомерно хмыкнул и отвёл взгляд в сторону, демонстрируя полное, запредельное равнодушие к происходящему. Для него это было лишь досадной заминкой. Кэрол даже не удостоила его поворотом головы, но её голос стал ещё на пару градусов холоднее.

— Если бы он увидел этот цирк, вы бы уже через час работали в канализации. По пояс в дерьме. Без права на отдых. Вы вообще осознаёте масштаб своей тупости? Вы понимаете, что я прямо сейчас, подставляясь, вытаскиваю ваши задницы из петли?

Она с яростью обрушила кулак на стол. Монитор жалобно звякнул, клавиатура подпрыгнула. Мэри и Ден вздрогнули, Том вжал голову в плечи, и только Грегор даже не повёл бровью, продолжая изучать ногти с видом скучающего аристократа.

— Камеры стоят везде! — рявкнула Кэрол, с силой сжимая переносицу, словно пытаясь подавить желание придушить их на месте. — В коридорах, в залах, на тренировочных площадках. Везде, кроме ваших сортиров и спален. Ради всего святого! И это — только первый день...

Кэрол выпрямилась. В её глазах не было ни капли сочувствия, только сухая дисциплина.

— Давайте договоримся на берегу. Вы завязываете с этой хернёй. С этого момента провокатор отправляется драить баки в ту же секунду, как я об этом узнаю. Я буду следить за каждым вашим вдохом. И, если хоть кто-то из вас снова решит поиграть в альфа-самца или вершителя правосудия — от бури, которую я устрою, вам не спастись. Ясно?!

— Да, мисс Харрисон... — выдохнули они почти в унисон.

— Парни, вон из кабинета. Уайт — останься. — приказала она, рубя воздух ладонью.

Ден и Том поспешно ретировались, Грегор же оттолкнулся от стены ленивым движением и вышел последним, обдав Мэри волной своего ледяного спокойствия. Когда дверь закрылась, Кэрол скрестила руки на груди, изучая Мэри как сложный и крайне дефектный механизм.

— Ты в курсе, что ты снова всё испортила? — в лоб спросила она.

— Я? — Мэри вскинула голову, чувствуя, как внутри снова вскипает несправедливость.

— Я тебе не нянька, Уайт. Но я только что спасла тебя от трибунала. Ты хоть понимаешь, что Джонсон завтра увидел бы на этой записи идеальную картину? Если бы ты не вмешалась и не устроила этот самосуд, он бы просто отправил Дена и Грегора в канализацию по моей наводке. Без лишнего шума. И всё было бы чисто.

— Я не знала... о камерах. — тихо ответила Мэри. — Я просто не смогла пройти мимо.

В глубине души Мэри понимала: это не была «человечность». Это была ненависть к отчиму, которая теперь жила в ней самой. Все эти годы она считала себя доброй, потому что не была в ответ. Но сейчас, в тишине кабинета, она осознала горькую правду: она была не доброй. Она была запуганной. Она молчала не из милосердия, а от парализующего страха. И теперь, когда Карла нет рядом, этот страх мутировал. Теперь она боялась не его, а того, что отчим — это и есть она сама.

Кэрол устало выдохнула, глядя на побледневшую девушку.

— Твоё упрямство не знает границ, Уайт.

— Хорошо. Поняла. Я снова виновата, — устало произнесла Мэри, вскидывая руки.

Стыд обжёг горло. Она впервые за двадцать три года нашла в себе силы не закрыть глаза — и в итоге получила выговор.

— Я удалила этот файл только потому, что на нём была ты, — жёстко припечатала Кэрол. — Перестань тупить и включай мозги. И не делай больше глупостей. Уяснила?

— Да... хорошо. Простите. — Мэри понуро опустила голову, борясь с подступающими слезами.

— Но Гастус всё-таки неплохо натаскал тебя, — добавила Харрисон после затяжной паузы. Тон её голоса неумовимо изменился. — Я не видела всех твоих способностей, но база... база серьёзная.

— Вы знаете Гастуса? — Мэри вскинула взгляд, мгновенно забыв о слезах. Имя старого друга семьи подействовало как разряд дефибриллятора.

— Чёрт, — Кэрол нервно усмехнулась, качнув головой. — Только не вздумай ляпнуть ему, что я спалила его «засекреченную» личность. Старик этого не переживёт.

— Стоп! — Мэри словно током ударило. Озарение ослепило её, наконец-то связывая воедино жёсткие черты лица куратора и редкие рассказы Гастуса о его дочери.

Она вдруг вспомнила старую, выцветшую фотографию из его бумажника — девочка с точно таким же упрямым взглядом и острыми скулами. Как она могла сразу не понять? Харрисон... Фамилия казалась слишком распространённой, слишком безликой для этого места. В её сознании Гастус был синонимом тепла, дома и редких моментов безопасности, а Кэрол — олицетворением безжалостной стали Элеайда. Разум просто отказывался объединять эти две реальности в одну. Но теперь осознание окатило её ледяной водой.

— Вы... вы дочь Гастуса! — выдохнула Мэри.

— Это не делает нас ни друзьями, ни добрыми приятелями, Уайт, — тут же осадила её куратор, отрезая пути к сентиментальности. — Просто перестань влипать в неприятности и быть моей личной головной болью. Хотя бы ради него.

— Хорошо. Я постараюсь.

Улыбка Мэри погасла так же быстро, как и появилась. Родство Кэрол с Гастусом не принесло облегчения — оно лишь придавило плечи новым грузом ответственности. Теперь она боялась подвести не только маму и сестру. Теперь она не имела права разочаровать единственного человека на поверхности, который в неё когда-то поверил.

Глава 3. Серые дни

Время на военной базе Элеайд текло не днями или неделями — оно измерялось гулким эхом шагов по бесконечным бетонным коридорам. Свет вспыхивал в одну и ту же секунду, безжалостно отсекая остатки снов. Автоматические двери смыкались с безупречным, бездушным шипением.

Утро. Завтрак под стальной лязг подносов в столовой. Занятия. Тренировки в залах, насквозь пропитанных запахом пота и резины. Короткие, как выстрелы, команды инструкторов, глухие удары тел о маты. Обед — и всё по новой.

Но именно в этом механическом, монотонном повторении Мэри нашла странное исцеление. Мир сузился до понятных, осязаемых границ, которые больше не пытались раздавить её своей внезапностью. Здесь не нужно было гадать по тени на лице отчима, стоит ли сегодня ждать удара. Каждый следующий час был расписан и предсказуем, а значит — безопасен. Элеайд стал тем самым жёстким каркасом, который удерживал её от распада, позволяя наконец-то начать дышать.

Единственной трещиной в этом каркасе оставался Грегор Мартин.

Но время оказалось отличным анестетиком. Постепенно искры погасли, резкие стычки в коридорах сошли на нет, а открытая враждебность его свиты растворилась в жёстком ритме базы. Мэри без малейшего сопротивления уступила ему место лидера группы — отдала этот призрачный титул, не пытаясь за него цепляться. Власть ей была не нужна. Ей нужна была тишина.

И всё же его взгляды по-прежнему находили её в толпе. Холодные, тяжёлые, изучающие. В них не было открытой агрессии, но читалось нечто куда более пугающее — выжидание хищника, которому некуда торопиться. На спаррингах Грегор работал с яростным остервенением, доводя каждое движение до идеала, словно копил силу для одного решающего броска. Он не делал шагов навстречу, но и не отступал ни на миллиметр.

И всё же... дни шли, а броска не происходило.

Мэри позволила себе выдохнуть. Она заставила себя поверить, что бессмысленная война осталась в прошлом. Что взгляд — это просто взгляд, а не прицел. В конце концов, она не обязана была всем нравиться. Этого самовнушения хватило, чтобы разжать внутреннюю пружину страха и с головой уйти в тренировки.

Кэрол взялась за неё всерьёз. Мэри превосходила многих новичков: её мозг отлично помнил логику боя и болевые точки, но хрупкое тело, годами привыкавшее лишь сжиматься в комок, пока не поспевало за разумом. Ей критически не хватало физической мощи и той безжалостной точности, которую требовала Харрисон. Поэтому Кэрол тренировала её лично. База Гастуса была честной и крепкой — оставалось лишь выковать из этих навыков оружие, синхронизировав мысль и мышцы.

И Мэри впахивала на износ. Впервые в жизни она выкладывалась не из страха перед наказанием, а потому что внутри проснулось жгучее желание перестать быть жертвой. В ритме ударов по груше она собирала себя заново, осколок за осколком.

Не последнюю роль в этом сыграли и «Грифоны». Том, Феликс, Роза, Лекса и Лиля стали её новой точкой опоры. Сначала они держались вместе из инстинкта самосохранения, а потом просто осознали, что без их бесконечных подколов и вечерних разговоров этот подземный мир был бы невыносимо серым. Им повезло найти друг друга во чреве Элеайда, и это чувство грело Мэри по ночам, когда от усталости сводило все мышцы.

В редкие свободные часы она спускалась к Люси. Сестра с головой ушла в учёбу, и Мэри, стараясь не мешать, просто сидела рядом с конспектами, согреваясь её присутствием. Люси

так мучительно напоминала маму... В повороте головы, в интонациях, в привычке заправлять прядь за ухо оживало нечто настолько родное, что у Мэри каждый раз перехватывало дыхание.

Тоска по матери была её единственной открытой раной. Анна осталась там, наверху, один на один с Карлом — монстром, питавшимся их страхом. От одной мысли об этом хотелось выть на бетонные стены.

Перед отъездом Анна клялась, что всё будет хорошо. Уверяла, что нашла людей, которые помогут, и что через год они начнут новую жизнь, где не будет места синякам и унижениям.

Но Мэри знала правду: она бросила мать в самом эпицентре шторма. Это знание жгло изнутри сильнее любого пропущенного удара на ринге.

Её самым чёрным, разъедающим сожалением было то, что все эти годы она не защищала маму. Стояла в стороне, парализованная ужасом, позволяя Карлу творить его личный ад. Но теперь, чувствуя, как наливаются силой мышцы и как сталь ложится в основу её характера, Мэри больше всего на свете хотела докричаться до дома. Хотелось рассказать маме, что она больше не тень. Пообещать, что если Карл ещё хоть раз посмеет замахнуться, она не зажмурится, а перехватит его руку. Она станет её щитом. Хотелось поделиться этим и с Гастусом — сказать, что его уроки не прошли даром, что они стали её спасением.

Ей до физической боли хотелось обнять их, коснуться маминых рук, убедиться, что они ещё живы под этим тяжёлым небом. Но Элеайд был глух. Любая связь с поверхностью каралась наказанием.

Оставалось только одно — верить. Тренироваться до кровавых мозолей, стискивать зубы и надеяться.

Так проходили дни. За ними недели. А потом — месяцы.

Утро четверга. Спустя шесть месяцев и девять дней пребывания на базе

— Мэри! Чёрт тебя дери, Уайт, воскресай! — Лекса трясла подругу за плечо с неистовостью человека, который уже выбрал, на каком кладбище их похоронят. — Если мы снова проспим лекцию по выживанию в техногенной среде, мисс Кери лично устроит нам одну такую катастрофу.

— Зачем... — Мэри страдальчески застонала, зарываясь лицом в подушку, — зачем ты каждый раз произносишь полное название предмета? У меня от одного количества слогов начинается мигрень. Иди без меня. Я догоню.

— Уайт, шевели булками! — Лекса фыркнула и снайперским броском запустила майку Мэри прямо в лицо. — У тебя пять минут. Ровно. Потом я ухожу, а ты объясняешь Кери, почему твой труп не явился на переключку.

Через семь минут они, задыхаясь, ворвались в аудиторию, опоздав на добрую четверть часа.

— Уайт. Остин, — голос мисс Кери был похож на хруст сухого льда. Она медленно перевела взгляд с электронных часов на замерших в дверях девушек. — Какая непреодолимая сила в очередной раз помешала вам явиться вовремя?

— Ну, мы... понимаете, произошла заминка в логистике... — начала мямлить Лекса, лихорадочно подыскивая оправдание.

В этот момент Элеайд вздрогнул.

Сначала это был короткий, почти вежливый толчок где-то глубоко под фундаментом. Затем — второй, мощный и утробный, словно древний зверь под базой решил расправить плечи. Пол ушёл из-под ног. Гул, начавшийся в стенах, перерос в оглушительный скрежет металла о бетон.

— Под столы! Живо! — гаркнула мисс Кери, растеряв всю свою чопорность.

Вибрация нарастала с пугающей скоростью. Стеллажи с пособиями сорвались с креплений, обрушивая на пол груды пластика и металла. Свет моргнул и погас, оставив класс в абсо-

лутной темноте на бесконечные пару секунд, пока не вспыхнули аварийные лампы. Тусклый, кроваво-красный свет залил помещение, превращая клубы поднявшейся пыли в густой туман.

Завыла сирена — надсадный, захлёбывающийся звук, бьющий по перепонкам.

— Никому не покидать кабинет! — перекрывая грохот, закричала Кери. — Ждать окончания толчков! Это протокол!

Но базу трясло так, словно её жевал гигантский пресс. Стены стонали, и Мэри, прижавшаяся к холодному полу, увидела то, чего не видела преподаватель сквозь пелену паники. По стене, прямо от силового узла, стремительно змеилась трещина. Она росла на глазах, разделяя кабинет на две обречённые половины. Потолочные плиты начали крошиться, выплёвывая куски бетона размером с голову.

Мэри поняла: этот сектор — ловушка. Старые чертежи базы, которые она изучала ночами, всплыли в памяти: несущие колонны коридора были в три раза толще, чем здесь.

— Вылезайте! В коридор! — закричала Уайт, перекрывая вой сирены. — Коридор выдержит, кабинет — нет! Бегите к выходу!

— Уайт, оставаться на местах! Это приказ! — сорвалась на крик Кери, цепляясь за ножку своего массивного стола.

— К чёрту приказы! Потолок сейчас рухнет! — Уайт рванулась к выходу, увлекая за собой Лексу.

За ними, подчиняясь какому-то звериному чутью Мэри, сорвались Роза, Лиля, Том и Феликс. Остальные сидели под партами, парализованные страхом и вбитыми в голову инструкциями. Мэри обернулась у самого дверного проёма. Пыль забивала лёгкие, дышать стало нечем. В красном мареве она видела, как трещина на потолке превращается в зияющую пасть.

— Уходите вглубь коридора! — крикнула она друзьям и, не раздумывая, бросилась назад в класс.

Она действовала на инстинктах. Подхватила за шиворот дезориентированного парня из второго ряда, вытолкнула его к дверям. Второго — почти волоком. Те из «Грифонов», кто не потерял голову, начали помогать, выхватывая однокурсников из пыльной мглы.

Мэри добралась до стола преподавателя. Мисс Кери сидела на полу, прижимая ладонь к окровавленному виску — обломок бетона задел её по касательной.

— Вставайте! — Мэри подхватила женщину под локоть, буквально заставляя ту подняться.

Грохот стал невыносимым. Скрежет арматуры напоминал предсмертный хрип базы. Мэри тащила женщину к выходу, когда прямо над ними лопнула несущая балка.

Она увидела протянутые руки трясущейся Лексы в дверном проёме, видела искаженные криком лица друзей.

Времени не было. Мэри вложила всю свою силу в один толчок, выпихивая преподавателя в руки ребят.

И в ту же секунду Элеайд содрогнулся в финальном конвульсивном толчке.

Огромный пласт перекрытия рухнул прямо перед лицом Мэри, наглухо запечатывая выход тоннами бетона и искорёженной стали. Последнее, что она услышала перед тем, как пыль окончательно скрыла мир — отчаянный крик Розы.

— Мэри! Мэри, ответь!

Пространство кабинета сжалось до размеров железного гроба. Стены словно наваливались со всех сторон, выдавливая воздух. Кашель раздирал горло, глаза жгло от едкой извести. На ощупь Мэри нашла чудом уцелевшую парту и попыталась втиснуться под неё, создавая хоть какой-то островок безопасности.

Она почти успела. Почти.

Вторичный обвал произошёл мгновенно. Край бетонной плиты сорвался со стены и рухнул вниз, сминая край стола и придавливая правую ногу Мэри к полу.

Вспышка боли была такой силы, что реальность рассыпалась на белые искры. Мэри выгнулась дугой, захлёбываясь беззвучным криком, и прежде чем тьма окончательно накрыла её сознание, она успела подумать лишь об одном: «Пожалуйста, только бы они были в порядке...»

Мир погас.

Мэри открыла глаза, но мир не спешил обретать чёткость. Потолок медпункта, испещрённый линиями коммуникаций, плыл перед взором, как отражение в мутной воде. Всё тело превратилось в одну сплошную, пульсирующую гематому. Казалось, по ней проехал тяжёлый армейский тягач, а потом вернулся, чтобы проверить работу.

Она заставила себя опустить взгляд. Правая нога была туго забинтована, зафиксирована, но пальцы слушались. Не сломана. Просто раздроблена мягкая ткань и сильный ушиб. Дыхание давалось с трудом, грудную клетку стягивал невидимый корсет боли, а внутри черепа, прямо за глазницами, работал какой-то разлаженный, вибрирующий механизм.

Она повернула голову. Справа, скрючившись на неудобном металлическом стуле, спала Лекса. Её лицо, обычно дерзкое и подвижное, сейчас казалось серым от усталости.

— Эй... — голос Мэри был похож на шелест сухой листвы. — Лекса... проснись.

Брюнетка вскинулась мгновенно. Несколько секунд она смотрела на Мэри дикими, непонимающими глазами, а потом в них вспыхнула такая отчаянная радость, что Мэри невольно сжалась.

— Мэри! О боги! — Лекса кинулась к кровати, едва сдерживая всхлип. — Ты очнулась! Живая!

— Воды... — хрипло попросила Мэри, морщась от резкого движения подруги.

Александрия дрожащими руками поднесла стакан к её потрескавшимся губам. Вода казалась самым вкусным напитком во вселенной.

— Сколько я... была вне доступа? — Мэри сделала усилие, чтобы сфокусировать взгляд.

— Пять дней, — выдохнула Лекса, осторожно отставляя стакан. — Пять дней глубокого сопора. Врачи говорят, это защитная реакция мозга. Из-за сильного удара по затылку и резкого падения давления в замкнутом пространстве твой организм просто «выключил свет», чтобы спасти нервную систему от болевого шока и кислородного голодания. Ты была на самой грани, Мэри. Но у тебя удивительно сильный организм. И крепкие кости.

Лекса на мгновение прикрыла глаза, переводя дух.

— Ты спасла нас. Кабинет превратился в сплошное месиво из бетона и арматуры. Эксперты говорят, что именно тот сектор дал усадку, и если бы не твоя реакция... мы бы сейчас не разговаривали. Тебя доставали три часа. Парта приняла на себя основной удар, а две плиты заклинило прямо над тобой, создав подобие купола. Чистое везение. Или чудо.

Мэри слабо улыбнулась, чувствуя, как по щеке ползёт холодная слезинка.

— Мы не уходили отсюда, — тихо продолжила Лекса. — Люси, Том, Феликс, Роза... мы дежурили по очереди. Люси вообще едва не разнесла лазарет, когда её не хотели пускать. И... — Лекса вдруг хитро прищурилась, и в её глазах заплясали привычные чёртики. — Кэрол меня линчует, но ты же знаешь, секреты в моей голове не приживаются.

— Ну же, не тяни, — прошептала Мэри, чувствуя, как любопытство пробивается сквозь пелену слабости.

— Ты получишь куртку с золотым Грифоном, — торжественно, почти шёпотом произнесла Лекса. — Тебя наградят званием «Герой Элеайда». Нас тоже отметили, но ты... Мэри, ты буквально шагнула в пасть смерти, чтобы вытолкнуть Кери. Ты пожертвовала, блин, собой.

Мэри замерла, не в силах выдохнуть. Герой? Она? Та самая девочка, которая годами прятала синяки под длинными рукавами и извинялась за само своё существование? Она медленно откинула голову на подушку, глядя в потолок. Сердце, до этого бившееся ровно и глухо,

вдруг пустилось вскачь. Ей казалось, что это бред, галлюцинация, вызванная лекарствами. Она украдкой ущипнула себя за здоровое бедро. Боль была настоящей. Реальность была настоящей.

Она что-то значила. Она была важна. Не как объект для издевательств Карла, а как человек.

Уже через час медпункт наполнился людьми. Первой влетела Люси — бледная, с покрасневшими глазами, она просто прижалась лбом к руке сестры, не в силах вымолвить ни слова. Следом пришли «Грифоны», заполнив стерильную тишину своим радостным шёпотом. Пришли и преподаватели. В их числе и мисс Кери, в глазах которой стояли слёзы.

А затем вошел директор Тревор Джонсон. Помещение мгновенно погрузилось в звенящую тишину. Тяжёлые шаги директора отдавались в ушах Мэри барабанным боем.

— Мэрилин Уайт, — произнёс он, останавливаясь у изножья кровати. Его голос, обычно сухой и властный, сейчас звучал с непривычной теплотой. — Ты проявила себя как истинный элейдец. В момент, когда инструкции превратились в пыль, ты не потеряла самообладания. Ты спасла восемнадцать человек и жизнь преподавателю, рискуя собственной.

Он сделал шаг ближе, глядя ей прямо в глаза.

— Я горжусь тем, что ты обучаешься здесь. Ты — наша гордость, Мэри Уайт. И я благодарю тебя от лица всей базы за твою отвагу.

Джонсон протянул ей широкую сухую ладонь.

Мэри, дрожа от волнения, ответила на рукопожатие. Она чувствовала, как горячая краска заливает лицо, а по залу прошёл добрый приглушенный смех.

— Спасибо... — едва слышно пробормотала она.

И в этот момент плотина рухнула. Слёзы хлынули из глаз неудержимым потоком. Это были не слёзы боли. Это были слёзы человека, который впервые за всю свою жизнь почувствовал себя в безопасности, окруженным любовью и признанием.

Глава 4. Где справедливость?

Спустя неделю синяки и ссадины почти сошли на нет. Мэри вернулась в привычный ритм — тренировки, лекции, вечерние посиделки — с жадностью человека, заново открывшего для себя вкус жизни. Заметно изменилась и Кэрол. Дочь Гастуса сменила глухую враждебность на требовательную строгость, наконец разглядев в девчонке реальный потенциал. К удивлению обеих, они быстро нашли общий язык: их сблизило негласное понимание того, какую высокую цену порой приходится платить за силу.

Жизнь, казалось, налаживалась. Лицо отчима всё реже всплывало в ночных кошмарах, а привычка вжимать голову в плечи постепенно исчезала. Форменная куртка с золотым грифоном, которую она всё-таки заслужила, стала для неё не просто вещью, а второй кожей — осязаемым доказательством того, что она не пустое место. Поддержка ребят изо дня в день убеждала: она имеет право на тепло и дружбу просто так, а не в качестве милостыни.

При этом Мэри сознательно прятала «зубы». Теперь она точно знала, что на дне её души дремлет та же тёмная ярость, что и в её мучителях. Но она сделала выбор: остаться человеком. Остаться доброй. Мэри до одури боялась стать зеркальным отражением зла, которое её ломало. Ей казалось, что стоит лишь на секунду дать волю жестокости — и та светлая девочка, которую так любила мама, исчезнет навсегда.

Но именно этот добродушный фасад, этот отказ от насилия вызывал у некоторых приступы глухой ненависти. В Элеайде поклонялись силе, и для Грегора Мартина мягкость Мэри была как красная тряпка. Он был уверен: за этой улыбкой прячется гнилое нутро и обычная трусость. Его бесило, что эта девчонка умудрилась стать душой компании, не сломав при этом ничьих костей. Для него её авторитет был нелепой ошибкой, которую требовалось срочно исправить.

Вечером, пока столовая гудела голосами ужинающих кадетов, в комнате парней воцарилась душная, гнетущая атмосфера. Мартин, Ден и ещё четверо ребят обсуждали детали мести.

— Завтра директор объявит об ужесточении протоколов из-за землетрясений. Все соберутся в общем зале, — начал Грегор, чеканя шаги по комнате. Его взгляд горел нездоровым, лихорадочным блеском. — Я подсыплю нашему «ангелочку» в стакан триморфин. Он выключит её волю через десять минут. Пока вы будете отвлекать её верных псов — Тома, Феликса и девчонок, я выведу её из зала под предлогом внезапного приступа. И в одной из комнат я наконец разберусь с ней без свидетелей.

Он злобно усмехнулся, глядя на флакон в своих руках.

— Ден и Бобби возьмут на себя её компанию. Жан проследит, чтобы никто не помешал мне завершить начатое. Всем всё ясно?

Ден Кёртис, парень с острыми чертами лица и вечно беспокойными руками, нервно переступил с ноги на ногу. Он не был трусом в обычном понимании, но логика Грегора пугала его своей необратимостью.

— Грег, триморфин — это слишком серьёзно, — глухо произнёс он. — Это тяжёлый наркотик. Она может «поплыть» навсегда. Её не просто накажут, её вышвырнут отсюда и отправят на работы в канализацию. Тебе не кажется... что это перебор? Учитывая, что она вытащила нас из-под тех плит?

— Она самовлюблённая, подлая дрянь! — взорвался Мартин, мгновенно оказавшись в паре сантиметров от лица Дена. Его дыхание обжигало. — Она унизила меня. Она швырнула мне звание старосты, как объедки со стола, при этом заставляя всех смотреть ей в рот! Она крадет моё место, Ден. И я это исправлю. Я сделаю так, что она будет скуливать от одного моего взгляда.

Грегор вцепился в плечо Кёртиса, прожигая его бешеными глазами.

— Если у тебя внезапно прорезалась совесть, Ден, я набью тебе морду прямо здесь. И ты сможешь пойти и залезть под юбку к Уайт, умоляя её защитить твою жалкую шкуру. Ты со мной или ты — мишень?

Ден замер. Он чувствовал, как внутри него ломается последнее сопротивление. Власть Грегора была осязаемой, тяжёлой, как свинец.

— Нет, Грегор... ты прав. Она слишком заигралась в святую, — пробормотал он, опуская голову. Совесть проиграла инстинкту самосохранения. — Но камеры... коридоры, столовая? Нас вычислят за секунды.

— Из-за сейсмической активности половина узлов связи в том секторе выдаёт только помехи, — спокойно, почти ласково ответил Мартин, отпуская плечо друга. — У меня готовы все отговорки. Завтра её триумф закончится. Навсегда.

Он махнул рукой, и заговорщики послушно разошлись. Грегор остался один, глядя на серые стены Элеайда. Его план был безупречен в своей жестокости: он не просто хотел причинить ей боль, он хотел уничтожить саму суть Мэри Уайт.

Завтра её свет должен был превратиться в пепел.

На следующий день всё шло именно так, как и спроектировал воспаленный мозг Мартина.

За ужином, в привычной суете очереди, когда кадеты толкались подносами и обменивались шутками, Грегор улучил момент. Одно короткое, отточенное движение — и в стакане Мэри растворилась доза триморфина. Ничего не подозревающая девушка села к друзьям, чувствуя лишь привычный голод после тренировки.

— Мэри, ты же помнишь про сегодняшнее собрание? — небрежно бросил Феликс, расправляясь с котлетой с видом человека, который морально готов пережить апокалипсис, но не намерен делать это на пустой желудок.

— Да, — она кивнула, сделав первый долгий глоток сока. — Просто странно, что эти толчки происходят почти три раза в день. Но такого ада, как в тот раз... — Мэри на секунду замолчала, и тень воспоминания о рушащемся потолке промелькнула в её глазах. — Слава Богу, больше не было. Пока что.

Она нахмурилась и лениво поковыряла вилок гарнир, отдавая предпочтение напитку. Жидкость казалась странно густой, но Мэри списала это на усталость.

— Как думаете, что это вообще такое? Почему нас не эвакуируют, если Элеайд рискует стать нашей братской могилой? С каждым разом всё труднее убеждать себя, что это «просто штатная ситуация», — Уайт тяжело вздохнула.

— Штатная ситуация — это когда трясёт по расписанию, — пожала плечами Лекса, понизив голос. — А это уже похоже на истерику земли. Я говорила с Кэрл. Она по секрету проболталась, что наше руководство — это декоративные растения. Красивые, молчат и ждут команд «сверху». Так что, если честно... мы в заднице. Причём глубоко и без карты выхода.

— Такое чувство, что мы подопытные в эксперименте, о котором забыли предупредить, — вздохнула Лиля, невидящим взором уставившись в тарелку.

— Или предупредили мелким шрифтом, — вставил Феликс. — Там, где обычно пишут о возможных побочных эффектах вроде внезапной смерти.

Том весело усмехнулся.

— Интересно, что за побочные эффекты нам сегодня выдаст Джонсон, — Роза выжала из себя кривую усмешку. — Если он снова скажет, что мы «в полной безопасности», я начну аплодировать.

Компания разразилась нервным, почти истеричным смехом. Это был тот самый звук, который издают люди, когда тишина вокруг становится слишком похожей на панику.

«Просим всех пройти в общий зал. Объявление мистера Джонсона начнётся через пять минут. Опаздывать запрещается», — раздался из колонок бездушный, металлический голос.

Друзья обменялись короткими, напряжёнными взглядами и направились к выходу. Воздух в коридорах казался плотным, пропитанным ожиданием чего-то непоправимого.

И именно в этот момент Мэри почувствовала это. Сначала по телу разлилось странное, обманчивое тепло, но уже через секунду оно сменилось ледяным оцепенением. Дышать становилось всё труднее, словно грудную клетку стягивали невидимые стальные обручи. Триморфин начал свою работу: мир вокруг стал терять чёткость, звуки голосов друзей доносились будто сквозь толщу воды. Мэри казалось, что она пытается пробиться сквозь невидимые стены, которые внезапно выросли между ней и реальностью.

Слабость нахлынула волной, превращая мышцы в бесформенную, чужую вату. Пол под ногами предательски качнулся, и Мэри замерла, цепляясь взглядом за спину идущего впереди Тома, но та двоилась и расплывалась. Она едва держалась, из последних сил заставляя ноги переставляться.

Грегор, шедший чуть позади, заметил это мгновенно. Его взгляд хищника зафиксировал её побледневшее лицо и стеклянный, расфокусированный взор.

Он подал короткий, едва заметный знак своей свите. План сработал как часы: Ден и Бобби внезапно «случайно» врезались в Феликса и Тома, затеявая на пустом месте громкую, нелепую перепалку о вчерашней тренировке. Лекса и Розы, обернувшись на шум, оказались заблокированы остальными парнями Грегора, которые нарочито вежливо, но плотно окружили их, «расспрашивая» о чём-то маловажном. В этой созданной на несколько секунд суматохе и толкучке у входа в зал, друзья потеряли Мэри из вида. А потом голос из колонок попросил о тишине. И все сфокусировали внимание на директоре.

Мистер Джонсон поднялся на трибуну.

Убедившись, что внимание толпы приковано к оратору, Грегор крепче сжал Мэри. Он подхватил её под локоть, делая вид, что просто помогает девушке.

— Тихо, ангелок, — выдохнул он ей в самое ухо.

Он резко затащил почти парализованную Уайт в боковой коридор, ведущий к жилым блокам. Мэри пыталась вскрикнуть, но горло словно засыпали песком — из него вырвался лишь жалкий, сдавленный хрип. Грегор дотащил её до двери женской спальни, ввалился внутрь и со всей силы толкнул её на пол.

Мэри безвольно рухнула, ударившись боком о край кровати. Она лежала как сломанная кукла, глядя на Грегора сквозь мутную пелену наркотического тумана, и видела только его торжествующий оскал.

— Ну вот мы и наедине, — радостно, почти ласково зашипел он, закрывая дверь. — Сейчас мы проверим, насколько глубоко запрятана твоя хваленая гордость.

Первый удар пришёлся в живот — тяжёлый, кованый, вышибающий остатки кислорода.

Мэри вскрикнула, но звук завяз в лёгких, превратившись в сиплый хрип. Боль под действием наркотика была странной: она не пронзала, а расплывалась по телу раскалённым свинцом, обжигающим, но пугающе далёким, словно это происходило с кем-то другим, за толстым слоем мутного стекла. Она инстинктивно сжалась в комок, пытаясь спрятать жизненно важные органы. Разум ещё бился в ловушке отравленного тела, умоляя мышцы сократиться, ударить в ответ, но пальцы лишь беспомощно скребли по холодному линолеуму спальни.

И в этот момент реальность надломилась. Вспышки воспоминаний — липких, грязных, пахнущих перегаром и старым страхом — ворвались в сознание. Лицо Грегора в сумерках комнаты начало искажаться, плыть, превращаясь в черты Карла. Тот же оскал превосходства, та же животная жажда подавления.

Тогда, дома, она не могла дать отпор, потому что была сломлена страхом. Сейчас она была бессильна физически, но внутри неё что-то каменело.

— Ты! — удар. — Тварь! — ещё удар. — Пожалеешь!

Грегор схватил её за шею, впечатывая затылком в стену. Его длинные, аристократичные пальцы с неожиданной, почти звериной силой впились в молочную кожу, перекрывая доступ к воздуху. В полумраке он выглядел пугающе красивым в своей ярости — безупречные черты лица, искаженные диким, первобытным удовольствием. Он наслаждался своей властью над ней.

— Ты пожалеешь о том, что встала у меня на пути... — прошипел он и с хрустом вогнал колено ей в бедро.

Парень бил профессионально, метя в нервные узлы и болевые точки, которые они изучали на занятиях. Но против девушки, чьи реакции были подавлены химией, это превращалось в чистую экзекуцию.

— Грегор... зачем... — слабо выдохнула Мэри.

В ответ прилетел хлесткий удар по лицу. Голова мотнулась, во рту мгновенно разлился густой, металлический привкус крови. Боль доходила волнами, мягкими и тяжёлыми.

— Что, ангелок? Уже не такая красивая? — он злобно усмехнулся, продолжая сдавливать её горло, пока перед глазами Мэри не заплескали чёрные искры.

Внезапно он отступил. Мэри сползла по стене, хватая ртом воздух и глядя в его расширенные, безумные зрачки. Он был невменяем. Глядя на него, Уайт ощутила, как липкий, парализующий ужас смешивается с мерзким, навязанным наркотиком чувством податливости. Тело предавало её, но дух выл от ненависти.

— Хватит, — прошептала она, касаясь пальцами разбитых губ.

— Ох, дорогая... я только начал, — Грегор сделал шаг вперёд, и в его голосе прорезались интонации, от которых у Мэри похолодело внутри. — На колени.

Память снова ударила без пощады. Отчим. Та же фраза. Тот же приказ встать на колени, чтобы почувствовать себя выше. Вспыхнули картины: она, маленькая и дрожащая, склоняет голову, чтобы удары прекратились. Чтобы просто выжить.

Мэри резко тряхнула головой, разбрызгивая капли крови по полу. Она посмотрела на Грегора — ещё одного монстра, решившего, что он вправе ломать людей. Но она больше не была той девочкой.

— Нет, — голос её дрожал, но в нём прорезалась сталь. — Слышишь? Нет!

— Я сказал — на колени! — взревел Мартин и с размаху ударил её в область печени.

Вспышка боли была такой силы, что даже триморфин не смог её заглушить. Мэри согнулась, задышавшись, чувствуя, как внутренности превращаются в кашу.

— Моли о пощаде! Я хочу слышать, как ты ползаешь у моих ног! — орал Грегор, окончательно теряя контроль над собой.

— Лучше добей, — Мэри выпрямилась, преодолевая сопротивление собственного тела. Она сплюнула вязкую алую смесь прямо к его ногам. — Я никогда... не встану перед тобой на колени.

Её взгляд — пустой, холодный и бесконечно равнодушный — хлестнул его сильнее кулака. Грегор зарычал. Его переполняла ядовитая ненависть к этой девчонке, которая отказывалась ломаться даже под пыткой.

— На колени! — он снова ударил её ногой в живот, а затем — тяжёлым хуком в челюсть.

Мэри рухнула. Она ощущала, как пол под ней вибрирует, как гудит её собственная кровь в ушах. Но, издав утробный, почти звериный рык, снова начала подниматься. Цепляясь за кровать, пошатываясь, захлёбываясь кровью и собственной болью, она встала. Снова.

В глазах Грегора на мгновение промелькнуло нечто похожее на уважение, смешанное с ужасом, но он уже не мог остановиться. Зверь внутри него требовал подчинения.

— Попробуем иначе, — процедил он.

Он схватил её за руку и с резким, сухим хрустом вывернул её за спину. Крик, сорванный и хриплый, озарил спальню. Удар под колено — и Мэри всё-таки рухнула.

— А теперь моли, — прошипел он, нависая сверху.

— Нет, — зарычала она, зажмуриваясь, моля только об одном: провалиться в спасительное забытие.

— Какого хрена здесь происходит?! — пронзительный, полный ярости визг разрезал воздух.

Мир Мэри состоял из боли и алых пятен. Она едва видела сквозь опухшие веки, но этот голос узнала бы из тысячи. Люси.

Сестра влетела в комнату как фурия. Слеплённая гневом, она вцепилась в ошарашенного Грегора, оттаскивая его от Мэри. Люси била его с той беспощадностью, на которую способна только любящая сестра, видящая страдания близкого. Грегор, не ожидавший нападения, даже не успевал закрыться.

Мэри видела, как он начал отступать к выходу, слышала хлопок двери. Осознание ударило током: Люси не знала о камерах. Люси уничтожала его на глазах у всей базы, не думая о трибунале.

«Нужно вставать... Остановить её... Давай, Мэри, соберись!»

Мэри поднялась. Ноги дрожали, мир вращался в безумном танце. Боль и наркотическое опьянение смешались в пугающий коктейль, но она заставила себя сделать шаг. Пошатываясь, она вышла в коридор.

Там, на полу, лежал Грегор Мартин — его лицо превратилось в кровавое месиво. А сверху, оседлав его, сидела Люси. Она продолжала методично, со звериным остервенением наносить удары, превратившись в карающую тень, защищающую своего родного человека.

Мэри, пошатываясь и цепляясь за стены, преодолела последние несколько метров. Её непослушные, дрожащие пальцы вцепились в плечи Люси в отчаянной попытке оттащить сестру от непоправимой черты.

Люси замерла. Её кулаки, сбитые о зубы Мартина, медленно разжались. Она тяжело, со свистом втягивала воздух сквозь стиснутые челюсти, и это глухое рычание постепенно сменялось надрывным, сдавленным всхлипом.

— Пожалуйста... остановись, — прошептала Мэри, прижимаясь разбитой щекой к взмокшей спине сестры. — Хватит.

Люси медленно обернулась. В её глазах, ещё секунду назад горевших первобытной яростью, вспыхнула острая, невыносимая боль. Увидев лицо сестры — распухшее, залитое кровью, со стеклянным взглядом, — Люси судорожно выдохнула, и её гнев окончательно захлебнулся в слезах.

— Уайт! Мартин! Какого чёрта здесь происходит?! — ледяной голос Кэрол Харрисон разрезал тишину коридора, как удар хлыста.

Куратор замерла в нескольких шагах от них. За её спиной, словно в дурном сне, вырастали другие фигуры: побелевшая Лекса, Том, Феликс с искажённым от ужаса лицом. А следом — директор Тревор Джонсон и мисс Кери. Преподавательский состав, только что вещавший с трибуны о протоколах безопасности, теперь в немом шоке смотрел на эту бойню: полуживого Грегора, окровавленные руки Люси и Мэри, которая едва держалась на ногах, похожая на сломанную куклу.

— Мисс Харрисон, — голос директора Джонсона прозвучал пугающе тихо. Он сузил глаза и медленно заложил руки за спину. — Потрудитесь объяснить, что за трибунал вы устроили в жилом блоке.

— Этот ублюдок... — Люси заговорила первой. Она с трудом поднялась на ноги, её голос дрожал, срываясь на хрип, но в нём всё ещё вибрировала сталь. — Пока вы там распинались о регламентах, он накачал её какой-то дрянью, затащил сюда и избивал. Если бы я не пошла её искать... если бы я не успела...

Она задохнулась от подступившего к горлу кома и просто указала на сестру.

— Мэри? — Джонсон перевёл взгляд на младшую Уайт. В его непроницаемых глазах впервые мелькнула тень настоящего ужаса.

— Это... прав... — Мэри попыталась ответить, но слова утонули в надсадном, раздрающем груди кашле. Она судорожно обхватила живот и согнулась пополам. Ярко-алые капли брызнули на стерильно чистый пол, пачкая ботинки подросших санитаров.

Мир вокруг окончательно потерял гравитацию. Врачи прорвались сквозь толпу: один тут же склонился над стонущим Мартином, двое других перехватили Мэри, не дав ей рухнуть на окровавленный пол.

Она слышала всё как сквозь толщу воды: отчаянный крик Феликса, лающие команды Джонсона, испуганный шёпот курсантов. Но звуки стремительно отдалялись, превращаясь в ровный белый шум. Лошадиная доза наркотика вперемешку с тяжелейшим болевым шоком наконец добила её нервную систему.

Веки налились свинцом. Тьма — густая, абсолютная и милосердная — мягко поглотила её, унося прочь от агонии, от изуродованного лица Грегора и слепящих ламп Элеайда.

Мэри Уайт провалилась в бездну, так и не увидев, как за её спиной начал рассыпаться в прах хваленый идеальный порядок военной базы.

Знакомый потолок медблока, режущий глаза свет диодов, специфический запах озона и хлоргексидина — сознание возвращалось урывками, собирая реальность по кускам. Каждое крошечное движение отдавалось в теле электрическим разрядом: лицо пульсировало сплошной раной, под рёбрами разливался тупой огонь, а левая рука, плотно стянутая бинтами, казалась налитой свинцом. Тело словно пропустили через промышленную мясорубку.

— С возвращением, Мэри, — у койки стоял её лечащий врач. Голос звучал подчёркнуто профессионально, но в позе читалось глухое напряжение.

Девушка слабо качнула головой, не в силах разомкнуть распухшие веки.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, нервно щёлкая колпачком ручки.

— Жить буду, — хрипло выдавила она. Слова царапали пересохшее горло.

— Тогда сразу к делу. Ситуация крайне серьёзная. В вашей крови обнаружена внушительная доза триморфина. Это тяжёлый нейролептик.

— Что?.. — Мэри заставила себя открыть глаза, игнорируя резь от яркого света. — Так вот что это было...

— Откуда он у вас, Мэри? Зачем вы его приняли? — врач потёр переносицу, глядя на неё с усталым сожалением.

— Я... я ничего не принимала. Это ошибка, — её сердце забило быстрее, отдаваясь болью в висках. — Я бы никогда...

— Понимаю. Однако результаты токсикологии неоспоримы. А ваш сокурсник, Грегор Мартин, уже дал официальные показания. — Доктор тяжело вздохнул, будто сам не верил в то, что сейчас произнесёт. — По его словам, он видел, как вы приняли препарат в столовой. Утверждает, что вы в неадекватном состоянии пошли в жилой блок, и он последовал за вами, чтобы помочь. Дальше, по его версии, вы в наркотическом бреду набросились на него, а когда он попытался вас зафиксировать — начали калечить саму себя. А потом ворвалась ваша сестра и, не разобравшись, зверски его избивала. Это правда?

— Нет! Это ложь! Каждое слово — сраная ложь! — Мэри рванулась вперёд, но острая боль в боку тут же заставила её рухнуть обратно на подушки. — Это он мне подсыпал! Мартин или его шестёрки! Я помню, как мир поплыл, как он вытащил меня из зала и запер в спальне. Он избивал меня, требовал, чтобы я встала на колени и извинялась! Если бы Люси не пришла... он бы просто забил меня насмерть!

Она сорвалась на отчаянный, болезненный крик, размазывая злые слёзы по разбитым щекам.

— Я зафиксирую вашу версию в протоколе, — тихо ответил врач. Он положил ладонь поверх одеяла в слабом, бесполезном жесте утешения. — Постарайтесь успокоиться, всё прояснится. Руководство разберётся.

— Где Люси? — Мэри вцепилась здоровой рукой в край его халата. — Люси Уайт. Позовите её. Мне нужно её увидеть.

Врач замер. В его взгляде мелькнуло то самое специфическое сочувствие, от которого веет могильным холодом.

— Сожалею, Мэри. Ваша сестра больше не числится в списках курсантов Элеайда. Её перевели на технический уровень. Вы ведь знаете правила. Вы понимаете, на какие работы её отправили.

Он мягко, но непреклонно отцепил её пальцы от своего халата и поспешно вышел из палаты, оставив за собой звенящую, стерильную тишину.

У Мэри перехватило дыхание. Воздух вдруг стал густым и обжигающим. Истерика накатила не слезами, а слепым, парализующим ужасом. Люси спасла ей жизнь. Но цена за это спасение оказалась чудовищной. Люси... сестра, которая всю жизнь держалась в стороне, которая никогда не вмешивалась, когда отчим срывался на Мэри.

Здесь, в бетонных кишках военной базы, они только-только начали становиться настоящей семьёй. Люси впервые выбрала её, впервые обнажила клыки, чтобы защитить младшую сестру. И за этот единственный искренний порыв она заплатила несправедливую цену.

— Из-за меня... — судорожно всхлипнула Мэри. — Это всё из-за меня. Сестра, которая только начала учиться её любить, теперь будет гнить в фильтрационных тоннелях из-за ублюдка, которому просто захотелось поиграть во власть. Это осознание жгло внутренности кислотой, безжалостно выжигая остатки страха и жалости к себе, оставляя на их месте лишь ледяную, чёрную жажду возмездия.

Через несколько дней Мэри оказалась в небольшом кабинете, который разительно отличался от стерильных помещений базы. Она сидела в глубоком бархатном кресле цвета спелой вишни, рассеянно разглядывая тёмно-зелёные обои, которые в полумраке казались почти чёрными. Посреди комнаты стоял массивный стол из красного дерева, за которым возвышалось кожаное кресло — пустое, но подавляющее своей монументальностью.

Мэри нервничала. Эта сессия не была актом милосердия — это была холодная необходимость. После инцидента с Мартином совет базы должен был вынести вердикт: оставить Уайт в основном составе или списать как «психологический брак». Она постоянно вытирала вспотевшие ладони о ткань кофты, пытаясь унять дрожь в коленях.

Дверь скрипнула, и в кабинет вошёл плотный, идеально выбритый мужчина в строгом костюме. Его движения были выверены и спокойны. Он сел напротив, водрузил на переносицу очки и устремил на девушку изучающий взгляд холодных голубых глаз.

— Здравствуй, Мэрилин Уайт, — негромко произнёс он.

— Здравствуйте, — девушка проследила за тем, как он открывает папку с её делом. — Просто Мэри.

— Меня зовут Константин Смит. Я здесь, чтобы понять, что именно произошло в тот вечер и насколько глубоко уходят корни твоего конфликта с реальностью. Думаю, ты понимаешь, что отчёт, который я напишу, станет решающим.

Его голос — бархатный, уверенный — парадоксальным образом подействовал на неё умиротворяюще. Смит не выглядел как каратель, скорее, как человек, который хочет докопаться до истины.

— Ты должна рассказать мне всё о своей жизни, Мэри, — он достал блокнот. — От твоей честности зависит твоё будущее в Элеайде. И... — он открыто посмотрел на её запястья, где

под рукавами прятались старые шрамы, — будущее твоей сестры, Люси. Её участь ещё может быть пересмотрена.

Мэри сглотнула. Упоминание Люси стало тем самым рычагом, который сломал её нежелание исповедоваться. Она решила отвечать честно, без прикрас — просто потому, что у неё не осталось сил на маски.

— Две стороны одной медали... — нехотя начала она, касаясь пальцами разбитой губы. — Так я бы описала своё детство. Мой отец был сказочно богат, мы ни в чём не нуждались. Огромный дом, полный охраны. Но это была золотая клетка. По мере взросления стены этого дома начали давить, и нас ждал сюрприз: свободы не существовало. По крайней мере, для меня.

— В каких отношениях ты была с близкими? — Смит аккуратно положил очки на стол, всем видом показывая, что он слушает.

— Отца я боготворила. Он был моей душой, учителем, смыслом. С мамой отношения были тёплыми, а вот Люси... сестра, кажется, ненавидела сам факт моего существования. Разница всего в четыре года, но она никогда не подпускала меня близко. Мы стали сближаться гораздо позже... когда жизнь начала нас ломать.

Она сделала паузу, чувствуя, как воспоминания тяжёлым комом подкатывают к горлу.

— Когда отец ушёл, мир развалился. Маме было не до нас, Люси уехала учиться. Моим единственным другом стал Гастус, глава охраны. Он был старше, мудрее и сильнее всех молодых профессионалов. Именно он обучал меня.

— Ты посещала школу? — Смит сделал пометку, не глядя в блокнот.

Мэри кивнула. Она знала, что у него есть все данные, но понимала — это проверка на искренность.

— Да, с девятого класса. Тогда же мама познакомила нас со своим новым мужчиной. Карлом. С его приходом мой мир превратился в ад.

Её плечи мелко задрожали. Внутренний страх перед отчимом, который она так долго прятала, снова проснулся, сковывая тело. Смит терпеливо ждал.

— Всё началось постепенно. Сначала — ядовитые замечания. Потом — унижения мамы на моих глазах. Карл методично выжигал в нас волю. Люси везло больше, она редко бывала дома. А я... я была тихой тенью, которую никто не замечал. Друзей не было, и это казалось спасением, пока не появился Лиам. Моя первая любовь. Человек, давший мне надежду на нормальную жизнь.

Мэри быстро смахнула слезу.

— Карл просто купил его. Подкупил, чтобы тот бросил меня. И Лиам ушёл. После этого он перестал сдерживаться. Начались побои. У него были связи везде, бежать было некуда. Он упивался своей властью. И...

Слово «насилие» застряло в горле. Она не могла произнести его, но её глаза, полные застывшего ужаса, сказали всё за неё. Она боялась Карла так сильно, что даже здесь, на охраняемой базе, ей казалось, что его длинные руки могут дотянуться до неё.

— Я понял. Достаточно, — серьёзно произнёс Смит, избавляя её от необходимости говорить о самом страшном.

— Он избивал маму при мне, — тихо продолжила Мэри, когда дыхание выровнялось. — А я цепенела. Я боялась сделать хуже, боялась его взгляда. Я никогда не прощу себе этой слабости. Когда Люси возвращалась, он запирал её, а надо мной издевался ещё изощреннее. Я перестала чувствовать себя человеком. Я была вещью. Он твердил, что сломает меня, что такое «отребье», как я, не достойно жизни.

— А что же Гастус?

— Карл уволил его. Уволил всех, кто был мне дорог: Гастуса, Райли — шеф-повара, которая была мне как подруга. Я осталась совсем одна в вакууме. Я начала верить ему... верить, что я пустое место.

Мэри нервно сцепила пальцы.

— Одной ночью я не выдержала. Я не видела выхода, кроме как прекратить это раз и навсегда. Кухня, нож... — она взглянула на свои запястья. — Но я выжила. К моему огромному сожалению, тогда... я выжила.

— А ваш отец? Хотя иногда вы поддерживали связь с ним? — Смит задал вопрос почти сухо, но в глазах читалось сочувствие.

— Нет. Он просто однажды исчез, не попрощавшись. Моё сердце было разбито. Годами я смотрела на звёзды и молила о его возвращении. Но небо молчало.

— Как вы оказались в Элеайде?

— Карлу пришло письмо. Он был в ярости, и отвёз нас в старый дом моего отца рядом с наземным лагерем Элеайда. Мы жили там несколько недель в изоляции. Позже мама призналась: мы ждали, пока синяки и шрамы на моём теле затянутся, чтобы я могла пройти комиссию.

Мэри подняла голову, и в её взгляде на мгновение вспыхнула сталь.

— Но это было лучшим решением, ведь в это время мы с Люси стали семьёй. По-настоящему. Без Карла. Без вечного ожидания удара. Я, мама и Люси, жили так, как всегда мечтали. Это время было лучшим за многие годы. И поверьте мне, я бы никогда не стала рисковать сестрой, которую совсем недавно обрела. Может, я сломанный человек, но точно не наркоманка.

Константин Смит медленно закрыл блокнот и поднялся. Всё это время его лицо было непроницаемой маской, но когда он проходил мимо Мэри, то на секунду положил ладонь ей на плечо. Это было короткое, ободряющее пожатие.

— Спасибо, Мэри Уайт. Ты свободна.

Они обменялись кивками. Смит вышел, а Мэри осталась одна в красном кресле, пытаясь унять дрожь.

После изматывающей сессии у психолога Мэри наконец позволили вернуться в жилой блок. Все те дни, пока она восстанавливалась в лазарете под капельницами, палата напоминала одиночную камеру: охрана на входе, никакой связи, никаких посещений. Кэрол Харрисон и директор Тревор Джонсон лично распорядились изолировать её «в целях безопасности», а на самом деле — чтобы дать утихнуть скандалу, пока наверху решалась её судьба.

Дверь спальни тихо щёлкнула. Мэри вошла внутрь, чувствуя, как ноги подкашиваются от усталости, но тут же замерла. Вся компания была в сборе. Лекса, Роза, Лиля, Том и Феликс оккупировали кровати и полочки.

— Живая! — Том первым вскочил с места, но замер, не решаясь обнять её, глядя на побледневшее лицо. — Мы думали, тебя там препарируют на запчасти для высшего блага Элеайда.

— Пока ты лежала в отключке, мы штурмовали лазарет трижды, — едко вставила Роза, обняв Уайт. — На четвёртый раз охрана пообещала, что если мы не исчезнем, нас отправят чистить коллекторы зубочистками. Пришлось тактически отступить. Ты как? В порядке?

Мэри слабо улыбнулась и опустилась на свою кровать.

— Физически — да. Что вообще происходит? Начались какие-то перемены пока меня не было?

— «Перемены» — это мягко сказано, — Феликс помрачнел, потирая переносицу. — Мэри, мы пытались оспорить их решение касательно наступившей ситуации. Они хотят устроить бой между тобой и Грегором. Весь курс гудел, Кэрол метала молнии в кабинетах, а Джонсон трижды посылал Мартинов-старших по известному адресу. Но всё бесполезно. Да все вообще были в шоке, что он прибыл сюда с мамой и папой!

— Родители Грегора — это не просто богатые спонсоры, — Лиля сокрушённо покачала головой. — Это юридические стервятники. У них на руках папка с таким компроматом на совет директоров Элеайда, что те разом потеряли дар речи. Там всё: от финансовых махина-

ций при строительстве базы до ещё одной супер-засекреченной храни, о которой нам знать не положено.

— В общем, — перебил Том, — Мартини-старшие выставили ультиматум: либо их сыночке возвращают «честное имя» через кровопролитие, либо они всё обнародуют. Но я слабо себе представляю каким образом, если связь с внешним миром запрещена.

— Мне придётся драться с человеком, который опоил меня наркотиками и едва не убил? И руководство прогнулось? — шёпотом спросила Мэри.

— Они не прогнулись, они сложились в оригами, — саркастично фыркнул Феликс. — Чтобы замять факт нападения Грегора на тебя, они придумали гениальный юридический ход. Официально заявляется, что «инцидент в спальне» был не попыткой убить тебя, а... личным конфликтом двух сильных лидеров. А лидерство в Элеайде, согласно какому-то пыльному параграфу устава, можно оспорить публично.

Мэри нахмурилась, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость.

— Публично?

— Завтра, — Лекса подошла ближе и села рядом. — Арена. Поединок по правилам «абсолютного зачёта». Это будет не просто драка, Мэри. Это показательный процесс. Мартини нам нужно, чтобы Грегор при всех растоптал тебя, доказав, что он — альфа, а ты — просто истеричная девчонка, которая «сама напросилась». Они даже не дадут тебе ещё времени, чтобы восстановиться.

— Кэрол в ярости, она пыталась сорвать это назначение, — добавила Роза. — Но она бессильна. Джонсон тоже связан по рукам и ногам — если он пойдёт против совета, базу лишат финансирования.

— Прекрасный план, — Мэри саркастично фыркнула, выпрямившись. — Значит, если я выиграю, Грегор признаётся лжецом? И Люси отпустят?

— Если ты его сделаешь, — Феликс подался вперёд, — ты по уставу занимаешь место лидера курса. А лидер имеет право пересматривать дисциплинарные взыскания. Ты сможешь вытащить Люси из канализации. Джонсон только этого и ждёт, но он не может помочь тебе открыто.

— А если проиграю? — спросила Уайт, напряжённо глядя прямо перед собой.

— Тогда Мартини окончательно подчинят себе руководство, а нас с потрохами сожрут за соучастие, — Том криво усмехнулся. — Никакого давления.

Мэри медленно поднялась. В комнате повисла тишина.

— Значит, завтра, — спокойно произнесла она. — Ребята...спасибо, что пытались бороться за меня, пока я была в лазарете.

— Мэри, мы можем спрятать тебя, организуем побег в технические тоннели. Если действовать сейчас, то... — Хиггинс говорил это быстро, с заметной дрожью в голосе.

— Нет, — слово упало в тишину спальни, как гильотина. — Не в этот раз. Хватит с меня беготни. Из-за меня у вас могут быть проблемы, простите. Но я приложу все силы, чтобы это исправить.

Психологическая исповедь Смиты словно выжгла остатки сомнений. Люси рискнула всем, чтобы её спасти. Друзья очень рисковали, пытаясь оспорить приказ. Она больше не позволит себе стоять в стороне и ждать милости от судьбы.

Ребята обняли её — все сразу. Феликс сжал её ладонь так сильно, будто боялся, что она растворится в воздухе.

— Мы всегда на твоей стороне, — с грустной улыбкой произнесла Лекса, и остальные кивнули.

— Тебя ждёт Джонсон в своём кабинете, — вспомнил Том, отстраняясь.

Мэри кивнула друзьям, выдавив из себя подобие улыбки. Она расправила плечи, выдохнула, поправила воротник куртки с Грифоном и вышла из спальни. Она шла на встречу со

своей судьбой, и впервые в жизни её вёл не страх, а холодное, отчаянное желание защитить тех, кто ей дорог. Тем более, все они оказались в опасности из-за неё.

Подходя к кабинету, она плечом к плечу столкнулась с Грегором. Его раны ещё не зажили, багровые гематомы на скулах напоминали несмываемое клеймо, но в отличие от неё, он не выглядел пострадавшим. Он смотрелся крупнее, тяжелее, злее — словно зверь, которому не просто вернули право на охоту, а подстегнули его голод. От него исходил тяжёлый запах пота и адреналина.

— Ну что, ангелок, — он оскалился, и в его глазах блеснуло нечто первобытное. — Доигралась в героя?

— Конфликт у нас с тобой, Грег, — Мэри заставила свой голос звучать ровно, хотя сердце колотилось о рёбра, как пойманная птица. — Зачем ты втягиваешь мою семью? Зачем угрожаешь моим друзьям?

Он наклонился к самому её уху, обдав горячим дыханием.

— Потому что могу. Потому что власть — это не право, это возможность ломать тех, кто слабее. Ты выиграла пару стычек, но война — не твоя игра. Падёшь ты — и я лично прослежу, чтобы те, кто стоял за твоей спиной, превратились в пыль под моими берцами.

Не дожидаясь ответа, он нагло распахнул дверь и вошёл в кабинет, едва не сбив директора с ног.

— Мистер Джонсон, полагаю, ваши жалкие попытки что-то исправить официально закончены...

— Я и не пытаюсь, Мартин, — ледяным тоном оборвал его директор, даже не подняв взгляда от бумаг. — Стой смирно. И закрой рот, пока я не вспомнил, что на этой базе я всё ещё закон.

Грегор замер, но в его позе не было покорности — лишь затаённая пружина, готовая распрямиться. Джонсон наконец поднял глаза на Мэри.

— Вас уведомили о поединке?

Она коротко кивнула.

— Тогда слушайте внимательно, оба. Это не гладиаторские бои и не самосуд в подворотне. Согласно параграфу 14-Б Устава Элеайда, это «Протокол разрешения лидерских споров». Контролируемый процесс, — он произнёс это так, будто сам пытался в это поверить. — Правила «Абсолютного зачёта»: только рукопашный бой, никаких вспомогательных предметов или стимуляторов. Прямые летальные удары в кадык, основание черепа и позвоночник запрещены. Бой длится до момента, когда один из вас не сможет подняться в течение десяти секунд. Упал — добивание запрещено.

— Я буду вбивать её в бетон до тех пор, пока её лицо не превратится в кашу, — прошипел Грегор, глядя на Мэри с нескрываемым садистским предвкушением. — И вы это знаете, сэр. Я буду драться настолько грязно, насколько позволит мне моя ярость. И клянусь Богом — завтра вы объявите меня победителем.

— Я знаю, чего вы хотите, Мартин, — ровно ответил Джонсон, и в его глазах мелькнуло презрение. — И знаю, что вы нарушите каждое правило, как только появится возможность.

Он посмотрел Грегору прямо в зрачки — жёстко, без тени страха.

— Но, если вы переступите последнюю черту и превратите спорт в убийство на глазах у всей базы... это будет уже не мой уровень ответственности. И не ваш. Ваши родители не смогут выкупить вас из ада, который вы здесь устроите.

Грегор лишь криво усмехнулся, демонстративно сплюнул к ногам Мэри и, задев её плечом, вышел вон. Уайт ошарашенно проводила его взглядом, чувствуя, как по коже бежит мороз. Директор Джонсон тяжело, надтреснуто выдохнул.

— Мэри, этот бой — не проверка твоей силы. Это капкан.

Он дрожащей рукой налил себе виски. Звон стекла о графин казался оглушительным в наступившей тишине. Он пил не для храбрости — скорее, для того, чтобы удержать остатки самообладания.

В этот момент дверь с грохотом ударилась о стену.

— Мэри Уайт, какого чёрта?! — Кэрол ворвалась в кабинет подобно разрушительному урагану. — Джонсон, ты в своём уме?! У нас здесь что, грёбаное средневековье? Колизей на минималках? Вы там в совете совсем озверели от страха перед спонсорами?!

— Это не мой выбор, Кэрол, — глухо отозвался он.

— А ты, Уайт? Когда ты успела так разозлить Мартина? — куратор резко развернулась к Мэри, её глаза полыхали праведным гневом.

Кэрол резко выдохнула, будто воздух в лёгких превратился в раскалённый свинец, и рухнула в кресло, с силой потирая лицо ладонями.

— Значит, он накачал меня наркотиками, загнал в угол и избил до полусмерти, а виновата снова я?! — сорвалась на крик Мэри. Её трясло, мелкая дрожь в руках выдавала ужас, но взгляд оставался обжигающим.

— Ты виновата только в одном, — отрезала Кэрол, поднимая на неё взгляд. — В том, что ввязалась в войну с хищником, не имея клыков. И в том, что оказалась слишком опасным прецедентом для человека, который привык править через страх.

Она перевела ледяной взгляд на Джонсона.

— А теперь расскажи ей, Тревор, что будет, когда она упадёт. Хотя нет... расскажи ей, во что превратится её жизнь, если она не переживёт этот фарс.

— Если ты проиграешь, Мэри, — голос директора стал безжизненным, — твою смерть легко спишут на «несчастный случай при аттестации». Врачи в лазарете получают зарплату из фондов Мартинов. Камеры покажут нужный ракурс. Эти люди контролируют не просто деньги — они контролируют реальность.

Он помолчал, глядя на её бледное лицо.

— А потом они уничтожат твою семью. Законно. Методично. Без лишнего шума. Такова их натура: каждый, кто посмел поднять голову против них, должен быть не просто побеждён, а стёрт из истории.

Он посмотрел на Мэри с искренней, горькой жалостью. Девушка почувствовала, как комната поплыла перед глазами; она тяжело привалилась спиной к стене, чтобы не рухнуть — ноги стали ватными и предательски дрожали.

— Твою ж мать... — процедила Кэрол. Она выхватила у директора стакан и осушила его одним глотком, даже не поморщившись. Затем она резко встала и подошла к Мэри вплотную. — Слушай меня. Мартин силён, но им движет слепая ярость и уязвлённое эго. Это его слабость, Мэри. Его ошибка. Ты проворнее, быстрее и не менее сильная. А ещё ты умнее. Это твои рычаги. Это твой шанс.

— Шанс? — скептически переспросил Тревор. — Да он в полтора раза крупнее её! Они оба — элита курса, но в открытом бою у него колоссальное преимущество в массе и силе. Это физика, Кэрол!

— Вы недооцениваете меня, мистер Джонсон, — Мэри внезапно выпрямилась. Слабость в ногах никуда не делась, но девушка надела на лицо ледяную маску спокойствия, которую так долго оттачивала годами жизни с Карлом.

— Сдайся, Мэри. Извинись публично. Дай этому ублюдку то, чего он хочет — твоё унижение. Сохрани себе жизнь, — почти взмолился директор.

— Нет, — прошептала она, поднимая на него горящий взгляд. — Больше никогда.

Кэрол тяжело, сочувственно вздохнула, а Джонсон лишь коротко кивнул. Он знал правду о её прошлом, и сейчас уважение к этой хрупкой девочке поднялось в нём волной, которую он не мог заглушить.

— Люси всё ещё на работах в канализации? Приказ об отстранении в силе? — медленно спросила Мэри, уже заранее зная ответ.

— Да. Но мы сделали всё, чтобы у неё были лучшие условия. Насколько это вообще возможно, — ответила Кэрол.

Уайт кивнула — коротко, почти по-военному. Она развернулась и, шатаясь от предельной усталости, шока и ледяного оцепенения, вышла из кабинета. Холодный коридор встретил её пустотой, но внутри бушевал настоящий ураган.

— Тревор, ради всего святого, скажи мне, что это ложь... — донёсся из-за приоткрытой двери надтреснутый голос Кэрол.

Мэри замерла. Что-то в интонации куратора — смесь ужаса и неверия — заставило её остановиться. Она не закрыла дверь до конца, и теперь, прижавшись к прохладной стене, ловила каждое слово, боясь даже дышать.

— Всё гораздо сложнее, чем ты можешь себе вообразить, — глухо ответил Джонсон. Слышно было, как звякнул лёд в стакане. — Отец Мэри был одним из основателей, Кэрол. Но он не просто исчез. Элеайд изначально задумывался как убежище... дом для таких, как она.

Он запнулся, будто само произнесение этих слов причиняло ему физическую боль.

— Я не имею права говорить об этом, пойми. Если бы Мартини не вытащили эти папки на свет... Я сам до последнего оставался в неведении. Но ты же понимаешь, что произойдёт, если мы хотя бы заикнемся об этом вслух? Связи с внешним миром официально нет, но у этих стервятников везде свои люди. Если к концу года вся свита Мартинов не вернётся на поверхность в целости и сохранности, они активируют протокол обнародования. Одна только мысль о проекте «Вита»... Боже, мне страшно даже представить, какова его истинная цель и что нас всех ждёт.

— Что значит «для таких, как она», Тревор? — голос Кэрол сорвался на шёпот, полный яростного непонимания. — Чёрт возьми, да что вообще здесь происходит? В какую игру мы играем?

Мэри почувствовала, как по спине пробежал электрический разряд.

«Для таких, как я?» Образ отца, почти стёртый из памяти, вспыхнул в сознании яркой, болезненной вспышкой.

— Тебе не положено знать, — отрезал Джонсон, и в его голосе снова зазвучала сталь. — Поверь, неведение — это единственное, что ещё держит тебя в живых. Я и так сболтнул лишнего. Мы всего лишь пешки в этой схеме, Кэрол. Никто из нас не знает истинного назначения проекта и того, что случилось на самом деле. Но даже те крохи информации, которыми мы владеем... даже одно название «Вита» ставит твою жизнь под удар. И жизнь всех, кто тебе дорог.

В кабинете повисла тяжёлая, густая тишина. Мэри слышала только пульсацию крови в собственных висках.

— Кэрол, дверь! — вдруг всполошился директор, видимо, заметив полоску света из коридора.

Мэри среагировала мгновенно. Забыв об усталости, она на носочках метнулась в тень за ближайший угол. Секундой позже послышались тяжелые шаги Кэрол: куратор выглянула в коридор, внимательно осмотрелась и с резким, сухим щелчком захлопнула дверь.

Мэри стояла в темноте, вцепившись пальцами в холодную обшивку стены. Что за проект «Вита»? Почему её отец исчез? И самое главное — кем на самом деле была она сама, если «Элеайд» строили специально для неё?

На следующее утро, за завтраком, столовая Элеайда погрузилась в странное, вязкое оцепенение. Всех поражало ледяное, почти потустороннее спокойствие Уайт. Её взгляд был

пустым и неподвижным, словно за ночь внутри неё что-то окончательно перегорело, оставив лишь холодный пепел. Она не прикоснулась к еде, почти ни с кем не говорила, но в каждом её движении читалась фатальная решимость человека, который больше не торгуется с судьбой, а принимает её вызов.

Грегор и его свита вели себя подчёркнуто громко. Они насмехались, выкрикивали угрозы, провоцировали — смачно, с упоением хищников, почуявших кровь. Мэри даже не повернула головы в их сторону. Для неё Мартина и его цепных псов больше не существовало в объективной реальности. Это демонстративное безразличие бесило Грегора сильнее любых слов: он багровел, желваки ходили ходуном, и казалось, он вот-вот сорвётся, чтобы прикончить её прямо здесь, среди пластиковых подносов, не дожидаясь официального гонга.

К ней подходили друзья. Розы пыталась шутить, Лекса молча сжимала её плечо, Том, Лиля и Феликс старались загородить её от сальных смешков компании Мартина. Директор Джонсон и Кэрол тоже были где-то в поле зрения, создавая невидимый щит из своего присутствия. Мэри физически ощущала их поддержку — она была густой и тёплой, как шерстяное одеяло, но даже это не могло согреть её изнутри. Она присутствовала здесь лишь оболочкой, пока мысли блуждали в лабиринтах вчерашних откровений.

Вопросы о проекте «Вита», загадочные слова об отце и её собственной природе — всё это она силой воли заперла в самый дальний ящик сознания. Сейчас это было лишним грузом. Сначала нужно выжить. Сначала нужно раздавить Грегора. Остальное — потом. Если это «потом» наступит.

Если бы окружающие знали, какой ад бушует за её ледяной маской.

Страх.

Он вернулся — не тот контролируемый трепет, к которому она привыкла, а животный, первобытный ужас. Он сжимал сердце ржавыми тисками, перехватывал дыхание и заставлял пальцы мелко дрожать под столом. Это была не просто боязнь боли. На её хрупких плечах теперь лежал неподъёмный груз: жизнь Люси в смрадных коллекторах, безопасность друзей, которые пошли против системы ради неё. Эта ноша казалась непосильной, она давила, вжимая в землю, напоминая, что одна ошибка сегодня станет приговором для всех.

Когда друзья снова заговорили о вопиющей несправедливости предстоящего боя, Мэри почувствовала, что воздух в столовой стал слишком душным. Извинившись коротким кивком, она поспешно вышла в коридор и направилась в тренировочный зал — единственное место, где тишина могла стать её союзником.

Девушка сидела в одиночестве, совсем потеряв счёт времени.

— Мэри... — негромкий голос Кэрол заставил её вздрогнуть. Куратор стояла в тени дверного проема.

— Мм? — девушка обернулась, только сейчас осознав, что кусает губу до крови.

— Бой через полчаса. Я принесла твою форму.

Женщина протянула ей комплект: белоснежные лосины и майку. Ослепительная чистота перед неизбежной грязью и кровью. Мэри молча приняла одежду.

— Слушай меня очень внимательно, — быстро и чётко заговорила Кэрол, сокращая дистанцию. Она взяла Мэри за предплечья, заставляя смотреть прямо в глаза. — Твоя единственная задача в первые минуты — выжить и считать его ритм. Не нападай первой, не дари ему этот шанс. Защита и реакция сейчас важнее любой силы. Следи за его ногами — Грегор привык давить массой, он пойдет на таран, как только почувствует вкус превосходства. Никогда, слышишь, никогда не поворачивайся к нему спиной. Он должен быть в твоём фокусе каждую секунду. Двигайся. Дыши. Рви дистанцию. Твоя цель — вымотать его до хрипа.

Голос куратора стал тише, приобретая ту вкрадчивую жёсткость, которая пробирала до костей.

— Твоё тело — это идеальный инструмент, Мэри. Твои преимущества — скорость, гибкость и та запредельная выносливость, которую ты выковала на этих матах изнурительными тренировками. Он выдохнется раньше. Терпи любую боль. Стань этой болью, но не дай ей ослепить тебя. Боль временна, а одна ошибка сегодня станет фатальной. Не позволяй ему загнать себя в угол или к канатам — там его удар превращается в кувалду.

Взгляд Кэрол стал стальным, почти беспощадным.

— Когда он начнёт дышать как загнанная лошадь — бей. По суставам, по нервным узлам, в печень. Бей так, словно вкладываешь в этот удар всю свою жизнь. Плевать на правила — он вытер об них ноги ещё до начала боя. И даже если он рухнет, даже если потеряет сознание — не останавливайся. Продолжай бить, пока тебя не оттащат силой. Его ярость — это его слабость. Его спесь — это твоя лазейка.

Кэрол на мгновение замолчала, и её лицо вдруг смягчилось. Она шагнула вперёд и крепко, почти по-матерински обняла Мэри.

— Помни, за что и за кого ты дерёшься. Ты не одна на этой арене. Мы с тобой.

Мэри уткнулась носом в её шею, вдыхая знакомый запах пороха и мяты. На мгновение она позволила себе эту слабость — прикрыла глаза, чувствуя, как горячая волна благодарности и слёз подступает к горлу. Она не имеет права никого из них потерять. Она сделает всё, чтобы защитить свою новообретённую семью.

Кэрол же с удивлением осознала, что эта упрямая, изломанная, но невероятно стойкая девочка стала для неё чем-то гораздо большим, чем просто очередной кадет в списке.

— Спасибо, Кэрол... Спасибо за всё, — прошептала Мэри, и её голос предательски дрогнул. — Если бы не ты...

Харрисон отстранилась и едва заметно, одними уголками губ, улыбнулась. В её глазах светилась нескрываемая гордость. Не проронив больше ни слова, она развернулась и вышла, оставив Мэри в звенящей тишине зала. Последние мгновения перед тем, как мир взорвётся криками толпы и хрустом костей.

Общий зал был подготовлен к расправе. В самом центре помещения, словно кровавый шрам на бетонном полу, протянулся толстый красный канат, грубо очерчивающий границы ринга. В двух метрах от него плотным, вибрирующим от предвкушения кольцом стояли люди. Много людей. Пришли все — от кухонных рабочих до элитных кадетов: никто не хотел пропустить зрелище, пахнущее настоящей кровью.

Наверху, на галерее третьего этажа, расположилось руководство: там, в тени колонн, застыли родители Грегора в дорогих костюмах, а рядом, среди преподавателей, стоял мистер Джонсон. Оттуда обзор был лучше. И безопаснее.

Дышать становилось всё тяжелее — воздух в зале казался сгустившимся, пропитанным запахом пота и чужого страха. Мэри пробиравлась сквозь толпу обучающихся, словно через вязкий, тёмный поток воды. Она отчаянно цеплялась за маску спокойствия, но тело предавало её: руки мелко дрожали, ладони горели от влаги, а в глазах плясали блики адреналинового шторма. У самых канатов её ждала Кэрол. Рядом сгрудились друзья — их напряжение ощущалось физически, словно натянутая до звона струна. Мэри обняла каждого. Коротко. До хруста в рёбрах. Впитав их последнее «держишься», она кивнула самой себе и шагнула за канат — на территорию войны.

Сердце колотилось так, будто собиралось пробить грудную клетку, а внутренности скрутило узлом, как при падении в бездонную пропасть. На противоположной стороне ринга её уже ждал Грегор. Чёрные боксёрские шорты, чёрная майка с вызывающей белой надписью: «Смерть».

«Очень оригинально», — мелькнула горькая мысль.

Когда гул в зале достиг пика, Мёрфи Вудс — один из основателей Элеайда — поднялся со своего места. Он взял микрофон, и его голос, лишённый эмоций, сухой и тяжёлый, обрушился на присутствующих, мгновенно выжигая лишние звуки.

— Мы собрались здесь, чтобы зафиксировать исход официального лидерского спора, — начал Вудс, и его слова чеканили тишину. — Перед вами двое сильнейших представителей курса, воины, чья подготовка является гордостью базы. Однако сегодня в расчёт принимаются не прошлые заслуги, а исключительная воля к победе.

Он обвёл зал холодным, оценивающим взглядом хищника.

— На кону не только субординация и статус лидера. Сегодня решается вопрос принципиального соответствия идеалам Элеайда. Здесь нет места компромиссам. Кому суждено испытать триумф, а кому — принять сокрушительное поражение, решит этот ринг.

Он сделал паузу, и тишина в зале стала абсолютной, почти осязаемой.

— Регламент неизменен: бой без ограничений по времени. Никакой медицинской помощи до финала. Никакой защиты, перчаток или посторонних предметов. Только вы и ваш оппонент. Десять секунд в горизонтальном положении означают автоматический проигрыш. Добивание лежачего запрещено. Удачи. И пусть победит тот, кто готов зайти дальше остальных.

Мёрфи отложил микрофон и с лёгкой, опасной полуулыбкой уставился на бойцов.

— Хлеба и зрелищ... — прошептала Мэри, заставляя губы растянуться в подобии усмешки. Она посмотрела на друзей, на Кэрл, сжимающую кулаки, и выше — на Джонсона. Он одобрительно кивнул ей. Они верили в неё.

— Высматриваешь того, кто будет отскребать твоё тело от бетона, Уайт? — ядовито выплюнул Грегор, разминая шею с противным хрустом.

— Много болтаешь, Мартин. Экономь дыхание, — отрезала она.

Он начал сближение — быстро, по-звериному ловко, скользя из стороны в сторону, стараясь сбить её ритм и подавить массой. Мэри пружинила на носках, превратившись в натянутый нерв. Резкий выпад. Сокрушительный замах правой. Удар. Мэри мгновенно нырнула вниз — кулак со свистом рассек воздух над её макушкой. Грегор оскалился. Удары посыпались градом: тяжёлые, профессионально поставленные, яростные. Он пытался вжать её в канат, раздавить, но девушка, словно тень, ускользала от каждого столкновения, двигаясь с пугающей точностью.

С каждой секундой Грегор свирепел. Зал замер, боясь пропустить момент.

— Эй, Мэри! А вот и Люси пришла посмотреть! — внезапно прорезал тишину издевательский крик Дена.

Инстинктивно, против собственной воли, Мэри на долю секунды отвела взгляд — и это стало роковой ошибкой. Грегор вложил весь свой вес в сокрушительный хук в челюсть.

Мир взорвался ослепительной белой вспышкой. Кости черепа отозвались звоном, челюсть онемела. Она отшатнулась, теряя ориентацию в пространстве. Слишком сильно. Слишком резко. Встряхнув головой, Мэри попыталась сфокусировать зрение, но тут же в её солнечное сплетение вонзился мощный удар. Воздух с хрипом вырвался из лёгких, оставив после себя лишь обжигающую пустоту. Согнувшись пополам, она отлетела к границе ринга.

— Мочи её, Грегор! — взревели сторонники Мартина.

— Мэри, вставай! Борись! — отчаянно крикнул кто-то из толпы.

Грегор, словно почуявший слабость шакал, ринулся на неё. Он начал вбивать удары ногами — тяжёлые берцы метили в рёбра и бёдра. Мэри свернулась калачом, закрывая голову предплечьями, подтягивая колени к груди. От града ударов в глазах потемнело.

С победным рыком Грегор навалился сверху, намереваясь раздавить её локтем в бок, используя всё своё силовое преимущество.

И именно в этот миг, сквозь сводящий с ума гул в ушах и солёный привкус собственной крови, Мэри прозрела: он совершил свою главную, фатальную ошибку. Грегор не целился в уязвимые точки, он не рассчитывал траектории — он просто захлёбывался собственным бешенством, превращаясь в примитивную машину для избиения.

Когда его кулак снова взрезал воздух, Мэри резко сместила центр тяжести, уходя с линии атаки. С невероятной для её состояния скоростью она перехватила его запястье, рванула на себя и, используя инерцию его собственного веса, впечатала локоть в незащищенный затылок Мартина. Зал вздрогнул от глухого звериного рыка боли. Грегор отшатнулся, и теперь они снова стояли друг напротив друга, тяжело втягивая раскалённый воздух. Мэри сплюнула сгусток крови и вытерла подбородок тыльной стороной ладони. В её глазах больше не было страха — только холодная, расчётливая ярость.

Она рванулась вперёд, вкладывая весь остаток сил в резкий удар в коленный сустав. Сухожилия Грегора натянулись до предела, он пошатнулся, его движения стали тяжёлыми и вязкими. Он выдохся. Мартин начал хаотично махать кулаками, пытаясь достать её из последних сил, но Мэри двигалась как ртуть. Вдох — нырок под руку. Выдох — короткий, сухой удар в область печени. Воздух с присвистом покинул его лёгкие, и огромный парень рухнул. Мэри оказалась сверху мгновенно. Её костяшки горели, вбивая удар за ударом в его лицо, пока он пытался закрыться немеющими руками. Зал замер, не понимая, откуда в ней взялась такая мощь. Она не использовала сложных приёмов — она дралась хладнокровно, с каменным лицом, методично выключая его мышцы ударами по бицепсам и ключицам.

Грегор лежал почти неподвижно, его лицо превратилось в багровую маску. На галерее третьего этажа в панике вскочили его родители, их холёные лица исказились от животного ужаса.

— Вставай! — прорезал тишину истошный крик мистера Мартина.

Мэри замерла. Она могла закончить это прямо сейчас, одним решающим ударом, но внутри ещё теплились остатки той прежней, милосердной девочки. Она поднялась с поверженного противника.

— Я не буду продолжать! — её голос, сорванный и хриплый, разнёсся под сводами зала. Она смотрела на руководство, на совет директоров. — Мы не звери! Мы люди, и мы не должны решать вопросы бойней! Я прошу остановить это!

Тишина стала почти осязаемой. В этом вакууме у Мэри впервые за долгое время блеснула хрупкая надежда на то, что всё ещё можно изменить словами. Она сделала шаг к Грегору, который уже начал приходить в себя, натужно кашляя кровью.

— Грег... — тихо произнесла она, протягивая ему руку в жесте примирения. — Ты согласен закончить?

Мартин медлил. Секунды растянулись в вечность. Наконец он медленно, почти безжизненно кивнул и вложил свою ладонь в её руку. Мэри облегчённо, устало улыбнулась, но осознание пришло слишком поздно: пальцы Грегора сомкнулись на её запястье с железной, стальной силой.

— Мартин, не смей! — только и успела выдохнуть она.

Он рванулся вверх с неестественной, безумной энергией. Резкий разворот, хруст выворачиваемого сустава и сокрушительный удар коленом в плечо. На весь зал раздался сухой, жуткий крик, вырвавшийся из самой глубины лёгких Мэри. Не давая ей упасть, он нанёс подлый удар в пах, заставив её захлебнуться воздухом и рухнуть на колени. Ещё один рывок — и его тяжёлый берец впечатался ей в затылок.

Мэри упала на четвереньки, перед глазами поплыли цветные пятна. Грегор оскалился, в его взгляде не осталось ничего человеческого — лишь первобытная жажда уничтожения. Он бил её методично: в живот, по рёбрам, в лицо, стараясь раздавить каждый сантиметр её тела.

Она сжимала челюсть, сдерживая крики. Мир перевернулся. Рассечённая бровь заливала глаза липким теплом, во рту стоял металлический привкус смерти.

Она повернула голову и увидела друзей. Розы и Лекса плакали, закрывая лица руками; Кэрол что-то кричала, обезумев от ярости, но страшный звон в ушах поглощал все звуки. И в этот миг, когда сознание уже готово было соскользнуть в спасительную темноту, внутри Мэри что-то лопнуло. Поток воспоминаний о боли и одиночестве слился в одну раскалённую точку. Грегор хотел отнять у неё всё. Он хотел растоптать её так же, как это делал отчим. Но теперь у неё было всё, чтобы дать отпор.

И тогда спящая, древняя ярость, дремавшая в глубинах её ДНК, проснулась окончательно.

Мэри резко перекатилась, уходя от добивающего удара, но тяжёлый ботинок Грегора всё же впечатался ей в живот. Воздух со свистом вырвался из лёгких, однако она лишь едва заметно вздрогнула — адреналин уже выжег все человеческие рефлексy, отключив боль. Вместо стоны из её горла вырвался рык — низкий, вибрирующий звук не отчаяния, а дикой ярости, от которого у присутствующих поползли мурашки по коже.

Опираясь ладонями о шершавый бетон, она вскинула голову. Её лицо исказила жуткая гримаса, а глаза выглядели пугающе: лопнувшие капилляры залили белки густым багрянцем, зрачки же расширились настолько, что поглотили изумрудную радужку, оставив лишь две бездонные чёрные дыры.

Мартин замахнулся для нового удара, но Мэри бросилась вперёд. Жёсткая, рубящая подсечка под опорную ногу сбила огромного парня на спину с глухим стуком, выбившим из него дух. Не давая ему опомниться, Мэри вцепилась обеими руками в его лодыжку. Короткий, безжалостный рывок на скручивание — и сустав поддался с влажным, тошнотворным хрустом. Коленная чашечка с треском сместилась вбок, прорвав кожу, и наружу выпятилась окровавленная кость.

Грегор зашёлся пронзительным, захлёбывающимся визгом, но Мэри лишь хищно оскалилась — в этом подобии улыбки не осталось ничего человеческого. В один прыжок она оказалась на нём, придавив грудную клетку коленом. Он попытался отмахнуться, но она перехватила его запястье, жёстко зафиксировала предплечье и всем весом рванула руку на себя и в сторону. Плечевой сустав с мерзким чавканьем выскочил из суставной сумки, а кость неестественно вывернулась, разрывая связки. Хруст заглушил его собственные вопли.

Его крик стал оглушительным, но Мэри продолжала работу пугающе методично. Сжав ладонь жёсткой «лодочкой», она нанесла резкий, хлёсткий удар прямо по его уху. Хлопок сжатого воздуха мгновенно разорвал барабанную перепонку. Из ушной раковины по шее Грегора густым тёмным потоком хлынула кровь; его крик сорвался, сменившись скулящим мычанием от болевого шока и полной потери ориентации. Она ломала его не в слепой истерике, а зная каждую болевую точку, осознанно превращая секунды его жизни в чистую, абсолютную агонию.

— Мэри! — отчаянный вопль Феликса прошил её разум, как разряд тока.

Она замерла с занесённым кулаком. Ярость схлынула так же внезапно, как и пришла, оставив после себя лишь опустошение. Глаза Мэри наполнились слезами. Она медленно поднялась, отступая от переломанного, хрипящего тела парня, и вытерла лицо, размазывая по коже смесь своей и его крови. Никто не посмел подойти.

— Вы этого хотели?! — её голос сорвался на безумный, хриплый крик. Она смотрела прямо на побледневших родителей Грегора, стоявших на галерее. — Этого?! Поздравляю! Моими руками вы чуть не прикончили собственного сына! Вам нравится?!

Она ткнула дрожащим, перепачканным в крови пальцем в сторону того месива, что осталось от Мартина. Эхо её слов заметалось под сводами Элеайда, отскакивая от ледяного бетона.

— Хотели зрелищ?! Не благодарите! Хотели увидеть зверя? Победителя? Лидера?! — Мэри зашлась в надрывном, лающем смехе, от которого у присутствующих по спинам поползли мурашки. Она обвела атриум безумным взглядом, сплёвывая на пол кровавую слюну. — Ну так вот она я! Чего же вы не хлопаете, ублюдки?!

Она рухнула на колени, судорожно обхватив голову руками, и закричала. Долго, пронзительно, выплёскивая в этом звуке всю скопившуюся за годы боль и животный ужас от того, кем она только что стала.

К истерзанному Грегору уже спешили медики. Толпа стояла в гробовом оцепенении, но тишину разорвал не ропот. Её разрезал сухой, безошибочно узнаваемый металлический щелчок.

На галерее третьего яруса отец Грегора, чьё лицо превратилось в маску восковой бледности, медленно вытянул руку. В его ладони тускло блеснула воронёная сталь пистолета. Ни тени гнева. Рука не дрожала. Это был не порыв — это была хладнокровная казнь.

— Тварь, — прошипел он, ловя голову девчонки в прицел.

Его палец уже начал выжимать спуск, но в следующую долю секунды сама реальность решила вмешаться в этот суд.

Мир содрогнулся. Глухой, утробный гул, зародившийся где-то в основании базы. Пол ушёл из-под ног с такой силой, будто гравитацию вдруг отключили. Тех, кто стоял на галерее, с размаху швырнуло на перила. Выстрел Мартина-старшего ушёл в потолок, выбив облако каменного крошева.

— Землетрясение! — голос директора Джонсона едва пробился сквозь нарастающий ропот. — Всем оставаться на ме...

Он не успел закончить. С чудовищным скрежетом многотонная бетонная плита перекрытия третьего яруса, не выдержав сейсмического удара, отломилась от несущих опор. Мэри вскинула голову и оцепенела: на её глазах галерея вместе с руководством и семьёй Мартинов рухнула вниз. Они исчезли под грудой бетона в удушливом облаке известковой пыли.

— Джонсон! — в ужасе выдохнула она, но её голос утонул в рёве разрушающейся базы.

Трясло всё яростнее. Основной свет мигнул и погас. На секунду зал погрузился в абсолютную, непроницаемую тьму, которую тут же распорол кроваво-красные вспышки аварийных маяков. Взыла сирена.

Пол в центре атриума не выдержал и провалился, обнажив зияющую пасть технического уровня. Люди, ослеплённые паникой, летели в эту пропасть вместе с кусками арматуры и переборками. Воздух мгновенно пропитался едкой гарью — где-то в кишках базы рвались газовые магистрали.

Мэри заставила себя подняться, опираясь на уцелевший обломок колонны. Её тело должно было выть от боли после жестокого боя, но адреналин выжег все нервные окончания, оставив лишь звенящую пустоту и первобытный инстинкт выживания.

В голове билась только одна мысль: «Надо найти своих».

Она бросилась вперёд, прихрамывая, пробиваясь сквозь кромешный хаос. Толпа превратилась в стадо. Мэри сбивали с ног, по ней пытались бежать, но она вскакивала снова и снова, работая локтями, прорубая себе путь сквозь живую волну чужого ужаса.

— Мэри! Помоги!

Она узнала этот сдавленный крик. Лексу сбили с ног. Обезумевшая толпа даже не смотрела вниз — они бежали прямо по телам упавших, втапывая их в бетон. Мэри видела, как подруга исчезает под десятками тяжёлых подошв.

В Уайт снова проснулась та же слепая ярость, что помогла ей уничтожить Грегора. Она врезалась в толпу как ледокол, раскидывая парней вдвое крупнее себя, вцепилась в воротник Лексы и буквально вырвала её из-под ног бегущих.

Они вдвоём добрались до несущей стены и вжались в её холодную поверхность. Вокруг разверзся филиал ада. В пульсирующем свете сирен было видно, как на полу растекаются чёрные лужи, как люди ползут по трупам, пытаясь найти выход, которого больше не существовало.

Новый толчок ударил с удвоенной силой. База застонала металлом перекрытий. Мэри и Лекса вцепились друг в друга мёртвой хваткой.

— Мы выберемся... — попыталась прокричать Мэри подруге на ухо, но в этот момент прямо над ними раздался сухой треск.

Острый кусок бетонной облицовки, сорвавшийся с десятиметровой высоты, ударил Мэри точно в висок.

Мир мгновенно взорвался фейерверком искр. Крик Лексы оборвался, превратившись в глухой ватный гул. Ослепительная вспышка боли — и тяжёлое, милосердное одеяло тьмы накрыло её с головой.

А потом осталась только тишина.

Глава 5. Вопросы без ответов

— Чёрт! — сорвался на крик Том, перекрывая утробный гул рушащихся конструкций.
— Рози, бей её по щекам! Она обязана очнуться!

Рози, захлебываясь слезами и собственной беспомощностью, начала бить наотмашь. Каждый удар оставлял грязный, багровый след на изуродованном, покрытом слоем извести лице Мэри. Прошло несколько бесконечных минут, прежде чем Уайт резко, со свистом втянула воздух, словно выныривая из ледяной бездны. Мир вокруг неё взорвался: болью, гарью и истощенными криками.

Она открыла глаза, и реальность ударила под дых. Воздух, пропитанный едкой бетонной пылью, обжигал лёгкие, превращая каждый вдох в пытку. В кроваво-красном мареве аварийных ламп зал выглядел как преддверие преисподней. Трупы... Повсюду были изломанные, присыпанные серой пылью тела, похожие на античные статуи, разбитые безумным богом. Мэри провела рукой по лицу. Внутри неё что-то сжалось в незримый ком. Это не сон. Это конец всего.

Рядом, словно призраки в тумане, стояли Кэрол, залитая кровью с головы до пят, Рози, Лекса, Том и Феликс. На их лицах застыло выражение, которое бывает только у тех, кто уже перешагнул черту и заглянул за край.

— Слушайте меня! — Кэрол перекрикивала гул пожара, её голос звенел сталью. — Вентиляция сдохла. Через пять-десять минут здесь будет газовая камера. Наш единственный шанс — грузовой лифт в северном крыле. Лестничный марш обвалился, но его обломки вбиты в стену, как ступени. Мы полезем по ним. Другого пути нет.

Мэри попыталась встать, но ноги, ставшие ватными, подкосились. Паника — чёрная, липкая, как мазут, — начала затопливать сознание. Грегор. Тревор Джонсон. Все они...

Кэрол среагировала мгновенно. Она выхватила из кармана шприц-тюбик и, не тратя слов, вогнала иглу прямо в плечо Мэри, сквозь плотную ткань формы.

— Это армейский коктейль, Уайт. Он выжжет твою боль.

— Спасибо...

Одним резким, профессиональным движением куратор вправила Мэри вывихнутое плечо. Девушка глухо вскрикнула, чувствуя, как препарат обжигает вены ядовитой, искусственной бодростью.

Они двинулись вперёд, пробираясь через завалы, пока путь им не преградил первый обрушившийся пролёт.

И тогда они увидели её.

— О Господи... Лиля! — всхлип Рози, полный первобытного ужаса, разорвал гул огня.

Под многотонной бетонной плитой, словно раздавленное насекомое, лежала Лиля. Её тело было буквально перерублено пополам острым краем конструкции. Голубые глаза, обычно сиявшие жизнью, были широко открыты, в упор глядя в потолок, которого больше не было.

— Лиля... — голос Мэри сорвался на беззвучный, сиплый крик.

Внутри всё рушилось быстрее, чем стены Элеайда. Образ Лили — смеющейся, делящейся секретами, такой живой — вспыхнул в памяти, причиняя невыносимую, почти физическую боль. Рози упала на колени, закрывая рот руками, чтобы не закричать, а Том и Феликс застыли, не в силах отвести взгляд от того, что осталось от их подруги. Тишина, повисшая над телом, была страшнее грохота рушащегося здания.

— Мы не можем оставить её здесь! Это неправильно! Мы должны... — Мэри рванулась вперёд, ослеплённая горем.

— Мэри, посмотри на меня! — Кэрол схватила её за плечи. — Джонсон мёртв! Лиля мертва! Если ты сейчас сдашься этой боли, ты убьёшь тех, кто ещё дышит! Слышишь?! Или ты хочешь лечь рядом с ней?! Хочешь, чтобы Люси искала твой труп в этой горе бетона?!

Холодный душ слов Кэрол немного протрезвил Мэри. Она кивнула, давясь слезами, которые мгновенно высыхали на раскаленной коже. Её друзья стояли рядом, превратившись в живые памятники шоку, объединенные этой первой, самой страшной потерей.

В этот момент из клубов пыли, словно тени из чистилища, к ним начали прибаваться другие выжившие. Это были израненные, грязные призраки, утратившие человеческий облик. Они шли на свет их ламп, как мотыльки. Один из парней вцепился в рукав Мэри, его глаза безумно вращались, он что-то бессвязно мычал, умолая о спасении.

Мэри мягко, но решительно высвободила руку, чувствуя, как чужое отчаяние пытается утянуть её на дно.

— Нам нужно вверх, к лифту, — повторила она чужим, надтреснутым голосом план Кэрол, обращаясь к тем, кто ещё мог слышать. — Люси? Вы видели Люси Уайт? Где она?

— Её не было в этом секторе! — отрезала Кэрол, перехватывая Мэри, которая уже готова была броситься обратно в лабиринт трупов. — Она была на работах в канализации! Это другой уровень. Мы должны свалить отсюда к чёртовой матери, немедленно! Возьми себя в руки и тащи свою задницу к уцелевшему пролёту, иначе мы все здесь сдохнем!

И выжившие двинулись вперёд единым стонущим потоком — хромая, кашляя, рыдая.

— Теперь вверх! — скомандовала Кэрол, указывая на отвесную стену с торчащими обломками. — Вбивайте пальцы в щели! Ищите опору в арматуре! Главное — не смотреть вниз!

Они начали карабкаться, вгрызаясь в бетон обломками ногтей. Последний пролёт лестницы отсутствовал — зияющая пустота в три метра до площадки лифта казалась непреодолимой. Мэри прыгнула первой, её пальцы впились в острый край, сдирая кожу, но она удержалась. Выкарабкавшись на площадку, она развернулась:

— Давайте по очереди, я помогу!

Она принимала их одного за другим, чувствуя, как немеют руки. Последней осталась молодая курсантка, чьё лицо застыло в маске парализующего ужаса. Она смотрела в бездну под ногами и не могла шевельнуться.

— Прыгай! — орала Мэри, протягивая руку. — Я поймаю тебя, слышишь?! Прыгай!

— У нас нихрена нет на это времени! — в унисон с ней прорычала Кэрол.

Девушка замялась, зажмурилась и всё же прыгнула. Но её ладонь, влажная от пота и страха, лишь скользнула по окровавленной руке Мэри. Она сорвалась бы мгновенно, если бы Уайт не успела перехватить её за кисть в последний миг. Здоровое плечо отозвалось вспышкой ослепительной боли. Кэрол вцепилась в ноги Мэри, якорем удерживая их обеих над пропастью.

— Тяни! — хрипела куратор, упираясь бёдрами в бетон.

Мэри стиснула челюсти так, что послышался хруст. Тяжесть тела внизу тянула её назад, майка задралась, бетон крошился под животом, впиваясь в кожу острыми гранями. Мэри видела глаза этой девушки — совсем близко. В них не было борьбы. Только бесконечная, чёрная, как сама бездна, усталость человека, который больше не хочет сражаться.

— Я больше не могу... — прошептала девушка. — Пожалуйста... не могу...

И она не просто соскользнула. Она осознанно, медленно разжала пальцы, высвобождая свою ладонь из хватки Мэри. Тепло её руки исчезло за долю секунды. Мэри рванулась вперёд, едва не улетев следом, но Кэрол дернула её назад. Через мгновение снизу донёсся влажный, тяжёлый удар о железную арматуру.

— Нет! — вскрикнула Мэри, когда её наконец затащили на площадку. Она рухнула на колени, глядя в пустоту, где только что исчезла ещё одна жизнь. — Боже мой... Я... Я... не удержала. Она просто... отпустила.

Кэрол приказала остальным забиться в кабину, а сама схватила Мэри за грудки, рывком поднимая с колен. Она отвесила ей пощёчину, возвращая в реальность.

— Возьми себя в руки! Если ты сейчас сломаешься, я сама тебя здесь брошу! Ты хотела быть сильной? Так будь, твою мать! Вставай!

Мэри заставила себя выпрямиться. Её взгляд стал пустым, зеркальным, как у мертвеца, но руки перестали дрожать. Они почти в последнюю секунду ворвались в кабину старого грузового лифта, прежде чем стены за их спинами окончательно сложились внутрь.

Двери захлопнулись с лязгом тюремной решётки.

— Кэрол, он же развалится! — всхлипнула Лекса, вжимаясь в угол.

— Он на независимых противовесах, — Кэрол прислонилась к вибрирующей стене, тяжело дыша. — Доисторический, но надёжный, как скала.

Лифт дёрнулся и начал мучительный подъём. Трос запел свою зловещую, натянутую песню, пол дрожал под ногами, словно живое существо в агонии. Время растягивалось, превращая секунды в часы. И когда двери наконец скрежетнули и распахнулись, в глаза ударил ослепительный, невыносимо яркий солнечный свет. Чистый, пахнущий озоном воздух ворвался в лёгкие, заставляя всех содрогнуться в приступе кашля.

— Мы выжили! Охренеть просто! — Том сделал шаг назад в кабину. — Я знал, что старина нас не подведёт!

— Том, выйди оттуда! Быстрее! — крикнула Мэри, чувствуя, как внутри всё леденеет от нехорошего предчувствия.

— Секунду! Браслет... — он нагнулся, шаря по грязному полу лифта. — Лиля подарила его на удачу. Не могу оставить.

Он выпрямился, победно блеснув в пальцах тонким кожаным ремешком. И в этот миг раздался звук, который окончательно разорвал их мир на куски. Громкий, сухой металлический хлопок лопающейся стали.

Лицо Тома застыло. Время замедлилось до частоты кадров. Он посмотрел на Мэри, затем на брата. Его губы шевельнулись, пытаясь произнести имя Феликса, но звук не вылетел. Лифт с жутким свистом сорвался в бездну.

— То-о-ом! — истошный, нечеловеческий крик Феликса разрезал тишину поверхности.

Он бросился к зияющей шахте, но было поздно. Секунда гробовой тишины — и снизу донёсся звук сокрушительного удара, а следом за ним — глухой, утробный взрыв скопившегося внизу газа. Столб огня и чёрного жирного дыма вырвался из шахты, опалив лицо Феликсу. Тот продолжал звать брата, заплёбываясь рыданиями, пытаясь прыгнуть вслед за ним в это пламя.

— Его нет... Феликс, его больше нет! — Розы и Лекса мёртвой хваткой вцепились в парня, оттаскивая его от края, пока он не обмяк, лишившись сил бороться.

— Том! — Феликс закинул голову назад, издавая звериный, полный муки вой. — Брат! Том!

Он заплёбывался слезами, звал брата так, будто тот всё ещё мог выйти из этого дыма. Девушки с трудом удерживали его на земле.

Все замерли, не в силах вымолвить ни слова. Слёзы текли сами собой, прокладывая чистые дорожки на покрытых копотью лицах. Феликс рухнул на колени, вцепившись руками в волосы, словно хотел физически вырвать из головы осознание случившегося.

Мэри подошла и молча, до боли крепко обняла его. К ним, шатаясь, присоединились Розы и Лекса. Они плакали вместе — беззвучно, отчаянно, понимая, что прежними они уже не будут никогда.

Они потеряли вечно улыбающегося Тома.

Потеряли добрую, искреннюю Лилу.

Потеряли справедливого директора Джонсона.

И десятки других — талантливых, живых, настоящих ребят, чьи мечты теперь были похоронены под тоннами бетона в Элеайде. Осознание этой необратимости медленно и мучительно просачивалось в их сердца.

Мэри подняла взгляд на небо. Она подумала о Люси и начала молиться — не Богу, а самой судьбе, чтобы та оставила ей хотя бы сестру.

Когда последний спазматический кашель от свежего воздуха утих, наступила тишина. Она была неестественной, ватной и тяжёлой. Мэри медленно приоткрыла рот, жадно ловя кислород, который всё ещё отдавал привкусом озона и палёной резины. Она вытерла лицо краем пропитанной потом майки, размазывая по щекам коктейль из слёз, копоты и подсыхающей крови.

— Что... что, чёрт возьми, здесь произошло?.. — её шёпот прозвучал как святотатство в этом мёртвом покое.

Они стояли на уцелевшем выступе бетонного пола. Стен главного административного корпуса больше не существовало — здание «слизало» чудовищным ударом, оставив лишь изломанный скелет арматуры, тянущийся к небу, словно пальцы молящего о пощаде. На лестнице, ведущей к руинам верхних ярусов, застыли тела. Мэри узнала их — те самые рабочие, что громко смеялись в курилке в день её прибытия. Теперь они лежали в нелепых, изломанных позах, припорошенные серой пылью, превратившей их в жуткие декорации.

Обходя мёртвых и невольно задерживая дыхание от тяжёлого, приторно-сладковатого запаха, который уже начал пропитывать горячий воздух, группа поднялась выше, на открытое плато лагеря.

Картина была апокалиптической. Элеайд, ещё утром казавшийся незыблемой крепостью, превратился в выжженную рану на теле земли. Разрушенные казармы, превращённые в груды строительного мусора; штабные шатры, от которых остались лишь обгоревшие клочья ткани, трепещущие на ветру; перевёрнутые бронемшины, застывшие стальными мастодонтами в лужах собственного масла. И воронки. Повсюду зияли чёрные провалы — от аккуратных пятиметровых «глазков» до огромных двадцатиметровых шрамов, обнаживших скальную породу.

— По-моему... это были не землетрясения, — голос Кэрол был сухим, как треск ломающейся ветки. Она указала на идеально круглую оплавленную яму неподалёку. — Началось то, к чему мы вас готовили.

Она подняла взгляд на горизонт, где небо окрасилось в грязно-оранжевый цвет.

— Началась Третья мировая война.

Слова упали тяжёлыми камнями в стоячую воду их шока. Ребята один за другим обессиленно опустились на раскалённую землю. Осознание реальности просачивалось в мозг медленно, словно яд. Именно Элеайд был целью.

— Значит... нас действительно готовили к этому? — Мэри устало потёрла шею, чувствуя, как под кожей пульсирует навязанный шприцем ритм сердца. — Кэрол... ты должна рассказать всё, что знаешь.

В этот момент где-то далеко за холмами глухо ухнуло. Земля вздрогнула, и в чистое небо поднялся новый столб жирного, чёрного дыма.

— Мы здесь как мишени в тире, — Мэри обвела взглядом открытое пространство. Страх за сестру перемешивался с холодным расчётом, которому их обучали. — Нам нужно укрытие. И нам нужен этот чёртов разговор.

Кэрол внимательно посмотрела на Уайт. В глазах куратора на мгновение мелькнуло что-то похожее на одобрение: Мэри не просто выжила — она начинала мыслить категориями войны.

— Согласна, — кивнула Харрисон. — Делимся по двое. Ищем всё, что поможет протянуть лишние сутки: еда, оружие, аптечки, рации. Одежду и рюкзаки — в первую очередь. Но вода и патроны — это ваша жизнь. Через час встречаемся у восточного склона. Если увидите

чужих — прячьтесь. Если услышите звук двигателя — зарывайтесь в землю. Сейчас нельзя доверять никому. Вообще никому.

— Мы поняли, мисс Харрисон, — тихо отозвалась Лекса, чьё лицо застыло в маске сурового спокойствия. Она подошла к Мэри и почти невесомо коснулась её плеча. — Я с тобой.

Кэрол лишь коротко кивнула и растворилась в мареве между сторевшими палатками.

— Мэри, идём к главным воротам, — позвала Лекса.

Уайт не ответила. Она стояла, глядя на то место, где под землей остался Элеайд, Лиля, Том... и проект, о котором она не должна была знать.

— Мэри! — Лекса встряхнула её, заставляя сфокусировать взгляд.

— А? Да... иду.

— Очнись, Уайт. Если мы задержимся, Харрисон пристрелит нас за дезертирство раньше, чем прилетят ракеты, — горько усмехнулась брюнетка, пытаясь за шуткой скрыть дрожь в руках. — Если, конечно, найдёт чем.

— Пошли, — отрезала Мэри.

Она мельком взглянула на Феликса: парень шёл, пошатываясь, сломленный и пустой, опираясь на Розу, чьи плечи содрогались от беззвучных рыданий. Они исчезали в серой дымке, похожие на тени из забытого кошмара.

В голове Мэри, словно заезженная пластинка, всплыл обрывок разговора, который она подслушала в кабинете директора Джонсона. Уайт сделала пометку у себя в голове: найти момент и встряхнуть из Кэрол всю правду. В том числе и о проекте, названия которого они боялись так сильно, будто оно могло их убить.

Час пролетел незаметно, растворившись в лихорадочных поисках. Когда группа снова собралась вместе, солнце уже тяжело клонилось к горизонту, заливая израненное поле боя тусклым, густым, как запёкшаяся кровь, светом. Тени удлинились, превращая обломки базы в причудливых чудовищ.

Они разложили скудные трофеи на уцелевшем куске брезента.

— Оружие есть, но патроны... — Феликс замялся, пересчитывая магазины. — Их катстрофически мало. Примерно по пятьдесят штук на четырнадцать выживших. Мы не сможем держать долгий бой.

Роза, чьи руки всё ещё дрожали, монотонно зачитывала список, словно молитву:

— Итого: восемь рюкзаков, семь автоматов, шесть микро-ПП, пять пистолетов. Шесть банок консервов на всех, семнадцать бутылок воды... Пять курток, коробка спичек, два компаса, карта. Три аптечки и две рации. Но они молчат. Скорее всего, начинка превратилась в труху от удара.

— Я могу попробовать оживить их, — раздался тихий, неуверенный голос.

Из-за разорванного шатра вышел худощавый парень. Рыжие волосы были всклокочены, а веснушки на бледном лице казались каплями ржавчины.

— Ты из интеллектуального сектора? — Мэри полоснула его взглядом.

— Да... я Ким. Ким Дэвидсон. Я знал твою сестру, — он запнулся, и его голос дрогнул от непрощённой горечи. — Она была... она была очень хорошим человеком.

Фраза повисла в воздухе. «Была». Это слово подействовало на Мэри как электрический разряд. Она в мгновение ока сократила дистанцию, схватила парня за ворот куртки и с силой притянула к своему лицу.

— Не смей говорить о ней в прошедшем времени! — её крик, сорвавшийся на хрип, заставил Кима вжать голову в плечи. — Она жива! Слышишь меня? Она жива!

Парень замер, глядя в её безумные от горя и химии глаза.

— П-прости... я не хотел...

Мэри резко вскинула руку, приказывая замолчать. Ярость уходила, оставляя после себя выжженную пустыню.

— Почини рации. Пожалуйста... — уже тише, почти безжизненно произнесла она. — Сделай всё, что в твоих силах.

Она обернулась и наткнулась на испуганные, осуждающие взгляды выживших. Для них она сейчас выглядела как сорвавшаяся с цепи охрана. Харрисон молча схватила её за предплечье и оттащила в сторону, за остов сгоревшей машины.

— Ты себя со стороны слышишь, Уайт? — голос куратора был тихим, но в нём вибрировала ярость. — Он напуган не меньше твоего. Я перестаю узнавать в тебе своего лучшего рекрута.

— Я знаю, Кэрол... но, когда он заговорил о Люси так, будто её уже закопали... — Мэри стиснула зубы так, что на скулах заиграли желваки.

Кэрол сократила расстояние, вторгаясь в её личное пространство. Она понизила голос до хриплого шёпота, который резал кожу не хуже бритвы:

— Спрячь свои эмоции в самый глубокий ящик своего сознания. И не смей их выпускать. Ни страх, ни боль, ни твою проклятую слабость. Если хочешь выжить и спасти друзей, ты должна мыслить трезво, бить точно, решать взвешенно. В этом мире выживут только те, кто заменил сердце холодным разумом.

Куратор на секунду задержала взгляд на лице девушки, словно впечатывая свои слова ей в мозг.

— Прежняя жизнь сгорела в тех воронках. Возьми себя в руки. Немедленно.

Мэри молча кивнула, принимая этот жестокий урок. Но внутри неё уже зрело иное пламя.

— Кэрол, я знаю, тебе это не понравится... — начала она, глядя куратору прямо в глаза. — Но я слышала твой разговор с директором Джонсоном. О проекте «Вита».

Глаза Кэрол мгновенно превратились в две узкие щели. Атмосфера вокруг них сгустилась, став почти осязаемой.

— Пересчитайте всё ещё раз! Каждую гильзу! — рявкнула Харрисон на группу, а затем, стальной хваткой вцепившись в руку Мэри, увлекла её ещё дальше в тень руин. — Ты сделала что?

— При чём здесь мой отец? — Мэри не отступила, игнорируя боль в плече. — Что это значит: «Элеайд строили для таких, как Мэри»? Кэрол, что происходит?

— Тебе не положено знать, — Кэрол почти шипела, её лицо оказалось в сантиметрах от лица Мэри. В глазах женщины на мгновение вспыхнуло нечто дикое, первобытное. — Как бы хорошо я к тебе ни относилась, Уайт, я не могу. Не имею права. Это знание — не сила, это мишень на твоей спине. Оно слишком опасно для тебя сейчас.

— Кэрол, посмотри вокруг! — Мэри обвела свободной рукой дымящиеся руины. — Элеайда больше нет. Нет правил, нет трибунала, нет секретных протоколов. Я имею право знать! Как и все мы!

— Ты узнаешь всё, — отрезала куратор. — Но не здесь и не сейчас. Когда мы будем в безопасности, если это слово ещё что-то значит. Да, базы нет, но есть я. И я прошу тебя — не как командир, а как единственный человек, которому ты можешь верить: об этом никто не должен слышать. Ни звука.

Мэри замолчала, глядя на то, как бешено полыхнул огонь в глазах женщины при одном упоминании «Вита». Она поняла: Харрисон не просто следует приказу. Она искренне боится этого знания. Мэри кивнула, решив временно отступить, но нутром чуяла — именно в этом секрете кроется ключ к их будущему.

Когда припасы были распределены, а скудные вещи упакованы, над миром окончательно воцарились сумерки. Тусклый свет луны, пробивающийся сквозь пелену дыма, и далёкие всполохи пожаров были единственными ориентирами в сгущающейся тьме.

— Ну и какие идеи, «командир»? — голос прозвучал как удар хлыста.

Мимо Мэри прошла высокая девушка, намеренно задев её плечом с такой силой, что Уайт покачнулась. Мэри медленно подняла взгляд.

— А ты вообще кто? — спросила она без вызова, лишь с бесконечной усталостью в голосе.

Незнакомка была почти на голову выше. Её длинные волосы, окрашенные в ядовито-синий цвет, были небрежно стянуты в узел. Грубые черты лица, тяжёлая челюсть и взгляд, полный неприкрытого отвращения.

— Сьюзен Грин, — бросила она, кривя губы в издевательской усмешке. — Рассчитываешь, что мы будем прыгать по твоей указке только потому, что ты любимица Харрисон?

Мэри проигнорировала шпильку. В голове уже выстроился чёткий маршрут.

— Мы будем двигаться к моему дому. На запад. — спокойно произнесла Мэри, обращаясь ко всей группе. — Я знаю дорогу. Там у нас будет преимущество. Мы сможем перевести дух, обработать раны, нормально поспать и собрать запасы. А главное — продумать следующий шаг без этой гари в лёгких.

— А если твой дом превратился в кучу пепла? — осторожно спросила Роза, кутаясь в найденную куртку. — Что тогда?

— В доме есть скрытый подвал. Бункерного типа. Он должен был уцелеть даже при таком ударе, — Мэри старалась, чтобы голос не дрогнул. — В любом случае, здесь нам ловить нечего.

— Ты эти дыры в земле видела, ангелок? — Сьюзен кивнула в сторону огромных воронок, и её голос стал ещё более едким. — Если от твоего домика остались щепки, мы просто потратим время и сдохнем в чистом поле.

Мэри сделала шаг вперёд, сокращая дистанцию со Сьюзен. Напряжение между ними стало почти осязаемым — две воли столкнулись в тишине умирающего лагеря.

— У тебя есть идеи лучше? — ровно спросила Уайт, глядя прямо в тяжёлые глаза Грин. — Если ты знаешь место с едой, оружием и защитой в радиусе десяти миль — веди.

Сьюзен прищурилась, её кулаки сжались, но она промолчала, выдав лишь тихий, пренебрежительный смешок. Мэри не хотела даже на секунду допускать мысль о разрушении дома. Она отчаянно, до боли в груди надеялась, что мама и Люси там. Что они просто ждут её.

— Поблизости только открытые поля и пустошь, — вмешалась Харрисон, пресекая ссору, еле заметно улыбнувшись тому, как Мэри научилась себя отстаивать. — В той стороне, — она указала на восток, — мы слышали взрыв. Туда соваться — самоубийство. Здесь долго оставаться тоже нельзя. Выходим на рассвете. Передвигаться в темноте мы не будем.

— Мы с Мэри видели уцелевший шатёр у главных ворот, — подала голос Лекса, становясь рядом с подругой. — Там можно забаррикадироваться и обработать раны.

Группа согласно загудела. Пока что дом Мэри стал для них единственным маяком надежды в этом наступающем хаосе.

Когда развели костёр, едкий дым смешался с ночным туманом. Выжившие расселись вокруг пламени, похожего на последний алтарь в этом мёртвом мире. Кто-то уже провалился в тяжёлое забытие, кто-то гипнотизировал огонь, пытаясь согреть руки, а кто-то беззвучно содрогался в рыданиях, кусая кулаки, чтобы не выть.

Феликс, чьи пальцы всё ещё подрагивали, помогал Мэри. Он осторожно промывал порезы на её животе и скуле, стараясь не причинять боли. Аптечки были ничтожно скудными — каждая капля антисептика и каждый сантиметр бинта ощущались как золото.

— Кэрл, — Мэри натянула грязную, пропитанную кровью и гарью майку, шипя от боли, когда ткань коснулась ран. — Расскажи всё, что знаешь.

Вокруг костра мгновенно воцарилась зловещая тишина. Даже ветер, казалось, перестал трепать лохмотья шатра.

— Мы знали, что Третья мировая — это не вопрос «если», а вопрос «когда», — голос Харрисон был сухим и монотонным, как отчёт. — Мир годами балансировал на лезвии. Provocations, точечные ликвидации, биологические вбросы... Мы все жили в долг.

Она подкинула ветку в огонь, и снопы искр взлетели к равнодушным звёздам.

— Элеайд никогда не был просто военной базой для одарённых. Сюда отбирали тех, кто представляет «высшую ценность»: генофонд, интеллект, стратегический ресурс. Но так было лишь по документам. Очень быстро места в Элейаде стали просто продавать. Это многое объясняет.

Кэрол обвела группу тяжёлым, обесценивающим взглядом.

— Я, если честно, до сих пор не понимаю, зачем потратили столько ресурсов на некоторых из вас. Половина здесь — балласт. Избалованные дети, которые без приказа не знают, с какой стороны братья за винтовку.

По кругу пронёсся ропот, но никто не рискнул возразить. Взгляд Кэрол подавлял любую волю.

— Связь с поверхностью была односторонней. Нам внушали, что всё под контролем, пока, видимо, небо не расколосось. Удар по Элеaidu не был случайным. Системы ПВО не просто «не сработали» — их ослепили изнутри. Нас выжигали точно, по самым уязвимым узлам. Базу уничтожили намеренно те, кто точно знал её чертежи.

— Значит, нас намеренно готовили к этому? Но почему тогда нам не сообщили о происхождении? Не вытащили нас? — голос Феликса сорвался.

— Информация уровня «Абсолют», — Кэрол стоически выдержала сверлящий взгляд Мэри. — Я солдат, Хиггинс. Мне дают цели, а не объясняют смысл бытия.

— И кто наш враг? С кем мы воюем? — выплюнула Сюзен, подаваясь вперёд.

— В этой войне нет флагов, — без зазрения совести соврала Кэрол, хотя в глубине её глаз Мэри прочитала тень недосказанной правды. — Теперь враг — любой, кто претендует на твою банку консервов.

— Нам нужна военная база, — негромко, но твёрдо произнесла Мэри, обрывая спор. — Действующий объект. Место, где осталась структура. Где нам дадут ответы и оружие.

— Сначала — твой дом, — отрезала Харрисон. — Если там сохранилось хоть что-то, это наш единственный шанс не сдохнуть в первую неделю.

Кэрол резким движением затушила огонь берцем и легла, давая понять, что разговор окончен.

— Всем спать. Завтра будет ещё хуже.

Лагерь накрыла тишина, прерываемая лишь тяжёлым дыханием спящих. Мэри не могла заставить себя зайти под брезент. Ей казалось, что стены шатра раздавят её, как плита раздавила Лилу.

К ней подошли Розы и Лекса. Они не говорили ни слова — слова были не нужны. Розы уткнулась лбом в плечо Мэри, а Лекса крепко обхватила их обеих, создавая крошечный остров тепла среди руин. В этом объятии было всё: общий ужас, запах смерти, который не смыть, и отчаянная, почти детская просьба не оставлять друг друга. Мэри закрыла глаза, чувствуя их дрожь, и на мгновение позволила себе просто быть слабой — всего на несколько секунд, пока сердце билось в унисон с их сердцами.

Обменявшись с ними долгим, поддерживающим взглядом, Мэри вышла из шатра. Она легла на жёсткую, покрытую пеплом землю, подложив руки под голову. Звёзды над головой были пугающе яркими — холодные бриллианты на чёрном трауре неба.

— Почему ты здесь? — Феликс присел рядом, его тень легла на её лицо.

— Снаружи легче дышать, — ответила она, не поворачивая головы. — Мне жаль Тома, Феликс. И Лилу. Это... это неправильно. Такие, как они, не должны гнить в бетоне.

— Мне тоже жаль, — голос парня дрогнул, в нём слышались слёзы. — Но их больше нет. Бесполезно ломать себя из-за того, что уже стало историей.

— Я поняла твой намёк, Хиггинс, — Мэри горько усмехнулась, и одна-единственная слеза всё же прочертила дорожку по её пыльной щеке. — Но я не могу осознать эту пустоту. Это так несправедливо, что сердце разрывается. Я не знаю, как смотреть на Кэрол, на девочку, на тебя... А если завтра вас тоже не станет? Как мне дышать дальше?

— Я верю, что Люси жива, Мэри. Но...

— Не надо, Феликс. Я всё понимаю. Не трать слова на утешения, которые мы оба считаем ложью.

Наступила тишина. Феликс медленно накрыл её руку своей ладонью и крепко сжал. Мэри вздрогнула.

— Знаешь... я восхищаюсь тобой, — прошептал он.

— Не надо, Феликс. Я не заслужила восхищения.

— Ещё как заслужила, — он сглотнул ком в горле. — Я бы... я бы умер за тебя, если бы пришлось.

— Я надеюсь, — Мэри медленно повернула к нему голову, её взгляд был прозрачным, — что нам больше не придётся никем жертвовать. Хватит смертей.

Феликс приподнялся на локте, глядя на неё с такой сломанной нежностью, что Мэри стало не по себе. Она попыталась мягко убрать руку, но он не отпускал.

— Я давно хотел сказать... Мэри, я...

— Феликс. Остановись, — отрезала она, и на этот раз её голос прозвучал как лязг затвора. — Не говори этого. Посмотри вокруг. Сейчас не время и не место для признаний. Я не смогу ответить тебе тем же.

Феликса будто окатили ледяной водой. Он отпрянул, его лицо исказилось от боли.

— Я вижу, что происходит, Мэри! Именно поэтому я говорю! Потому что завтра нас может не быть. Я боюсь потерять тебя, как своего брата, так и не сказав...

— Сейчас нет места чувствам, — её шёпот был жёстким. — Они делают нас уязвимыми. Они — обуза.

— Мда... — горько усмехнулся парень, качая головой. — Ты невероятно изменилась, Мэри. Я ждал этих слов от Кэрол... но не от тебя. Ты ведь была другой.

Он сжал кулаки, в его голосе закипала обида:

— Ты была воплощением доброты. Ты дарила тепло всем, кто просто проходил мимо. Но после того, как Люси забрали... Ты стала твёрдой, жёсткой, непробиваемой. Тебя подменили, Уайт. Но это притворство тебя погубит. Если ты потеряешь себя, если такие люди, как ты, станут просто машинами войны, то этот мир не стоит спасения. Он просто не заслуживает жизни.

Мэри медленно села, глядя на него в упор. В её глазах не было злости — только бесконечная ясность.

— Ты ошибаешься, Феликс. Я не притворяюсь. Раньше я была трусливой и наивной. Я была «удобной» Мэри, которая не умела защищать свои границы и верила, что если быть доброй ко всем, то мир ответит тем же. Я была слабой. Но боль... — она коснулась пореза на лице, — боль и эти руины выжгли всё лишнее. Я не потеряла себя. Я наконец-то себя нашла. Я учусь быть сильной, учусь смотреть в лицо страху. Мир изменился, Феликс. И если я останусь той «доброй девочкой», я похороню и тебя, и Люси, и всех остальных. Я выбираю выжить.

Парень долго смотрел на неё, не узнавая девушку, в которую влюбился.

— Прощу, Мэри... не потеряй остатки души в этой битве, — повторил он, поднимаясь. Хиггинс быстро скрылся в темноте, не желая, чтобы она видела его слёзы.

Мэри осталась одна под безмолвными звёздами. Она знала, что её отказ ранил его, но это была необходимая хирургия. Она больше не была той, в кого он влюбился.

Яркий солнечный свет беспощадно озарил изуверченную землю. Он не приносил тепла, лишь высвечивал во всех деталях то, что осталось от мира: мусор, брошенное оружие и безжизненные тела, припорошенные серым налётом. Воздух за ночь стал чище, но в нём всё ещё висел тяжёлый, вязкий запах гари и тлетворной сладости смерти — казалось, этот дух разложения вёлся в саму почву, отравив корни трав.

Мэри не спала. Сон бежал от неё, как напуганный зверь. Мысли давили, наваливались тяжёлыми плитами, не оставляя шанса на покой. Боль в теле, притупленная вчерашним армейским коктейлем, теперь вернулась с утроенной силой, пульсируя в каждом порезе и каждом ушибе. Она лежала под открытым небом — тем самым бесконечным небом, о котором грезила долгие месяцы в душных бетонных коридорах базы. И теперь, глядя в эту холодную синеву, она с горечью понимала: реальность оказалась куда страшнее любого кошмара, рождённого в подземельях.

Насладившись последними секундами хрупкой, обманчивой тишины рассвета, Мэри заставила себя встать. Она разбудила остальных — коротко, без лишних слов. Группа двинулась в путь. Над ними висела гнетущая тишина: каждый был замурован в собственном коконе из воспоминаний и страха.

Они шли тринадцать часов. Тринадцать часов боли, жажды и монотонного шага по выжженной земле. Солнце начало клониться к закату, окрашивая горизонт в тревожные тона, и мир начал стремительно остывать, словно выдыхая последние остатки жизни.

— Там! — вдруг радостно воскликнул Феликс, и его голос в этой тишине прозвучал как выстрел. — Я вижу дом! На опушке, за деревьями!

Он обернулся к Мэри с такой отчаянной надеждой в глазах, что у той перехватило дыхание.

— Это же он? Твой дом?

— Да... это он, — прошептала Уайт. И впервые за долгое время её лицо преобразилось. На губах расцвела улыбка — живая, настоящая, почти забытая. Это была улыбка той, прежней Мэри, которая верила в безопасность родных стен.

Группа почти сорвалась на бег. Домик уцелел чудом. Вокруг него зияли свежие шрамы воронок, а трава превратилась в чёрный, хрустящий под ногами пепел. Ступив на участок, Мэри замерла. Она выдохнула, чувствуя, как горло перехватывает спазм, а к глазам подступают жгучие слёзы. Осознание реальности пробивалось сквозь защитный туман в её голове: она дома, но дома больше нет.

Её взгляд упал на разломанное, обугленное дерево. То самое, под которым она проводила лучшие часы, рисуя свои миры. Полевые цветы исчезли. Земля почернела. Воздух, пропитанный вонью гари, тоскливо завывал в ветвях, будто оплакивая это место. Хотелось упасть на эти угли, свернуться в клубок и выть вместе с ветром. Но Мэри уже научилась — слишком дорогой ценой — загонять чувства в самую глубь, под замок. Собрав остатки воли, она вошла в дом вслед за ребятами.

В гостиной она остановилась и закрыла глаза, делая глубокий, жадный вдох.

Запах... Он всё ещё был здесь. Тонкий аромат старого дерева, маминого парфюма и давно забытого уюта. На мгновение ей почудилось: стоит лишь открыть глаза, и она увидит маму, суесящуюся на кухне с блинчиками. Увидит Люси, лениво свернувшуюся клубком на диване.

Но стоило поднять веки, как хрупкие грёзы рассыпались в пыль. Комната была не просто пустой — она была выпотрошена. Перевернутые стулья, выдвинутые и брошенные на пол ящики комода. Вещи валялись вперемешку с битым стеклом. Сердце Мэри сжалось в крошечную ледяную точку. Кто-то побывал здесь до них, и этот кто-то явно что-то искал.

— Чего застыли? — её голос прозвучал неожиданно холодно и твёрдо, разрезав повисшую тишину. — Собирайте всё, что может пригодиться. Ешьте. Отдыхайте. Приведите себя в порядок, душ в вашем распоряжении.

Она быстро обвела группу взглядом, инстинктивно перенимая на себя роль командира. Никто не решился спорить.

— Лекса, Кэрол, Феликс и Роза — со мной в подвал.

Она решительно зашагала к неприметной двери под лестницей, мысленно повторяя комбинацию цифр, которую хранила в памяти как молитву. Но её рука так и замерла в воздухе. Тяжёлый кодовый замок был зверски сбит — его изуродованный, смятый металлический корпус сиротливо болтался на одной петле. Внутри всё похолодело. Чужаки нашли и это место.

Мэри толкнула скрипнувшую дверь и первой шагнула в узкую пасть лестницы, нащупав на стене выключатель.

— Ну ничего себе у вас погребок... — ошарашенно присвистнула Лекса, оглядывая помещение.

Это был настоящий арсенал, замаскированный под хранилище. Но если Лекса видела лишь обилие оружия, то Мэри видела погром. Раньше здесь царил идеальный порядок, а теперь коробки с патронами, аккуратно подписанные рукой отца, были разорваны и валялись на бетонном полу. Несколько винтовок и пистолетов небрежно бросили прямо в пыль, словно чужаки в спешке хватали только самое ценное, считая всё на своём пути.

Пока ребята с трепетом и тихим восторгом начали собирать уцелевшее снаряжение, Мэри на деревянных ногах подошла к массивному столу в центре комнаты. Карты города были скомканы, но на одной из них всё ещё отчетливо виднелись агрессивно обведённые синим маркером точки. Военные базы. Редкие оазисы в океане хаоса. Мэри смотрела на эти круги, чётко понимая: теперь это не просто координаты, а их единственный маршрут выживания.

Они уже собрали рюкзаки и собирались уходить, когда Мэри вдруг почувствовала странный, иррациональный импульс. Она замерла, словно пригвождённая к полу. Её взгляд зацепился за предмет, чудом уцелевший в тени у массивной ножки стола, куда, видимо, не добрались ботинки мародёров.

Небольшой диск.

Его поверхность была испачкана кровью — старой, почерневшей, намертво въевшейся в пластик. Поверх этих пятен неровным, дрожащим почерком было выведено: «От вашего отца».

Земля ушла у Мэри из-под ног. Сердце заколотилось с такой неистовой силой, что, казалось, сейчас проломит рёбра. Она медленно, почти благоговейно опустилась на колени и подняла диск, боясь, что от неосторожного движения он рассыплется в прах. Остальные инстинктивно замолчали, плотным кольцом сгрудившись вокруг неё. Кэрол молча положила руку на плечо девушки, и эта тяжёлая тёплая ладонь стала единственным, что удержало Мэри в реальности.

Не говоря ни слова, они поднялись на второй этаж. Деревянные ступени скрипели, как живые, протестуя против их гулких шагов. Там, в спальне, стоял старый телевизор с дисководом — последний осколок их мирного прошлого.

Дрожащей рукой Мэри вставила диск в проигрыватель.

Экран мигнул синим, зашипел помехами, словно старая техника сопротивлялась своей последней задаче. И вдруг — изображение прорезалось.

На экране был её отец. Джон.

— Привет, девочки... — начал он мягко. На его лице промелькнула виноватая, горькая улыбка. Он пытался казаться спокойным, но морщины у глаз и смертельная усталость выдавали его.

За его спиной висела неровно закреплённая белая простыня, скрывающая интерьер. Он не хотел, чтобы кто-то знал, где он находится.

— Если вы смотрите это... — Джон сделал долгую паузу, и его горло дёрнулось. — Значит, началось то, во что мы до последнего отказывались верить. Конец света, который мы сами же и приблизили.

Он выдохнул, и его взгляд стал стальным.

— Времени почти нет. Поэтому я буду говорить прямо. Без иллюзий и лжи.

Он посмотрел прямо в камеру — его зелёные глаза, такие же, как у Мэри, теперь были непривычно холодными и пронзительными. Этот взгляд обещал правду, которая навсегда изменит всё, во что они верили.

Он выглядел старше, чем Мэри помнила.

— Началась Третья мировая война, — его голос, лишённый эмоций, заполнил комнату, как осенний туман. — Хотя называть это «войной» — стратегическая ошибка. Это не конфликт идеологий, не борьба за территории или ресурсы. Это — фаза тотальной зачистки. Массовое и необратимое истребление жизни на планете.

Джон чуть наклонил голову, глядя прямо в объектив, словно читал лекцию в университете смерти.

— Всё, чему вас учили, — забудьте. Танки, пехота, линии обороны — это архаизм, пыль. Мы создали мир, где у каждого амбициозного безумца есть кнопка. Десятилетиями лаборатории выводили биологическую и химическую смерть не для защиты, а «на всякий случай». Горькая ирония в том, что этот «случай» настал одновременно для всех. Никто не захотел быть проигравшим. Каждый лидер видел себя богом в бункере, единственным победителем на пепелище.

Он сделал паузу, и в тишине комнаты было слышно, как тяжело дышит Роза.

— Сотни тысяч ракет были выпущены по дуге над всей планетой. Это не классические ядерные заряды. Большинство из них — тактические, маломощные, но неизмеримо более коварные. После детонации они распыляют в атмосфере каскад сложнейших соединений. Радиация — это лишь фон. Настоящая угроза — токсичные газы и искусственные патогены, которые теперь стали частью воздуха, которым вы дышите.

Его лицо стало жёстким, как скала.

— Самое страшное — синергия. Эти инфекции не просто убивают, они взаимодействуют. Мутируют в реальном времени, пожирая друг друга и создавая химеры, против которых медицина бессильна. Смерть от них может тянуться мучительными неделями... — он едва заметно сглотнул, и Мэри увидела, как дрогнул его кадык, — или забрать вас за секунды. Но финал неизменен. Я настоял, чтобы ваш отчим перевёз вас сюда. Я лично курировал ваше зачисление в Элейд. Мы знали, что шторм близко. Мы пытались дать вам броню, шанс переждать первый удар. Проект, над которым я работал большую половину жизни, теперь... — Джон резко замолчал. — В общем, надеюсь, что мы с вами увидимся и я лично обо всём расскажу.

Он тяжело выдохнул, и в его глазах на мгновение промелькнула человеческая горечь.

— Но, как это часто бывает в расчётах... хаос оказался сильнее плана.

Джон замолчал. Молчание затянулось, становясь невыносимым, будто слова, которые он собирался произнести дальше, причиняли ему физическую боль.

— Помните: поверхность теперь — враждебная среда. Находиться вне укрытия смертельно опасно. Последствия контакта необратимы. Любая царапина, микроскопический порез или прикосновение к заражённой почве — это ваш смертный приговор. Но я уверен, что ваш иммунитет справится.

Он поднял глаза, и в них вспыхнул холодный, почти исследовательский интерес.

— И это не все новости. В воздухе присутствует агент... зараза, — он поморщился, подбирая слово, — воздействующая на нейронные связи. Она атакует не только плоть, но и психику. Люди теряют человеческое. Они деградируют до примитивных нейронных рефлексов. Я

ещё не до конца изучил механизм — мутации продолжаются, формы меняются прямо сейчас, — но итог всегда один.

Впервые в его голосе просочился настоящий, первобытный страх.

— Эти существа... они обретают чудовищную силу. Реакция, скорость, агрессия — всё выведено на запредельный уровень. Они убивают не из идеологии и не из мести. Ими движет чистый, незамутнённый инстинкт уничтожения. Они разрывают всё живое на части. Я называю их мутантами. Бойтесь их больше, чем радиации. Если увидите тела — избегайте их. Если рядом с вами есть тяжелораненные или те, кто проявляет признаки деградации и агрессии... — он осёкся, его голос упал до шёпота, — наблюдайте за ними. И если увидите изменения — убейте. Сразу. Это жестоко. Но это единственный способ сохранить тех, кто ещё остался людьми.

Он снова сглотнул, переводя дух.

— Не оставайтесь в этом доме. На карте, которую вы найдёте в подвале, должен быть помечен Вэстгард. Это не просто военная база. Это крепость. Там есть системы фильтрации, оружие и надежда.

Его взгляд на мгновение потеплел, став почти отцовским.

— Возможно, в Вэстгарде вас буду ждать я... и ваша мама.

В этот момент Джон резко повернул голову. Его слух, казалось, уловил нечто за пределами кадра — звук, от которого по коже Мэри пробежали мурашки. На несколько секунд он замер, вслушиваясь в тишину, которая для него была полна угроз. Затем снова сфокусировался на камере.

— Когда доберётесь до главных ворот, посмотрите в контрольную камеру. Просто назовите моё имя. И скажите, кто вы. Этого пароля будет достаточно, чтобы двери открылись.

Он подался вперёд, почти вплотную к объективу.

— Я люблю вас, девочки, — тихо произнёс он, и в этом шёпоте было столько отчаяния, сколько Мэри не слышала за всю жизнь. — Больше всего на свете.

Его голос дрогнул, но он мгновенно взял себя в руки, вновь надевая маску стального лидера.

— Постарайтесь выжить. Простите, что меня не было рядом. Простите, что говорю с вами через этот холодный диск. Мы всё ещё можем это исправить. Мы должны.

Он смотрел на них так, словно пытался выжечь образ дочерей на сетчатке своих глаз.

— Если вы не успеете первыми — я сам найду вас. Если кто-то ранен — затаитесь. Не рискуйте собой. Я приду. Если же ноги держат вас — переводите дух и уходите немедленно.

Джон на секунду опустил голову, а когда поднял её, его взгляд стал настолько пронзительным, что Мэри показалось, будто он видит её прямо сейчас сквозь пространство и время. Это был взгляд хищника, защищающего своё потомство.

— И запомните... — медленно, свинцово произнёс он. — Человечество... заслуживает второго шанса.

Изображение дёрнулось, рассыпалось на цифровой шум.

— Удачи.

Экран потух. Комната погрузилась в тяжёлую, липкую темноту, в которой сияло только одно — их отражение. Они смотрели на себя, и видели тех, кому только что официально объявили о смерти их мира.

— Твою... мать... — Кэрл Харрисон, женщина, которая не дрогнула под обвалом в Элеайде, прижала ладонь ко лбу, чувствуя, как реальность уходит из-под ног. — Твою ж мать, Джон...

— Что ещё за мутанты? Боже... — голос Розы сорвался, истончившись до жалкого хрипа. — Какого хрена вообще происходит?! А мои родители?.. — Её затрясло так сильно, что зубы

выбили нервную дробь. Паника захлестнула её мгновенно: глаза болезненно расширились, наполнились слезами, а дыхание превратилось в прерывистый, удушливый скулёр.

— Не знаю... — хрипло выдохнула Мэри. Голос едва слушался. Разум всё ещё отказывался переварить то, что они только что услышали. Мэри крепко прижала к себе вздрагивающую подругу, вцепившись в неё так, словно они обе стояли на краю пропасти, стараясь удержаться от окончательного срыва и её, и себя. — Идём. Мы должны вернуться к остальным.

В гостиной их встретила картина, показавшаяся Мэри дикой, почти издевательской насмешкой. Ребята валялись на диванах и прямо на полу, жадно ели найденные на кухне припасы. Кто-то тихо переговаривался, кто-то даже нервно рассмеялся. Они прятались здесь, в иллюзии безопасности, словно за окном не рухнул мир. Словно ничего не случилось.

Мэри замерла на пороге, чувствуя подступающую тошноту. Буквально за считанные часы всё, что они знали, стёрлось в пыль. А в голове билась ещё одна, ядовитая мысль: её отец жив. Он жив, здоров, но почему-то не пришёл за ней раньше, не вырвал из рук тирана, годами ломавшего им жизнь. Почему именно сейчас? Почему он оставил диск, который она могла так легко не заметить? К чему эти риски? Ответов не было. Слова отца медленно, как битое стекло, прокручивались в сознании, распарывая сердце. В груди разрастался липкий, тяжёлый ужас, сдавливающий лёгкие.

Она отчётливо поняла: шанса на счастливую жизнь больше нет. Ад — это не библейская сказка. Ад — это их новая реальность. И пока у неё просто не было сил произнести это вслух.

Сбежав от их неведения в свою комнату, Мэри захлопнула дверь, пытаясь заглушить бушующий внутри ураган. Руки тряслись. Она начала стаскивать с себя белый спортивный костюм — разорванный, пропитанный едким запахом гари, чужой кровью и холодным потом. Ткань липла к ранам, но Мэри срывала её, словно сбрасывая с себя мёртвую кожу прошлой жизни. Натянула тёмно-зелёные джинсы, майку и отцовскую джинсовую куртку на два размера больше. В её тяжести было хоть какое-то подобие защиты. Сменив кроссовки на тёмно-бежевые солдатские ботинки — подарок матери, — девушка стянула спутанные волосы в тугой конский хвост.

Взгляд случайно скользнул по зеркалу, и внутри всё заledenело. Оттуда на неё смотрел чужой, изломанный человек. Лицо — сплошное месиво из грязи, кровоподтёков и засохшей корки крови. Бровь рассечена так глубоко, что края раны разошлись. Губа разбита. Под кожей пульсировала тупая, изматывающая боль. Живот и рёбра покрывала россыпь сине-чёрных гематом и рваных царапин. Каким-то чудом переломов удалось избежать.

Она осторожно, кончиками пальцев, коснулась раны на губе. В ушах снова зазвенел голос отца. Заражение. Мутации. Смерть. Пока она не чувствовала изменений, но это спокойствие казалось обманчивым, как затишье перед бурей. Залив порезы антисептиком и стиснув зубы от жгучей боли, Мэри туго перетянула живот эластичным бинтом, найденным в комод. Прежде чем выйти, она несколько минут стояла у двери, сжимая ручку до побелевших костяшек и заставляя себя дышать ровно.

Когда она вернулась в гостиную и тяжело опустилась в свободное кресло, Лекса мгновенно оказалась рядом.

— Нужно им всё рассказать, — прошептала она пересохшими губами, заглядывая Мэри в глаза с отчаянной надеждой, что всё это ошибка. — Да?

— Да... — эхом отозвалась Мэри, в голосе которой не осталось ничего, кроме пепла.

Она поднялась на ноги, устало потирая переносицу, и взглянула на Кэрл, которая коротко ей кивнула.

— Прошу минуту внимания.

Разговоры стихли не сразу, но, увидев мёртвое выражение её лица, ребята замолчали один за другим. В комнате повисла звенящая, удушливая тишина.

— У нас есть новости. И они плохие, — голос Мэри звучал глухо, но резал по нервам. — Как вы уже поняли, началась Третья мировая война. Но обычные солдаты разных стран больше не воюют между собой. Всё гораздо страшнее. В ход пустили ядерные ракеты и биологическое оружие... Инфекции. Вирусы. Заразиться можно через любую, даже самую ничтожную царапину. Я не знаю всех деталей, но... из-за этого люди мутируют. Превращаются в чудовищ. В мутантов, которые представляют смертельную опасность. Больше информации у меня нет. Но у нас есть цель. Мы должны пробиться в центр города, на военную базу «Вэстгард». Там безопасно. Нам объяснят, что происходит, и дадут дальнейшие указания.

Она обвела взглядом лица напротив. В них расцветал чистый, парализующий животный ужас.

— Господи... — Сюзен попятилась, закрывая рот дрожащими руками. Её глаза расширились от дикого страха, а по щекам покатались слёзы. — Мои родные... они же остались там... То есть мы все умрём?! Нас разорвут эти... мутанты, или мы сгниём заживо от какой-то неизлечимой болезни?!

Кто-то из парней грязно выругался, схватившись за голову. Другая девушка со всхлипом осела на пол, уткнувшись лицом в колени. Иллюзия безопасности лопнула, разбрызгивая яд паники.

— Мы выживем, если будем осторожны, — коротко, почти жёстко отрезала Мэри, заставляя их посмотреть на себя. Силы окончательно покинули её, и она рухнула обратно в кресло. — Сейчас же осмотрите себя. У кого есть хоть малейшие раны — в ваннх есть аптечки, обработайте их. А сейчас давайте попытаемся отдохнуть. Нам понадобятся силы.

Этой ночью никто толком не сомкнул глаз. Тишину дома нарушали только приглушённые рыдания, шёпот молитв и судорожные вздохи. Ребята сбились в кучки, делясь остатками надежды на то, что их родные успели спастись. Мэри переходила от одного к другому: сжимала чужие ледяные руки, шептала утешения, гладила по спине тех, кого трясло в истерике, помогала обрабатывать порезы. Она спасала их от отчаяния, чтобы спастись самой, отвлекаясь от черноты в собственной голове. Лишь спустя несколько часов, когда слёзы высохли, а нервная система сдалась, усталость взяла своё, и люди один за другим провалились в тяжёлое, болезненное забытие.

Мэри вырвало из тревожного сна резкое чувство опасности. За окном, со стороны заднего двора, раздался вой. Это не был крик животного. Это был протяжный, искажённый, kloкочущий звук, от которого кровь стыла в жилах.

Она открыла глаза. Сердце гулко ударилось о рёбра. Стараясь не дышать, Мэри медленно поднялась и, бесшумной тенью переступая через спящих на полу друзей, выскользнула на улицу.

Рассвет выдался мертвенно-бледным и ледяным. Морозный воздух обжигал лёгкие, оседая в горле едким вкусом пепла. Мэри медленно, с замирающим сердцем приближалась к источнику звука. Он становился всё ближе, kloкочущий и неестественный.

У полуразрушенного сарая лежала женщина, повернувшись к ней спиной.

Вой резко оборвался. Женщина начала подниматься — рвано, дёргано, словно каждое движение давалось через сопротивление окоченевших мышц. Когда она с сухим, тошнотворным хрустом повернула голову и уставилась на Мэри, мир вокруг рухнул окончательно. Ужас сковал позвоночник ледяными тисками. Под уродливой маской мутации Мэри узнала её.

Мама.

Её чёрно-красные глаза смотрели пусто и яростно. Знакомые тёмные волосы свисали грязными, слипшимися прядями. Спина была неестественно изогнута, словно переломанная изнутри, а на бледном лице и шее вздувались уродливые наросты, пронизанные чёрной, пульсирующей паутиной вен. Из рта капала густая тёмная жидкость, с шипением въедаясь в землю.

Яростно взыв, тварь бросилась вперёд.

Мэри даже не попыталась увернуться — оцепенение приковало её к месту. Её сбили с ног, с размаху ударив затылком о мёрзлую землю. Воздух с хрипом вышибло из лёгких. Существо навалилось сверху, с нечеловеческой силой пытаясь разорвать ей горло. Лицо Мэри залило чёрной зловонной жижей, глаза обожгло, словно в них плеснули кислотой.

Мэри изо всех сил упёрлась руками в плечи монстра. Пальцы скользили по влажной, холодной коже, мышцы горели от напряжения. «Мама, пожалуйста, это же я!» — кричало всё её существо, но тварь лишь разевала пасть. От ярости существо вопило не своим голосом — высоким, искажённым, пронзающим барабанные перепонки. У Мэри заложило уши, а секундой позже по щекам потекла горячая кровь.

Не в силах больше терпеть эту пытку, Мэри закричала в ответ. Она кричала от боли, от животного ужаса и чёрного отчаяния, срывая голос, захлёбываясь слезами и чужой кровью. Силы стремительно покидали её.

Внезапно лицо окропила густая горячая жидкость.

Тело на ней обмякло и всей своей тяжестью рухнуло вниз. Задышавшись, Мэри спихнула с себя труп и приподнялась на локтях, вслепую протирая горящие глаза. Звуки доходили глухо, словно из-под толщи воды.

Рядом, тяжело дыша, стояла Кэрол. В её руках дрожал окровавленный топор, а у её ног лежала отрубленная голова твари.

Харрисон отбросила топор и бросилась к девушке. Куратор не понимала, кого только что убила, она видела лишь монстра, едва не растерзавшего Уайт.

— Господи... девочка моя, ты в порядке? — Кэрол опустилась на колени прямо в грязь, лихорадочно вытирая лицо Мэри рукавом. Она выглядела напуганной до предела, её руки тряслись.

— Нет... не в порядке... — Мэри заикалась, её колотила крупная дрожь. Глаза невидяще смотрели в одну точку на земле. — Она... она пыталась укусить меня...

Из дома выбежали остальные.

— Она не укусила? — дрожащим голосом спросила куратор, панически осматривая девушку и боясь услышать страшный ответ.

— Нет... — выдохнула Уайт, с трудом сглатывая ком в горле. — Я... Я должна похоронить её. Должна сделать что-то...

— Зачем хоронить это чудовище? — вмешался Ким. Его лицо было зелёным от тошноты, он брезгливо морщился от смрада, исходящего от обезглавленного тела.

Мэри медленно подняла на него взгляд. В нём больше не было ни слёз, ни страха. Только абсолютный, мёртвый холод.

— Это чудовище когда-то было моей матерью, — голос прозвучал тихо, но слова ударили наотмашь. Мэри сжала кулаки так, что ногти впились в ладони до крови — только эта физическая боль удерживала её в реальности.

Краска мгновенно сошла с лица Кима. Он пошатнулся, словно его ударили под дых, и в ужасе уставился на тело, осознавая, что именно он только что сказал. Шок накрыл остальных ледяной волной. Ребята замерли, парализованные открывшейся правдой. Они вдруг поняли: этот кошмар не где-то далеко. Он здесь, он забрал мать Мэри, и то же самое прямо сейчас могло происходить с их собственными семьями.

В глазах Кэрол мелькнул неподдельный ужас — она только что отрубила голову матери Мэри прямо на глазах у её дочери.

Больше никто не посмел возразить.

Лекса первой бросилась к Мэри. Она рухнула на колени и крепко обняла её, уткнувшись лицом в плечо.

— Мне так жаль, Мэри... так невыносимо жаль, — рыдала она.

Рози опустилась рядом и судорожно сжала ледяную руку подруги, прижимая её к своей щеке. Феликс не произнёс ни слова, но подошёл вплотную и положил тяжёлую тёплую ладонь на спину Мэри, создавая невидимый, но прочный щит поддержки.

— Мне тоже... — одними губами ответила Мэри. И в этих словах была бездна.

Она мягко, но непреклонно высвободилась из их объятий и поднялась на ноги. Взгляд её зацепился за стену полуразрушенного сарая — там, среди старого хлама, стояла прислонённая ржавая совковая лопата. Мэри подошла к ней и сжала пальцами деревянный черенок.

— Оставьте меня одну. Пожалуйста, — надрывисто произнесла Мэри, и друзья, скрепя душой, скрылись в доме, не решаясь спорить.

Она копала долго. До онемения в руках. До стёртых в кровь мозолей. Земля была тяжёлой, неподатливой и ледяной, как сама смерть. Мэри не останавливалась. Каждый удар лопаты был как удар сердца. Она копала, пока внутри не выгорело всё дотла.

Бережно опустив тело и голову на дно, она сняла с себя куртку и накрыла их — последним жестом, последней отчаянной попыткой сохранить хоть каплю человеческого достоинства.

Когда земля сомкнулась, ноги Мэри подкосились, и она рухнула на колени.

Она не кричала вслух. Не могла. Крик рвался внутри, разрывал грудь, душил, ломал рёбра изнутри. Она задыхалась от беззвучных рыданий, погрузив окровавленные пальцы в свежую рыхлую землю, иступлённо сжимая её. Перед глазами стояли не эти красные глаза монстра, а её настоящая мама. Тёплая улыбка, запах ванили и утреннего кофе, её нежные руки, которые гладили Мэри по волосам, её обещания о том, что всё будет хорошо.

Где она была в тот момент, когда вирус начал сжигать маму изнутри? Насколько ей было страшно и одиноко, когда её тело ломалось, а разум поглощала инфекция?

«Прости меня... — билось в её растерзанном сознании. — Прости, что меня не было рядом. Прости, что я не смогла защитить тебя от отчима, а теперь не смогла уберечь от этого ада. Прости...»

Огромное, удушающее чувство вины придавило её к земле. И в этот момент слёзы, которые, казалось, закончились, прорвались с новой силой, и она взвыла до боли в горле. Мир не должен был быть таким жестоким. Но он был. И Мэри осталась с этим знанием навсегда.

Вернувшись в дом, она молчала. Как и остальные. Никто не задавал вопросов, никто не пытался сказать дежурные слова утешения — они рассыпались бы в прах в этой тяжёлой, вязкой тишине, где всё ещё стоял густой запах сырой земли. Но на самой Мэри оставался другой запах. Запах чёрной крови, гнили и смерти её матери.

Она двигалась механически, словно пустая оболочка. Тело помнило, как ходить и дышать, даже когда душа умерла. Мэри заперлась в ванной и дрожащими руками включила воду. Одежда липла к коже, насквозь пропитанная кошмаром этого утра. Она встала под струи прямо так, не раздеваясь, и только потом непослушными, окоченевшими пальцами начала стягивать с себя вещи. Вода под её ногами мгновенно окрашивалась в грязно-багровый, почти чёрный цвет. Мэри яростно тёрла кожу, пытаясь смыть с себя эту кровь, эту липкую слизь, но ей казалось, что она въелась в самые поры, отравила её изнутри. В какой-то момент силы окончательно оставили её. Ноги подкосились, и девушка медленно сползла по холодной кафельной стене на пол душевой. Она сидела там, обхватив колени, пока вода била её по плечам. Мэри была сломлена. Раздавлена. От неё прежней не осталось ничего, кроме пульсирующей, кровоточащей пустоты.

Через несколько часов под чутким и строгим руководством Кэрл всё, что они могли бы с собой унести, было собрано. Мэри вышла к ребятам — бледная, с мокрыми волосами, одетая в чистое, но с абсолютно мёртвыми глазами.

— У нас есть гараж... За сараем, — глухо сказала она, глядя на многочисленные сумки и рюкзаки. — Отчим держал там свой старый рабочий пикап. Он редко на нём ездил. Если он не слил бензин и аккумулятор не сел, нам повезёт.

Она не сказала «если нет — мы пропали». Это и так было понятно всем.

И им действительно повезло, но не чудом, а лишь потому, что отчиму было плевать на эту старую рухлядь. В гараже стоял пыльный пикап с глубокими вмятинами на бортах, но целый. Кэрол проверила бак — бензина было достаточно. Мотор натужно чихнул, но завёлся. Этот шанс казался хрупким и почти насмешливым, но другого у них не было.

Они долго спорили и распределяли места.

Кэрол села за руль — руки у неё заметно дрожали, но взгляд оставался собранным, твёрдым. Рядом устроилась Роза, изо всех сил прижимая к себе рюкзак, будто этот нехитрый жест мог удержать их мир от окончательного распада. Феликс сел сзади, ближе к борту, постоянно оглядываясь и напряжённо вслушиваясь в каждый звук. Остальные разместились в кузове — тесно, плечо к плечу, инстинктивно цепляясь друг за друга, словно их близость могла защитить от всего того ужаса, что остался снаружи.

Мэри села последней.

Ей не хотелось никуда садиться. Не хотелось ехать. Не хотелось вообще существовать. Но ноги сами сделали шаг, тело по привычке подчинилось, во многом благодаря надежде, что Люси жива. Она опустилась на край сиденья, уставившись в одну точку, и только тогда поняла, что до боли сжимает кулаки. Она яростно скребла пальцы, но въевшаяся под ногти земля с могилы матери так и не отмылась до конца.

Пикап тронулся.

Дорога тянулась вперёд, словно незаживающая рана. За окнами проплывал изуродованный, разрушенный мир: зияющие воронки на асфальте, глубокие трещины, обгоревшие остовы домов, густой дым, лениво поднимающийся где-то вдали. Это место выглядело как следствие чьей-то злой, непоправимой и окончательной ошибки.

В машине царила тихая атмосфера — странная, хрупкая, сотканная из общего горя. Никто не говорил о матери Мэри вслух. Никто не говорил о реальном существовании мутантов.

Кэрол несколько раз тревожно бросала взгляд в зеркало заднего вида. Её губы сжимались, будто она хотела хоть как-то поддержать девушку, но боялась сказать не то и сделать только хуже. Роза украдкой смотрела на Мэри, и в её глазах стояли тяжёлые слёзы — она быстро вытирала их рукавом, виновато отворачиваясь к окну. Феликс сидел напряжённый, с побелевшими костяшками пальцев, готовый сорваться на защиту в любой момент, и в этом его молчаливом напряжении было больше искреннего сочувствия, чем в любых словах.

Мэри же смотрела прямо перед собой и совершенно не видела дорогу.

Перед глазами безжалостным калейдоскопом снова и снова вставало лицо матери. Не того рычащего чудовища, а женщины. Той самой, что когда-то заливисто смеялась, нежно обнимала её, поддерживала в тёмные дни. Эти светлые образы из прошлого резали по живому сильнее любого крика. Она не плакала. Слёзы будто навсегда закончились, выкипели. В груди было звеняще пусто и одновременно невыносимо тесно, словно прямо в сердце застрял острый, ледяной камень, мешающий дышать.

Машина монотонно ехала до тех пор, пока асфальт впереди не оцетинился металлом. Шипы.

— Кэрол! — истошно закричал Феликс.

Тормоза завизжали, разрывая тишину.

Резкий рывок. Страшный удар. Мир перевернулся с ног на голову.

Металл жалобно заскрежетал, сминаясь гармошкой, стекло брызнуло во все стороны смертоносным дождём. Пикап дёрнуло и с невыносимой силой бросило в сторону. Всё смешалось в одну безумную карусель — крики, острая боль, запах жжёной резины и дым.

— Все наружу! — закричала Мэри.

Она сама не поняла, откуда в её сломанном теле внезапно взялись силы и этот властный голос.

Вокруг с шипением закружился белый туман. Дымовые шашки. Слезоточивый газ. Воздух мгновенно стал тяжёлым, едким, обжигающим лёгкие кислотой. Один за другим ребята выпадали из искорёженной машины на землю, задыхаясь, надрывно кашляя и теряя ориентацию в пространстве.

Мэри судорожно отползала назад, прикрыв нос рукавом куртки. Глаза слезились так сильно, что мир превратился в мутное пятно... ещё немного, и она сможет спрятаться за деревьями.

Но последнее, что успела увидеть Мэри сквозь пелену дыма, — жестокий оскал высокого бородатого мужчины.

И тяжёлый приклад автомата, летящий ей прямо в лицо.

Глава 6. Нечто новое

Веки словно налились свинцом. Мэри попыталась разлепить их, но пульсирующая боль в затылке тут же ударила в виски — казалось, череп вот-вот треснет по швам. Сознание возвращалось неохотно, урывками. Она инстинктивно дёрнулась, чтобы дотронуться до ссадины на голове, и только тогда поняла, что не может пошевелить ни руками, ни ногами.

Она была намертво привязана к тяжёлому стулу.

Резанувший по глазам безжалостный свет заставил зажмуриться и тихо застонать. Потребовалось время, чтобы мутная пелена спала, и зрение начало выхватывать из полумрака детали. Комната дышала сыростью и запустением: обшарпанные серые стены, убогая койка с тонким матрасом в углу. Рядом — захламлённый стол с покосившимися полками, напротив — старый комод. Всю эту унылую картину венчала массивная чёрная дверь из глухого металла. Единственная преграда, отрезавшая Мэри от остального мира.

«Что произошло? Где остальные?» — вопросы вихрем пронеслись в голове, паника липкой волной поднималась к горлу, не оставляя времени на раздумья.

Раздался лязг замка. Дверь распахнулась.

В проёме вырос гигант под два метра ростом. У Мэри перехватило дыхание: это был он. Тот самый ублюдок, что её вырубил. Грубые черты лица, массивный квадратный нос, холодные серые глаза. Густая рыжая борода сливалась с длинными кудрями, спадавшими на плечи. Он шагал тяжело, впечатывая ботинки в пол с абсолютной уверенностью в своей власти.

Но следом за ним появилась девушка.

На первый взгляд — миловидная, но её цепкий, ледяной взгляд мгновенно разрушал иллюзии. Мэри оцепенела, не в силах вымолвить ни слова, лишь наблюдая, как незнакомка плавно, почти по-кошачьи, приближается к ней. Холодные пальцы бесцеремонно схватили Мэри за подбородок, вздёрнув голову вверх. Девушка деловито осмотрела лицо пленницы, задержав внимание на кровоточащем рассечении на лбу.

Теперь Мэри смогла рассмотреть её вблизи. Длинные светлые волны волос были заплетены по бокам в косы, украшенные золотыми и серебряными кольцами. Тёмные, густые брови подчёркивали пронзительные глаза — голубые и холодные, как небо перед грозой. Идеально очерченные губы и аккуратный точёный нос, на котором виднелся свежий тонкий шрам на переносице. Если бы не высокий рост, рельефные мышцы под одеждой и россыпь мелких шрамов, она сошла бы за сказочную скандинавскую принцессу. Но в этой реальности принцессы выживали только в том случае, если умели убивать.

— Зачем ты её ударил, Роб? — ледяным тоном бросила блондинка, не оборачиваясь к гиганту. — На ней и так живого места нет.

— Она пыталась сбежать, и я... — пробасил здоровяк, внезапно растеряв всю свою уверенность.

— Довольно. Я поняла, — резко оборвала она. — Надеюсь, впредь это не повторится.

— Уж поверьте, не повторится, — хрипло выплюнула Мэри. Привычная злость наконец-то пробилась сквозь страх, впрыскивая в кровь спасительный адреналин. Она с вызовом посмотрела на похитителей. — Если вы сейчас же не снимете эти верёвки и не объясните, какого чёрта здесь происходит, вы сильно об этом пожалеете.

Блондинка искренне усмехнулась. Наглость связанной и избитой пленницы её явно позабавила.

— Да что ты говоришь? — протянула она с наигранным испугом. — Сбавь обороты. Это лишь вынужденная мера предосторожности.

— Где мои друзья? — Мэри проигнорировала насмешку, не отводя тяжёлого взгляда.

— Жить будут. Мы не дикари и собираемся убивать вас без причины. — Девушка выдержала паузу. — Разумеется, если ваши намерения нас устроят. А об этом мы сейчас поговорим. Анабель вскинула идеальную бровь, затем повернула голову к двери.

— Роб, выйди.

Гигант безропотно развернулся и скрылся в коридоре. Дверь с лязгом закрылась, оставив их наедине.

— Твои так называемые «друзья» уже раскололись, что ведёшь их ты, — произнесла блондинка. — А здесь я принимаю решения. Меня зовут Анабель Торн. И это — моя территория. Вы нарушили границы, так что по всем правилам мы могли прикончить вас на месте. Но мы видим вас впервые. Так что давай по-хорошему: откуда вы взялись, к какой группе относитесь и куда направлялись?

Анабель ждала ответов. Её цепкий, оценивающий взгляд сканировал Мэри, подмечая всё: нездоровую бледность, впалые щёки, свежие ссадины и кровь. Она прекрасно понимала, каково сейчас пленнице на этом стуле, но безопасность лагеря стоила любых сентиментов.

Мэри лихорадочно соображала. Говорить ли правду человеку, который чуть их не угробил?

Но выбор был невелик. Да и как можно врать, не зная правил этой новой реальности?

— Меня зовут Мэри Уайт. Мы из Элеайда, это...

— Поняла, — резко оборвала её блондинка. — Куда вы шли и почему покинули базу?

— Базы больше нет. Она разрушена. — Мэри с вызовом вскинула подбородок. — Мы пытались добраться до центра города. Я понятия не имела про ваши грёбанные границы. И вообще, может, уже объяснишь? Что за территории? Что за твари там, снаружи?

Анабель на секунду замерла. В её ледяных глазах мелькнуло искреннее удивление.

— Вы что, серьёзно ничего не знаете?

— Откуда? — Мэри в сердцах дёрнулась, натягивая путы. — В Элеайде была строгая изоляция, никакой связи с внешним миром. Потом землетрясение, обвал. Мы выбрались на поверхность и оказались в аду. Мне известно только о распылённом биологическом оружии, о мутантах, и о том, что началась... Третья мировая?

— Третья мировая... Можно сказать и так... Рада, что у меня хватило мозгов вовремя свалить из базы, — тихо, скорее для самой себя, пробормотала Торн.

— Ты была в Элеайде? — тут же уцепилась за фразу Мэри.

— Не твоё дело, — голос Анабель снова стал сухим и жёстким, но враждебность из него ушла. Она шагнула к стулу и достала нож. — Извини за разбитую голову.

Лезвие легко разрезало верёвки. Мэри растёрла затекшие запястья, чувствуя, как кисти покалывает от приливающей крови.

— Проехали, — процедила она. — Отведи меня к моим друзьям и расскажи, какого вообще чёрта тут творится.

Анабель коротко кивнула на дверь и вышла в коридор. Мэри поспешила за ней. Они миновали ряд одинаковых дверей с потёртыми номерами и вышли в просторный холл. Место напоминало общую столовую: слева — импровизированная кухня с рядами консервов на полках, справа — зона отдыха с разномастными диванами. Здесь кипела жизнь. Люди переговаривались, чистили оружие, ели. Но стоило Анабель появиться в зале, как разговоры стихали, а обитатели базы выпрямлялись, коротко и уважительно кивая ей в знак приветствия.

«Ей на вид нет и тридцати. И она держит всё это?» — пронеслось в голове Мэри.

По широкой бетонной лестнице они поднялись наверх. Торн с лязгом отодвинула тяжёлый засов на массивной двери и толкнула её, пропуская Мэри вперёд.

Ударивший в лицо свежий воздух заставил на секунду зажмуриться. Открывшаяся картина впечатляла. Территория была обнесена высоким забором из толстых, намертво сваренных листов металла и арматуры, на вид не слишком надёжным. По углам возвышались дозорные

вышки, сколоченные из крепкого бруса — часовые с автоматами неотрывно следили за кромкой леса.

Внутри периметра царил строгий, почти армейский порядок. Военные палатки и самодельные шатры выстроились по линейке, экономя каждый метр безопасной земли. Справа зеленел ухоженный огород, рядом с которым сустились куры в затянутом сеткой загоне — бесценный источник свежей еды. С левой стороны стоял небольшой домик, больше похожий на сарай, а за ним — большие решётчатые ворота; за ними Мэри увидела несколько автомобилей, стоящих так, будто их берегли как зеницу ока.

Взгляды местных жителей — настороженные, оценивающие — то и дело скрещивались на Мэри. В них не было агрессии, лишь холодный расчёт: угроза она или нет.

— Ничего себе... — невольно выдохнула Мэри. Это был настоящий, функционирующий оазис жизни посреди тотальной разрухи.

— Впечатляет, да? — Анабель встала рядом, привычно сканируя периметр. В её голосе звучала нескрываемая гордость. — Ты даже не представляешь, сколько крови и пота мы пролили, чтобы возвести и удержать этот кусок земли. Пойдём. Твои люди ждут.

Они пересекли двор и вошли в постройку, изнутри больше напоминавшую укрепленный сарай. Стоило Мэри переступить порог, как друзья тут же бросились к ней. Живые. Тёплые. Настоящие. У многих белели свежие повязки на руках и головах; сквозь ткань проступали тёмные пятна запёкшейся крови. Но, несмотря на раны, держались они на удивление бодро.

Мэри с облегчением выдохнула, однако её тут же кольнула мысль — почему связанная по рукам и ногам оказалась только она?

— Господи, Мэри! Ты цела? Что с головой? — взволнованно затараторила Кэрол, потянувшись к рассечённому лбу девушки.

Мэри инстинктивно сделала шаг назад, уклоняясь от её рук.

— Я в норме, Кэрол, не переживай, — она постаралась ободряюще улыбнуться женщине, хотя улыбка вышла натянутой.

Сделав глубокий вдох, чтобы окончательно взять себя в руки, Мэри повернулась к Бель. Хозяйка лагеря остановилась у входа, скрестив руки на груди — абсолютно спокойная, собранная, контролирующая каждый звук в помещении.

— Анабель, — осторожно начала Мэри, тщательно подбирая тон. Она уже усвоила, что за красивой внешностью скрывается смертоносная сталь, которую лучше не провоцировать. — Ты обещала рассказать, что именно произошло.

Блондинка медленно потёрла шею сзади. Со стороны жест мог показаться проявлением неловкости, но Мэри интуитивно поняла: Анабель просто не хочет возвращаться в тот ужас. Ей физически тяжело воскрешать в памяти пережитый кошмар. И всё же она заставила себя коротко кивнуть — в этом разрушенном мире знание правды стало таким же критическим ресурсом, как чистая вода или патроны.

Остальные начали устало рассаживаться: кто-то опустил на сложенные в углу тюки с сеном, кто-то просто сполз по грубым деревянным стенам на пол. На ногах остались только двое. Мэри — потому что адреналин всё ещё гулял по венам, не давая расслабиться. И Анабель — потому что тяжёлый рассказ требовал контроля и силы.

— Примерно полгода назад нам объявили о начале Третьей мировой войны. Хотя, как по мне, едва ли это война — скорее, планомерное уничтожение всего живого... Мы называем это «зачисткой», — Анабель сухо откашлялась. — Правду нам сказали с опозданием, когда на города уже полетели ракеты. Чёртово биологическое оружие. За считанные часы вымирали огромные территории: люди и животные погибали в мучительной агонии от неизвестных инфекций. Спаслись лишь те немногие счастливчики, чей сильный врождённый иммунитет смог выдержать этот удар.

Её голос звучал ровно, но за этой обманчивой отстранённостью крылась бездна прожитого ужаса. Анабель говорила, и с каждым словом становилось яснее: «биологическое оружие» здесь не метафора. Речь шла о смертоносных аэрозольных комплексах — адской смеси вирусов и бактерий, искусственно усиленных так, чтобы пробивать любую естественную защиту и вызывать каскадные разрушения организма. Те, кто выжил в первые часы, спаслись не благодаря силе, а потому, что их тела по чистой случайности оказались менее восприимчивы к конкретному коктейлю патогенов. И это слепое «везение» оборачивалось лишь отсрочкой приговора.

— Но на этом, само собой, всё не закончилось, — тяжело вздохнув, продолжила Бель. — Первыми встали электростанции, потому что персонал вымирал целыми сменами. Город погрузился во тьму, а следом — в абсолютный хаос. Остановились насосы очистных сооружений. Трубы лопались, и подвалы вместе с метро быстро затопило гниющими стоками. Воде было некуда уходить, и нижние уровни города так и остались токсичными резервуарами заразы, отравляя воздух. Люди металась в отчаянии, абсолютно не приспособленные к выживанию в таких условиях. Честно, я ума не приложу, каким чудом всё ещё держатся атомные электростанции...

И в этом тяжёлом вздохе скрывалась вся беспощадная правда нового мира. Без электричества умерла вентиляция, замерли насосы, оборвалась связь. Любая царапина в таких условиях превращалась в смертный приговор, потому что вокруг не осталось ничего стерильного.

— В какой-то момент попыталась вмешаться армия, — голос Бель стал суше. — Сначала они просто брали кварталы в оцепление, устанавливали жёсткий карантин и пытались подавить панику силой оружия. Но когда приказы сверху перестали поступать, а припасы иссякли, система рухнула. Военные начали дезертировать. Ополчение, мародёры, остатки армии — все сцепились между собой в кровавой грызне за еду и уцелевшие склады. А затем... затем на руины обрушился шквал новых бомб. На этот раз пришла радиация, —

она произнесла слово «радиация» буднично, как говорят о плохой погоде. — Но радиация — это невидимый нож. Она выжигает костный мозг, ломает ДНК, уничтожает остатки иммунитета. И, когда на этот разрушенный каркас легла новая инфекция, человеческий организм попросту сдался. Парадокс в том, что люди перестали просто умирать, — Анабель на секунду замолчала. Затем её тон стал жёстче, почти железным: — Смешение такого количества болезней и радиации породило нечто новое. Люди начали мутировать. Тела стали покрываться жуткими наростами. На спине у заражённого вздувается горб, а у тех, кто болен давно, прорастают лишние конечности. Глаза становятся чёрно-красными, а во рту появляются новые ряды зубов, которые, судя по всему, вырастают за считанные дни.

Бель обвела присутствующих тяжёлым взглядом.

— Эти твари плюются густой чёрной жидкостью. Стоит ей попасть на человека — и он сам превращается в мутанта за несколько дней, часов, а то и минут. Тех, кому повезло меньше, они забивают до смерти или жрут заживо. Впрочем, они с таким же остервенением рвут на куски и друг друга, если не могут поделить добычу.

Даже с сухой, научной точки зрения, всё это звучало как воплощение абсолютного кошмара. Никакой мистики — лишь жуткая биологическая комбинация. Агрессивный вирус вступил в симбиоз с бактериями, а эта чёрная слизь служила носителем заразы и токсинов. Попадая в кровь, она мгновенно запускала перестройку организма. Столь стремительная «мутация» на деле являлась экстремальной формой острой интоксикации и некроза с тотальным поражением мозга. Личность стиралась безвозвратно, оставляя лишь первобытный голод и инстинкты. А наросты, «лишние конечности» и россыпи зубов были следствием хаотичного разрастания тканей на фоне сломанной радиацией генетики.

Они не были монстрами из страшных сказок. Они были идеальным, автономным биологическим оружием, которое теперь жило своей жизнью.

— Когда мир заполонили эти твари, а воздух окончательно пропитался радиацией и заразой, те, кто всё это затеял, очевидно, поняли: они заигрались. Своими же руками стёрли человечество с лица Земли, — блондинка небрежно повела плечами, но в этом жесте сквозила вьевшаяся под кожу усталость. — Война потеряла смысл. Всё, что люди строили тысячами, рухнуло за пару месяцев.

Бель горько усмехнулась, скрестив руки на груди.

— И знаете, что было дальше? Я почти уверена, что все эти политики, миллиардеры, звёзды и прочие «хозяева жизни» просто попытались спасти свои шкуры. Могу только догадываться, какая там началась грызня. Когда корабль тонет, элита первой бежит к шлюпкам. Наверняка бились насмерть за места в правительственных бункерах или на каких-нибудь спасательных шаттлах, сметая друг друга с пути. Те, кто ещё вчера сверкал белозубыми улыбками с экранов, тогда, скорее всего, вгрызались конкурентам в глотки ради глотка очищенного воздуха.

Она говорила об этом не как о факте, а как о холодной, математической неизбежности.

— А в это время на улицах оставленные ими люди просто сходили с ума от паники. Бунты вспыхивали один за другим. Даже солдаты — те самые «миротворцы» — быстро смекнули, что защищать больше некого. Вместо того чтобы сдерживать толпу, они срывали шевроны и присоединялись к ней. Магазины вынесли за считанные дни, города добились мародёры, а тех, кто уцелел в этой мясорубке, добились мутанты. Нас теперь буквально по пальцам пересчитать.

Она обвела взглядом слушающих, словно давая им время осознать масштаб.

— Интеллигентное общество, великая экономика, влиятельные государства, века прогресса — казалось бы, мы должны были учиться на своих ошибках. Но всё. Это. Рухнуло. К чертям. Собачьим, — зло прочеканила она. В каждом слове звенело презрение, густо замешанное на отчаянии. — Теперь нет ни правительств, ни армий. Нет своих и чужих. Половина планеты просто вымерла. Океаны, моря, реки — большая их часть отравлена. Почва мертва, на ней не растёт ничего, кроме сорняков. Дождь... — голос Бель дрогнул. — Иногда с неба льёт такой дождь, что кожа покрывается кровавыми ожогами. Я даже представить боюсь, сколько видов животных исчезло навсегда, а сколько превратилось в чудовищ. Земля погибает, — тихо подытожила Анабель. — Всё, что давало нам жизнь, медленно, но верно умирает. Мы идем к глобальному голоду, тотальному обезвоживанию и нехватке воздуха. Рано или поздно нас всех не станет. Потому что человечество сделало всё возможное, чтобы добить этот и без того измученный шар.

Взгляд Анабель поник. Она на несколько секунд уставилась себе под ноги — казалось, ей нужна была эта пауза, чтобы не сорваться. Но, когда она снова подняла глаза, её тон вновь стал сухим и деловым. Она ухватилась за конкретику, как за спасательный круг.

— Такие крошечные группы, как наша, просто пытаются отсрочить неизбежное. Мы нашли это место два месяца назад. Небольшая бетонная постройка, пара комнат, просторный зал, ветхий сарай и остатки забора. Мы восстановили всё в кратчайшие сроки, буквально голыми руками. Вокруг полно одичалых. Есть и другие группы, которые не прочь прийти на всё готовое и отнять наш «лакомый кусочек». Они нападали на нас, пока мы возводили стены. Многие из наших погибли, — её челюсти сжались. — Но теперь мы в относительной безопасности. Поэтому, если решите остаться, вам придётся работать наравне со всеми. Укреплять периметр, латать крышу — это в первую очередь. Убирать, работать в столовой, распределять ресурсы и стоять в дозоре. Наш лагерь, кстати, называется «Восход». И здесь найдётся место только тем, кто делает своё дело честно и без нытья.

Анабель сделала шаг назад, заложив руки за спину.

— И не обижайтесь, если люди будут смотреть на вас с подозрением. Сейчас такое время, когда доверие — это непозволительная роскошь. Я рассчитываю на ваше благоразумие хотя

бы потому, что впустить вас сюда было исключительно моим решением. Но вы также вольны уйти, если захотите. Вы не заложники и не заключённые.

После этой пронзительной речи в сарае повисла мёртвая, звенящая тишина. Картина мира за стенами Элеайда прояснилась, но от этого стало только страшнее. В голове Мэри вдруг всплыло то самое видео и слова отца, который тоже отказывался называть происходящее обычной Третьей мировой. Внутри всё болезненно сжалось: если даже он тогда понимал истинную природу этой катастрофы, значит, реальность куда страшнее любых теорий.

— Я дам вам несколько минут, чтобы переварить всё это и обдумать моё предложение, — холодно разрешила тишину Анабель. Она перевела взгляд на Уайт, и в её глазах читалась жёсткая оценка: она взвешивала не только саму Мэри, но и её готовность нести этот крест. — Мэри. Я буду ждать снаружи.

С этими словами блондинка резко развернулась и вышла за хлипкую деревянную дверь, не оставив ни единой секунды для споров.

После ухода Торн ступор спал, будто кто-то щёлкнул выключателем. Ребята мгновенно ожили: заспорили, запаниковали, начали перебивать друг друга, выплёскивая накопившийся страх. Гудящий хор голосов быстро слился в одну истерическую волну, давящую на виски. Мэри крепко зажмурилась — резкая головная боль ударила так, что перед глазами вспыхнули тёмные искры.

— Замолчите! Пожалуйста! — выкрикнула она. В её голосе не было привычного раздражения, лишь отчаянная попытка удержать группу от распада.

Все, будто по команде, устремили на неё взгляды и замолчали, словно вспомнив, что сейчас не время топить друг друга в панике.

— Мы должны ненадолго остаться, — уже тише предложила Мэри, заставляя себя говорить ровно и размеренно. — У нас катастрофически мало еды и воды, а о лекарствах я вообще молчу. Судя по всему, в городе сейчас настоящая мясорубка. И угрозу представляют не только мутанты, но и люди, которые могут прострелить нам головы просто за то, что мы пересекли их невидимую границу.

Некоторым показалось, что это был неприкрытый укол в сторону Торн, но Мэри не позволила себе отвлечься на эмоции.

— Я думаю, нам нужно перевести дух. Выспаться, залечить раны и хотя бы немного разобраться в том, как теперь работают правила в этом мире. К базе мы всегда успеем, торопиться сейчас — чистой воды самоубийство. Я считаю, нам стоит осесть здесь на неделю, может, на две. Собраться с силами. Заручиться их помощью, а уже потом отправляться в путь. База никуда не денется, а вот мы должны быть ко всему готовы.

Она говорила жёстко, но её слова были продиктованы железной логикой: без сна, провизии и аптечки они не дойдут ни до какой цели. И хотя отец просил поторапливаться, сейчас этот план был единственным разумным выходом.

— А ты уверена, что нам вообще разрешат просто так остаться здесь на недельку-другую, словно в санатории? — язвительно встряла Сьюзен, опалая Мэри ядовитым взглядом.казалось, она специально пыталась вывести её из равновесия.

— Думаю, Анабель примет нас и на этот срок, — хладнокровно ответила Мэри, хотя внутри у неё всё дрожало от напряжения. — Но отдыхать мы не будем. Она ясно это обозначила. Мы возьмёмся за работу и поможем им всем, чем сможем. Взамен получим пищу, кров и медицинскую помощь. И настоятельно советую не забывать о тренировках в свободное время, — добавила она с металлом в голосе.

— Ты права, — коротко кивнув, согласилась Кэрол. — Это мудрое решение. Прыгать в обрыв без страховки нам сейчас ни к чему.

Группа переглянулась. Тяжело, нехотя, но они пришли к согласию — потому что любой другой путь пах смертью.

Мэри устало потёрла переносицу.

— Кэрол, — тихо позвала она женщину, когда гул голосов немного стих. — Почему я? Почему, когда мы наткнулись на них, вы сказали Торн, что именно я нас веду? Почему меня привязали к стулу и допрашивали, пока вы сидели здесь?

Харрисон посмотрела на неё внимательным, долгим взглядом. В её глазах не было ни капли сожаления.

— Потому что так и есть, Мэри, — спокойно ответила Кэрол, подойдя ближе. — Гастус не зря вкладывал в тебя столько сил, как и я. Ты думаешь, обрести силу — это когда ты просто стоишь впереди? Нет. Быть сильной — это когда ты не ломаешься, когда вокруг рушится мир. Я вижу твой потенциал. И я дала ей тебя. Привыкай нести ответственность, Уайт. Ты больше не тень.

У Мэри перехватило дыхание. Если бы кто-то несколько месяцев назад сказал, что к ней будут прислушиваться, что люди доверят ей свои жизни, она бы рассмеялась этому человеку в лицо. Но волны новой реальности неумолимо захлёстывали её одна за другой. Ей приходилось учиться держаться на плаву в каждую секунду своего существования. Ей до тошноты не нравилось это бремя, но, с другой стороны, оно спасало. Оно отвлекало от пульсирующей боли в груди — боли по маме, по сестре, по друзьям, боли по нормальной жизни, которую она могла иметь.

— Иди. Бель ждёт, — мягко подтолкнула её Харрисон.

У Мэри от волнения болезненно сжался желудок.

Она поспешно вышла из сарая и увидела Торн, стоящую к ней спиной. Уайт невольно отметила, что блондинка в превосходной физической форме. В её осанке читалась тренированная собранность — стойка человека, который привык выживать, а не надеяться на чудо. Но было в ней и что-то ещё... Что-то странно притягательное. Словно Анабель обладала именно той непоколебимой силой, которой самой Мэри всегда так отчаянно не хватало.

— Мы останемся, — ровным тоном произнесла Мэри, поравнявшись с Торн.

Она едва дотягивалась макушкой до носа блондинки, из-за чего инстинктивно выпрямила спину и вскинула подбородок.

— Я буду очень признательна, если ты позволишь нам задержаться на пару недель. Мы готовы работать. Сделаем всё, что в наших силах, а как только встанем на ноги — уйдём.

— В городе очень опасно, — сухо констатировала Бель, даже не удостоив её взглядом. Это прозвучало не как мнение, а как железобетонная аксиома.

— А разве сейчас не везде опасно? — едко парировала Мэри.

Ответа не последовало. Вздыхнув, Уайт решила выложить карты на стол — скрывать их конечную цель было уже глупо.

— Нам нужно добраться до военной базы. Нас там ждут.

— Значит, вы направляетесь в Вэстгард? — Анабель наконец повернула голову, вопросительно вскинув правую бровь. В её холодных глазах скользнул интерес.

— Да. Но откуда ты...

— Я знаю намного больше, чем тебе кажется, Мэри, — перебила Бель. Она сделала акцент на её имени так, что это прозвучало одновременно и как предупреждение, и как приглашение. — Через пару минут подойдёт Роб. Он расскажет, что нужно делать, и проводит вас к шатрам. А та комната, где мы были, — моя. Зайди туда вечером. Обговорим детали.

И снова, погружившись в какие-то свои мысли, Анабель стремительно зашагала прочь, даже не обернувшись.

Она определённо впечатляла. От Торн исходила мощь и стать, которых, как казалось Мэри, она сама была напрочь лишена. И от этого становилось то ли пугающе, то ли странно спокойно: рядом с такими людьми можно было выжить. Если, конечно, в один прекрасный момент они не решат пустить тебе пулю в лоб.

Спустя пару часов людей распределили по лагерю — в основном по трое на просторный шатёр. Мэри и Кэрол достались индивидуальные палатки, поменьше. Внутри было тесновато, но вполне хватало места, чтобы бросить спальник и сложить немногочисленные вещи. Настоящим подарком оказались импровизированные душевые и уличные туалеты за деревянным сараем. Это вызвало у выживших дружный вздох облегчения: даже в эпицентре конца света человек отчаянно цепляется за возможность смыть с себя кровь, грязь и липкий страх.

Чуть позже Роб собрал всех у сарая и принялся раздавать наряды. Командовал он чётко и по делу: кого — на кухню, кого — копать в огороде, кого — латать ограждение. Вскоре люди разбрелись по своим шатрам. Без назначения остались только тяжелораненые. И Мэри.

— Для тебя работы пока нет, Уайт, — произнёс Роб. Его бас звучал на удивление мирно, что никак не вязалось с габаритами медведя-гризли и его недавней агрессией.

— Если работают мои люди, я тоже буду, — Мэри упрямо вздёрнула подбородок, тяжело посмотрев на гиганта. — Я не собираюсь сидеть у вас на шее без дела.

Роб шумно выдохнул и закатил глаза.

— Боже. Два сапога пара. Вы своими взглядами обе можете дыры в бетоне прожигать, — фыркнул он.

Мэри непонимающе нахмурилась.

— Ты и Анабель, — пояснил здоровяк, словно это было самой очевидной вещью на свете. — Сделай одолжение, перестань на меня так смотреть. Я и от неё уже натерпелся.

Мэри горько ухмыльнулась, не подозревая, что со стороны действительно выглядит устрашающе. Заметив это, Роб не сдержал короткой, неловкой улыбки.

— Будет тебе работа. Но точно не сегодня. Вечером поговоришь с Бель, там и решим.

Он переступил с ноги на ногу, виновато косясь на свежую рану на её лбу, и смущённо взъерошил свои рыжие кудри.

— Слушай... извини, что приложил тебя прикладом. Погорячился.

Мэри молча кивнула, принимая извинение.

— Сходи-ка ты в лазарет. Без обид, но вид у тебя сейчас дерьмовый, да и бровь нужно нормально зашить, — с неожиданным сочувствием буркнул он. — Помнишь коридор в здании, по которому тебя вела Бель? Третья дверь слева от входа. Там наш док.

Одарив Мэри напоследок робкой, извиняющейся полуулыбкой, гигант развернулся и поспешно зашагал прочь, явно радуясь возможности сбежать.

После двух часов, проведённых в медпункте, последние силы оставили Мэри. Она сидела на кушетке, чувствуя себя так, словно из неё выжали саму жизнь. Обработка глубоких ссадин и ран заняла целую вечность, и каждый раз, когда к коже прикасалась пропитанная спиртом вата или хирургическая игла, её измученное тело непроизвольно вздрагивало.

— Осталась последняя пара стежков, и голова будет как новенькая, — негромко произнесла врач, пытаясь хоть как-то смягчить тяжёлую тишину в кабинете. Работать с таким угрюмым пациентом было почти физически неудобно.

Ещё через несколько минут попытка закончилась.

Женщина незаметно разглядывала Мэри и про себя удивлялась. Рассечённая бровь, глубокие гематомы, отбитые рёбра — любой другой человек на её месте выл бы от боли или просил обезболивающее. Но, пока Уайт зашивали и обрабатывали, она не издала ни единого звука. Только тихо шипела сквозь зубы, когда становилось совсем невыносимо. Выдержка у этой хрупкой девчонки была пугающей. Врач не могла знать, что физическая боль для Мэри сейчас не значила ничего по сравнению с той мясорубкой, которая творилась у неё в голове. Она держала лицо, потому что если бы позволила себе сорваться хотя бы на секунду, то уже не смогла бы собраться обратно.

— Девочка моя... — мягко начала врач, аккуратно приклеивая пластырь на лоб Мэри. — Откуда у тебя такие побои? Я хирург, я знаю, как выглядят случайные травмы, а как — целенаправленные удары. Тебе повезло, что у тебя не отбиты внутренние органы.

Мэри напряглась, инстинктивно закрываясь.

— Извините, мисс? — глухо спросила она, уходя от ответа.

— Ох, прости, — женщина невесело усмехнулась. — Забыла представиться. Элайза Райт.

— Мисс Райт, моё имя...

— Мэри Уайт. Я знаю, — она коротко улыбнулась. — И давай просто Элайза. Никаких «мисс».

— Хорошо. Элайза... — Мэри на секунду замаялась, глядя в пол. — Я бы не хотела это обсуждать.

— Понимаю, — врач положила тёплую руку ей на плечо, слегка сжав его. — Но не держи всё в себе. Мы тут все насмотрелись дерьма. У каждого своя боль, и измерить её нельзя. Но если будешь копить это внутри, однажды тебя просто разорвёт. Если захочешь выговориться — я здесь.

— Спасибо. Возможно, однажды, — сухо выдохнула Мэри.

Элайза убрала руку, и её лицо внезапно стало очень серьёзным.

— Я должна кое-что тебе рассказать. И это плохие новости, Мэри.

Уайт вздрогнула. По спине пробежал холодок, а взгляд испуганно метнулся по лицу женщины в ожидании очередного удара.

— Твои люди отделались ушибами и вывихами, — Элайза тяжело вздохнула и потёрла переносицу. — Но меня пугает не это. Меня пугают открытые раны. Даже крошечный порез сейчас — это, как ты знаешь, приговор. Воздух заражён. У тех, кто выжил до этого дня, иммунитет железный. Но инфекция всё равно ищет лазейки.

Элайза отвернулась и начала нервно перебирать стеклянные ампулы на железном подносе. Ей было страшно это говорить, но не сказать было нельзя.

— В ближайшие дни у всех раненых могут проявиться симптомы: кашель, кровь из носа, головокружение. В лучшем случае мы сможем их вылечить. В худшем — они умрут. Но есть и третий вариант. Самый паршивый. Инфекция превращает людей в мутантов. Если увидишь у кого-то из своих красные от лопнувших сосудов глаза — убей на месте. У тебя будет всего пара часов, прежде чем человек превратится в монстра.

Мэри сидела неподвижно. В ушах звенело.

— Поэтому я предупреждаю, — голос Элайзы стал жёстким. — Если кому-то из твоих станет плохо, мы закроем их в изоляторе. Мы постараемся помочь, но если не выйдет... ты сама понимаешь.

— Понимаю, — убитым шёпотом произнесла Мэри, глядя в стену.

— Мне жаль.

— Да. Мне тоже, — Мэри медленно подняла на врача оледеневший взгляд. — Жаль, что вместо того, чтобы просто остановить нашу машину и поговорить, ваши люди устроили аварию. И теперь половина моих друзей могут сгнить заживо из-за этих ран.

Слова прозвучали грубо, наотмашь. Мэри понимала, что Элайза ни в чём не виновата, что они уже были ранены после того, как выбрались из Элеайда, но страх за жизни ребят выжигал в ней остатки вежливости.

По спине Элайзы пробежали неприятные мурашки.

— Ладно, девочка моя. Тебя ждёт Анабель. Но имей в виду, многие люди здесь против того, что мы вас приютили, дали работу, да ещё и оказали помощь, растративая ресурсы. И в том, что вы ранены, а не мертвы, благодарить тебе стоит именно Бель.

Мэри ничего не ответила. Она лишь глухо кивнула, машинально коснувшись пальцами свежего шва на лбу, тяжело поднялась с кушетки, поблагодарила Элайзу и вышла из лазарета. В нескольких метрах по коридору виднелась закрытая дверь в комнату Анабель.

Она сделала шаг, и вдруг грудь больно сдавило железными тисками. Воздуха катастрофически не хватало. Паника обрушилась ледяной волной — резко, без предупреждения. Пальцы на руках начали покалывать и неметь, дыхание сорвалось на частые, короткие хрипы. Перед глазами замелькали лица её людей. Практически у всех были ссадины и порезы. У Кэрол. У Розы. У Феликса. У Лексы. О собственных ранах Мэри сейчас даже не вспоминала.

Они доверили ей свои жизни, а она не смогла их уберечь. Если бы она не потащила их к себе домой... если бы они не сунулись в центр города... если бы они просто не послушали её — возможно, сейчас они не сидели бы с открытыми ранами, ожидая, пока в их кровь просочится инфекция, превращающая людей в монстров.

С каждой мыслью становилось всё более дышать. Мир перед глазами начал темнеть и крениться. Мэри с силой упёрлась обеими руками в холодную бетонную стену коридора и низко опустила голову, впиваясь ногтями в ладони. Она снова не смогла никого защитить. Снова всё испортила.

«Дыши. Просто дыши, Уайт, — колотилось в её висках. — Тебя не должны видеть такой. Если ты сейчас сорвёшься, Бель воспримет это как слабость. Всё образуется. Дыши. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох».

Она стояла так несколько долгих минут, сосредоточившись только на холоде бетона под ладонями и счёте до десяти. Медленно, неохотно паника начала отступать, разжимая стальную хватку на горле. Мэри выпрямилась. Она всё ещё была на грани, но уже не в шаге от истерики — и сейчас это считалось грёбаной победой.

Выдохнув остатки дрожи, она подошла к комнате блондинки и осторожно постучала.

Услышав приглушённое «открыто», Мэри вошла. Анабель стояла у стола, склонившись над развёрнутыми картами.

— Мэри, — блондинка развернулась и коротко кивнула.

Уайт кивнула в ответ и подошла ближе.

— Тебе лучше? — вдумчиво спросила Торн, цепким взглядом всматриваясь в её лицо.

— Да, спасибо. Элайза меня подлатала.

— Хорошо, — Анабель сложила руки за спиной. — Но у меня неутешительные новости насчёт твоих людей. И тебя самой... — её взгляд скользнул по зашитому лбу Мэри, в глазах мелькнула тень беспокойности.

— Я знаю, Анабель, — отрешённо призналась девушка. — Элайза мне уже всё рассказала.

— Что ж, она в своём репертуаре, — еле заметно улыбнулась Бель и снова развернулась к столу. — Мэри, послушай. Если у кого-то обнаружатся симптомы заражения, мы будем вынуждены запереть их. Или убить. Я надеюсь, ты готова это принять. В противном случае вам лучше уйти прямо сейчас, — предупредила она пугающе ровным тоном.

— Знаю. Я согласна. И благодарна за то, что вы нас не выгнали и пытаетесь помочь, — Мэри говорила спокойно, но в её голосе сквозила тяжёлая усталость. — Плюс ко всему, как ты и сказала, многие из твоих людей совсем не рады нашему присутствию.

— Да. Но мои решения здесь не оспариваются, — строго отрезала Анабель.

— Почему ты так поступила? — Мэри облокотилась бедром о край стола и скрестила руки на груди.

— Как? — голубоглазая вопросительно приподняла брови. Это смотрелось бы почти мило, если бы Мэри на секунду забыла, сколько власти у этого человека.

— Не убила нас на месте. Приказала оказать нам медицинскую помощь, да ещё и, вопреки всеобщему недовольству, разрешила остаться.

— Знаешь, Уайт, ты преподнесла это в таком ключе, что теперь мне самой кажется, будто это была отвратительная идея.

Глаза Мэри испуганно расширились, сердце пропустило тяжёлый удар. А Анабель вдруг рассмеялась. Смех у неё оказался бархатным, приятным, с лёгкой хрипотцой. В этой короткой вспышке было что-то невероятно тёплое — как свет зажигалки посреди мёртвого города. Мэри шумно выдохнула и не смогла сдержать искренней усталой улыбки: внутри неё дрогнуло что-то, что ещё могло реагировать на живое тепло.

— Я шучу, Мэри, — улыбнулась Торн. — Если честно, я посмотрела на вас и поняла, что вы не представляете особой угрозы. Несмотря на весь этот ад вокруг, мне показалось, что вы ещё не до конца потеряли себя. У вас остался запал на борьбу, надежда на лучшее. Думаю, моим людям стоило бы у вас поучиться. Этот мир ещё не успел испортить вас окончательно.

Слова ударили неожиданно: это прозвучало одновременно как признание и как предупреждение.

— Каждый пережил то, что пережил, Бель, — тихо ответила Мэри. — Не думаю, что кто-то в этом мире сможет стать по-настоящему жизнерадостным снова. Даже если очень захочет.

— Зависит от человека, — небрежно пожала плечами блондинка, будто говорила о погоде, хотя на деле говорила о способности выживать.

— Может, и так.

— Буду откровенна — дела у нас сейчас паршивые, — с глухой грустью в голосе Бель резко сменила тему. — И становятся только хуже. Люди боятся. Но я надеюсь, мы сможем это преодолеть. Теперь — и с вашей помощью.

Эта фраза прозвучала как сделка, написанная кровью: помощь взамен на шанс.

— Мы сделаем всё от нас зависящее. Я сделаю, — ободряюще кивнула Мэри и легонько коснулась предплечья девушки. Осторожно, почти невесомо, будто инстинктивно проверяя: перед ней союзник или всё ещё чужой человек?

— Кхм... значит, вы остаётесь на две недели, я правильно поняла? — Анабель негромко прокашлялась и сделала шаг назад.

От Мэри это не укрылось. Она неловко сунула руку глубоко в карман, пытаясь спрятать не сам жест, а свою уязвимую потребность в человеческом контакте.

— Да. Так планировалось изначально. Но теперь я боюсь, как бы не вышло так, что отсюда просто некому будет уходить, — грустно констатировала Уайт. В её словах был только сухой, жестокий расчёт: риск заражения, мутаций и паники.

— Смотри сюда, — Анабель ткнула пальцем в развёрнутую карту. — Мы — здесь. А Вэстгард — здесь, — её палец скользнул выше. Движение выглядело обманчиво будничным. — Ехать недалеко, но город кишит мутантами, мутировавшими животными и одичалыми. Правда, это устаревшая информация. Мы давно не выбирались за периметр, предпочитая безопасность «Восхода». Ресурсов нам хватит ещё надолго.

Анабель начала нервно, резкими движениями сворачивать карту. Она говорила, даже не глядя на Мэри, словно изо всех сил старалась удержать эмоции в кулаке.

— Я слышала, ты сильная. Умеешь драться и хорошо стреляешь. Твои навыки нам понадобятся. Через несколько дней мы ждём нападения одной группы. Возможно, одичалых. Мне нужно, чтобы ты вместе с моими и твоими людьми вышла за стену и боролась за этот лагерь. Нам критически не хватает бойцов. А те, кто обучался в Элеайде, хороши в бою. Если всё пройдёт успешно и без потерь, я лично провожу вас до базы.

В её голосе не было просьбы. Только стальная необходимость.

— Поняла, — коротко кивнула Мэри. Внутри всё похолодело от жестокой мысли: сколько её людей вообще способны сейчас держать оружие? Хватит ли у них физических и моральных сил на новую бойню? Или предстоящее нападение станет для них концом?

— Если почувствуешь себя хуже — сразу иди ко мне. Или к Элайзе. И больше никому ни слова, ясно? — Анабель цепко оглядела девушку с ног до головы, словно уже выискивала на ней скрытые симптомы беды.

— Ясно.

— Свободна. День был долгим, иди отдыхай. О твоей работе поговорим завтра.

Блондинка отвернулась, и в этот момент её железная выдержка дала трещину. Плечи тяжело опустились, выдавая крайнюю степень изнеможения, и Анабель медленно, шаркая ногами, побрела к своей кровати.

Не прощаясь, Мэри выскользнула за дверь. Ей нужно было срочно увидеть своих друзей, лично оценить их раны и понять, кто в каком состоянии. Лишь на полпути к шатрам она с досадой осознала, что так и не спросила о главном. Она не вытянула из Анабель ни деталей о грядущем нападении, ни подробностей про «одичалых». Панический страх за друзей затмил всё остальное, напрочь вытеснив из головы здравый смысл.

Где-то на периферии сознания всё ещё назойливо маячил загадочный проект «Вита». Что Анабель знает о нём?

Но Мэри тут же жёстко одёрнула себя: не сейчас. Какая к чёрту разница, ради чего строили Элеайд, если до завтрашнего утра половина её группы может просто сгнить заживо от инфекции или погибнуть в бою? Тайны «Виты» подождут. Сейчас главное — выжить.

Мэри обходила своих людей, собравшихся в сарае, осматривая каждого. Искренне, до ломоты в груди переживая даже за тех ребят из Элеайда, кого толком не знала. Зато они знали её. И теперь, после разговора с Анабель, этот осмотр приобрел совершенно иной, страшный смысл. Раньше она вглядывалась в их ссадины лишь со страхом перед заражением. Теперь же она, как командир перед неизбежным боем, пыталась оценить: кто из этих измотанных людей физически сможет держать оружие в ближайшие дни.

Повезло немногим — открытые порезы и ушибы были практически у всех, кроме Розы, Дена и ещё пары парней. Единственной, кто брезгливо отмахнулся от осмотра, ожидаемо оказалась Сьюзен Грин.

Убедившись, что все в сборе, Мэри встала в центре сарая.

— Послушайте меня, — её голос разрезал повисшую в воздухе тишину. — Анабель согласилась оставить нас на пару недель. У нас будет крыша, еда и медикаменты. Но у этого есть цена. Через несколько дней лагерь ждёт нападения группы людей. И я пообещала, что те из нас, кто в состоянии держать оружие, встанут на защиту «Восхода» вместе с их людьми.

На несколько секунд повисла тяжёлая пауза. Мэри сжалась, ожидая бунта и протестов, но вместо этого увидела на лицах ребят мрачную, почти звериную решимость.

— Если мы уйдём сейчас без припасов, нас перебьют в городе, — хмуро отозвался Ден, разминая перебинтованную руку. — В Элеайде нас учили стрелять. Драться за стенами всяко лучше, чем сдохнуть на грязных улицах.

— Он прав, — тихо поддержала Розы, хотя её руки заметно дрожали. — Мы остаёмся. Значит, будем защищать то место, которое нас приняло.

Даже Сьюзен, скрестив руки на груди, криво усмехнулась:

— Я сделаю это не ради этой вашей Торн. Но подыхать в грязи я не планирую. Так что я в деле.

Глухой гул согласия прокатился по сараю. Их не нужно было тащить за собой силой — они всё понимали.

Выдохнув с облегчением, Мэри почувствовала, как спадает часть напряжения. Но, когда обсуждение плана обороны стихло, её взгляд упал на Феликса.

Разговоры о предстоящей битве и выживании словно прошли мимо него. Само осознание того, что они планируют будущее — то самое будущее, в котором больше нет одного из них, —

окончательно выбило почву у него из-под ног. Парень сидел на полу в углу, обхватив колени, и невидяще смотрел в одну точку.

— Феликс... — Мэри мягко опустилась перед ним на корточки и положила ладонь ему на колено. — Как ты?

Он медленно перевёл на неё пустой, воспалённый взгляд.

— Я не могу поверить, что всё это дерьмо происходит с нами. Это статистически невозможно! — его голос дрогнул. — И Том, Мэри... Его больше нет. Как и Лили. Я не знаю, как жить дальше. Я старался быть сильным, мне казалось, что всё это не на самом деле, понимаешь? А теперь мы тут сидим, договариваемся, строим планы, как спасти свои задницы... А их больше нет!

Слёзы душили его, и он судорожно втянул воздух.

— Я знаю. Мне так жаль, — Мэри придвинулась ближе и крепко сжала его плечо, стараясь передать хоть каплю своего тепла. — Но ты жив. И ради Тома — мы обязаны прорваться. Слышишь? Мы пройдем через это. Я тебе обещаю.

Лекса, стоявшая рядом, подалась вперёд и обняла Феликса с другой стороны. Роза молча положила голову Мэри на плечо. В этом тесном кругу из четырёх человек сейчас было больше силы, чем в любом арсенале лагеря. Они держались друг за друга, потому что больше держаться было не за что.

Кэрол, наблюдавшая за ними, тихо подошла к ребятам.

— Тебе не стоит так изводить себя из-за каждого из нас, — наставнически произнесла куратор, осторожно коснувшись плеча Мэри. — Ранены мы или здоровы, пойдём мы в бой или нет — ты не сможешь контролировать всё. Нам остаётся только довериться судьбе. Мы выживем, если на то есть воля свыше. И если мы ещё для чего-то нужны в этом мире.

Кэрол снова посмотрела на неё. Мэри выглядела как загнанный, испуганный ребёнок, на которого взвалили неподъёмный груз, в том числе и сама Кэрол. И во взгляде Харрисон было столько тихой, материнской поддержки, сколько вообще способен дать один человек другому на краю пропасти.

Мэри лишь судорожно кивнула. Она не могла заставить себя сказать ни слова. Если бы она разомкнула губы, то просто разрыдалась бы в голос. Было физически больно видеть эти вымученные улыбки и сочувствующие взгляды, зная, что в предстоящей бойне или от заражения любой из них может умереть в ближайшие двое суток.

Быстро попрощавшись с ребятами и до боли прикусив губу, чтобы не сорваться, Уайт ушла в палатку, которую ей выделили. Она рухнула на жёсткий матрас прямо в грязной одежде. Сил не осталось даже на то, чтобы расшнуровать ботинки. Едва закрыв глаза, она провалилась в тяжёлую, глухую темноту.

Сознание Мэри прорывалось сквозь пелену тяжёлого сна под аккомпанемент первобытного хаоса. Истошные крики мужчин и женщин сливались с оглушительным треском автоматных очередей и пронзительным свистом пуль. Воздух дрожал от топота ног. Первые секунды девушка отчаянно надеялась, что это лишь очередной кошмар, но, открыв глаза, столкнулась с жестокой реальностью. На «Восход» напали.

Полог палатки с резким треском разорвался, впуская внутрь ледяной ночной воздух и высокую фигуру. Это был огромный мужчина с редкой, всклокоченной бородой и лицом, исполосованным старыми шрамами. На его грубой коже и странных, почти средневековых желтоватых лохмотьях виднелись свежие пятна грязи и чужой крови. В руках он крепко сжимал широкий тяжёлый меч. Увидев Мэри, чужак хищно оскалился, обнажив гнилые зубы в больной, безумной улыбке, и сделал шаг навстречу. Девушка судорожно отползала назад, всё ещё отказываясь верить в происходящее.

Мужчина с глухим рыком взмахнул оружием. Мэри инстинктивно пригнулась, и тяжёлое лезвие со свистом рассекло воздух, распоров брезент палатки прямо над её головой. Воспользовавшись этим, она буквально вынырнула наружу через образовавшуюся щель. Дикарь в слепой ярости нанёс ещё несколько рубящих ударов по ткани и пролез следом, не стирая с лица оскала. Он снова замахнулся, целясь Уайт прямо в живот, но та резким рывком ушла с линии атаки. Смертоносная сталь раз за разом рассекала пустоту. Выждав момент, девушка нанесла подсекающий удар ему по ногам, однако нападавший словно вообще не чувствовал боли. В ответ он с размаха впечатал тяжёлый ботинок прямо в живот Мэри. Она рухнула на землю, задыхаясь и кривясь от пронзительной боли.

Чужак навис над ней. Перехватив рукоять меча обеими руками, он занёс его над головой для финального удара. Клинок молниеносно полетел вниз, но в последнюю долю секунды Мэри чудом успела перехватить его руки у самого основания лезвия. Окровавленная сталь задрожала в считанных миллиметрах от её лица.

Преодолевая невыносимую боль в животе и крича от животного отчаяния, Уайт начала медленно подниматься. Не потому, что хотела геройствовать, а потому, что иначе это железо просто раздавило бы ей череп. Дикарь на мгновение опешил от такой неистовой силы сопротивления: он явно не ожидал, что загнанная в угол жертва посмеет встать. И эта секундная заминка стоила ему жизни. Вскинув колено, Мэри с нечеловеческой силой ударила его в пах, одновременно вырывая оружие из чужих ослабевших пальцев. Нападавший пошатнулся и рухнул на спину. Мэри, не колеблясь ни секунды, с силой вогнала лезвие прямо в его живот. Тело дикаря забилося в страшных судорогах, изо рта толчком хлынула горячая, живая кровь, и через мгновение он обмяк.

Лицо и одежда Мэри были залиты чужой кровью. Она тяжело, со свистом втягивала воздух, пытаясь прийти в себя и не развалиться прямо здесь, среди трупов.

Вокруг творился крошечный ад. Лагерь превратился в мясорубку. Люди в панике метались между разорёнными палатками и брошенными вещами. Те, у кого было оружие, вели хаотичный огонь по непрошеным гостям, едва различая мишени в темноте и суматохе. Те, кто был способен драться, врывались врукопашную — в ход шли ножи, кулаки, камни. Но большинство просто кричали, пытаясь убежать или забиться в щели, словно можно было спрятаться от смерти, когда она уже пиновала внутри их дома. Мэри быстро выцепила взглядом Анабель: стоя у входа в главное здание, Торн отчаянно пыталась организовать оборону, попутно снося головы прорывающимся дикарям. Но паника была слишком разрушительной — люди уже не слышали приказов, они ломались, рассыпались и безвозвратно теряли волю к жизни.

Мэри отвлеклась от Анабель всего на секунду, заметив краем глаза смазанное движение. На неё нёсся дикарь с занесённым для удара тесаком. Вместо того чтобы отступить, она бросилась прямо на него, ломая ему дистанцию. Резко нырнув под его руку, Мэри ударила снизу вверх, вспарывая ему живот. Мужчина пошатнулся, выронил оружие и с влажным звуком осел на землю. В его глазах мелькнуло мгновение ясного, болезненного осознания, прежде чем они навсегда погасли.

Мэри круто развернулась, проглатывая подступивший к горлу ком тошноты. В нескольких метрах от неё двое чужаков забивали безоружных людей из «Восхода» голыми руками. Не раздумывая, она ринулась туда.

Она не была машиной для убийств. Она просто была — отчаянно, наотмашь, используя инерцию собственного тела, чтобы пробить защиту здоровенных мужчин. Те, кто успевал её заметить, не верили своим глазам: в хрупкой девчонке вдруг проснулся загнанный в угол зверь, который не собирается сдаваться. Она врывалась в самое пекло, рубя тех, кто пытался добить раненых, помогая и своим людям, и людям Бель. Их было слишком много. Они давили тупой массой, а стрелки на вышках боялись вести плотный огонь — в этой кровавой бойне свои и чужие давно перемешались.

Уайт отбивалась как могла, но мышцы стремительно забивались свинцовой усталостью. Движения стали вязкими. Она не заметила, как оказалась отрезана от остальных, и её взяли в кольцо пятеро парней с кинжалами и самодельными топорами. Они не спешили нападать. Они рычали и перекрикивались, загоня её, как дичь, наслаждаясь моментом перед тем, как разорвать на куски. Мэри сжала скользкую от крови рукоять меча. Она старалась держать их всех в поле зрения, но где-то под рёбрами уже заворочался холодный, липкий страх: «Это конец. И это будет быстро и грязно».

Вдруг этот жуткий хоровод разрезал яростный, гортанный крик.

Это была Анабель. Она с разбегу запрыгнула на спину одному из дикарей, одним чётким движением перерезав ему горло, и, оттолкнувшись от падающего тела, оказалась рядом с Мэри.

Чужаки взревели, но девушки уже встали спина к спине. Короткие переступания, сбитое дыхание, судорожный расчёт. Парни бросились на них одновременно, но теперь им приходилось пробиваться через двойную защиту. Мэри принимала удары на меч, Анабель добивала. Они не были «одним целым» — они просто отчаянно прикрывали слепые зоны друг друга. Удар, влажный хруст, вой, брызги горячей крови на лице. Через минуту они остались вдвоём на небольшом, залитом кровью пятачке, окружённые пятью трупами.

Адреналин выжиг из них усталость и страх, оставив только голую животную ярость. Они обменялись коротким, диким взглядом — и снова бросились в самую гущу драки.

Оборона лагеря наконец начала структурироваться. Увидев, что Торн и Уайт держат центр, многие стягнули оцепенение и перешли в контратаку. Врагов становилось всё меньше, толпа рассеялась, и дозорным на крышах стало проще выцеливать чужаков, не боясь задеть своих. Поняв, что мясорубка обернулась против них, остатки непрошенных гостей с воем ломались обратно через дыру в заборе.

Бой закончился. На лагерь опустилась тяжёлая тишина, прерываемая лишь стонами раненых.

Мэри замерла, жадно, со свистом хватая ртом воздух. Она опустила взгляд на свои руки — они были по локоть в чужой крови. Уайт отбросила меч и бросилась к сараю, куда пытались забиться безоружные Розы, Лекса и Феликс.

Земля вокруг стала скользкой и багровой. Небольшая территория лагеря была усеяна телами — и своими, и чужими. Мэри убила сегодня нескольких молодых парней, примерно её возраста. Убила, даже не моргнув. После первого удара внутри словно перегорел какой-то предохранитель. Она знала, что иначе было нельзя, и пока не чувствовала вины. Только звенящую пустоту.

Но вдруг её взгляд выхватил знакомую фигуру у стены.

Кэрол.

Женщина сидела на земле, привалившись к доскам, и судорожно зажимала живот обеими руками. Сквозь её пальцы толчками, пульсируя в такт сердцу, билась густая тёмная кровь. Мир Мэри мгновенно схлопнулся до размеров этого страшного красного пятна.

— Кэрол, нет! — истошно закричала Мэри.

Она ринулась к ней, спотыкаясь о брошенные вещи и трупы, не чувствуя под ногами земли. Рухнув на колени рядом с куратором, она, не секунды не колеблясь, сорвала с себя майку, скомкала её и с силой вжала в пульсирующую рану. Руки скользили, ткань мгновенно пропиталась горячим и алым, но Мэри давила всем весом, словно могла силой втолкнуть жизнь обратно в это тело.

— Дыши, Кэрол, только дыши! Сейчас помогут! — хрипела Мэри, захлёбываясь слезами. Она подняла перепачканное лицо и заорала так, что сорвала голос: — Врача! Кто-нибудь, мать вашу, сюда, быстро!

— Мэри... М-мэри... — голос Кэрол превратился во влажный, булькающий хрип.

Она дрожащими, окровавленными пальцами слабо накрыла руки девушки, которые иступленно давили на её распоротый живот. Кэрол пыталась её успокоить. Даже сейчас, истекая кровью на грязной земле, она по привычке пыталась её защитить.

— Н-найди базу... — выдохнула она, и её глаза закатились. Из уголка рта тонкой струйкой потекла тёмная алая жидкость. Но грудь всё ещё прерывисто вздымалась. Она всё ещё дышала.

— Кэрол! Нет! Кэрол, смотри на меня! — сорванным голосом орала Мэри, захлёбываясь слезами.

Только в этот момент, чувствуя под руками ускользящее тепло её тела, Мэри с ужасающей ясностью поняла, кем стала для неё эта женщина. Кэрол не была просто куратором. Она стала ей опорой. Якорем нормальности в этом сумасшедшем мире. Она присматривала за ней с первого дня, заменяя мать, которую Мэри не смогла спасти.

— Не смей умирать! Слышишь меня?! Борись, Кэрол, борись, мать твою! — Мэри давила на рану так сильно, что у самой сводило плечи, пытаясь рассмотреть лицо женщины сквозь пелену слёз, заливающих глаза.

К ним подбежала Элайза с двумя крепкими мужчинами. Они быстро расстелили на земле какое-то покрывало, перевалили на него обмякшее тело Кэрол и, подхватив за края, побежали к зданию. Мэри рванула за ними, но Элайза резко развернулась и с силой толкнула её в грудь.

— Стой! — рявкнула медик. Во взгляде женщины не было сочувствия — только суровый профессионализм. — Будешь только мешать. Жди здесь!

Мэри застыла у массивной железной двери. Позади неё стонал и плакал разорённый лагерь. Слишком многие погибли. Разум кричал, что нужно идти помогать другим... Но она не могла сдвинуться с места. Ноги словно вросли в окровавленную землю, а в голове билась только одна оглушающая мысль: «Только бы выжила. Пожалуйста, только бы выжила».

Внезапно кто-то тяжело опустил ладонь ей на плечо. Тело Мэри, всё ещё жившее на адреналине боя, сработало быстрее мозга: она резко развернулась, наотмашь замахиваясь для удара в челюсть.

— Это я, Уайт. Остынь, — голос Анабель прозвучал низко и спокойно. Она даже не дёрнулась, лишь перехватила кулак Мэри в дюйме от своего лица.

Мэри медленно опустила руку и посмотрела на блондинку остекленевшими, полными слёз глазами. Она так сильно не хотела выглядеть перед Торн слабой. Но сейчас она стояла в одном пропитанном кровью спортивном лифе и грязных джинсах. Её колотила крупная нервная дрожь, а по перемазанному грязью и кровью лицу текли слёзы — не красивые киношные слезинки, а злые, горячие, прокладывающие светлые дорожки на грязной коже.

Анабель молча стянула с себя плотную чёрную кофту на молнии, оставшись в тонкой синей майке.

— Надень, — Торн впинула вещь ей в руки.

Мэри, мелко трясась, натянула кофту и подняла на неё взгляд, полный растерянности и немой боли. И тогда Анабель сделала то, чего Уайт от неё никак не ожидала. Торн шагнула вперёд и крепко, почти жёстко обхватила её за плечи, прижимая к себе. Это не было нежным дружеским объятием. Это был физический каркас, который Торн подставила, чтобы Мэри прямо сейчас не рассыпалась на куски.

Они простояли так всего несколько секунд.

— Кэрол в руках Элайзы, ты больше ничего не можешь для неё сделать, — на ухо прошептала Анабель. — Но твои люди всё ещё там. И мои тоже. Им нужна помощь. Соберись, Уайт.

Анабель отстранилась и посмотрела ей прямо в глаза, требуя возвращения в реальность.

Мэри судорожно выдохнула, стёрла слёзы тыльной стороной окровавленной ладони и коротко кивнула. Бель кивнула в ответ. И они, не говоря больше ни слова, разошлись в разные стороны этого ада — собирать живых.

— Какого хрена это было? — голос Мэри дрожал, но она изо всех сил старалась не сорваться на крик.

Они находились в комнате Торн. Адреналин медленно отступал, и на его место приходила злая, обжигающая ярость. Перед глазами всё ещё стояли лужи крови на земле.

— Кто они такие? — Уайт переводила тяжёлый взгляд с Анабель на Роба. — Что это за ублюдки, которые с таким упоением вспарывают людям животы?!

— Одичалые, — тихо ответила Бель.

Мэри осеклась. Торн упоминала их раньше, но тогда это прозвучало как сухая сводка, о которой она ничего не уточнила. Теперь это слово обрело лицо — грязное, со шрамами и безумным оскалом.

— Я же говорила, что за «Восход» идёт грызня, — Анабель устало потёрла лицо ладонями, размазывая подсохшую чужую кровь. — Роб, как они прошли? Я велела заделать брешь ещё неделю назад.

— Я проверял периметр пару дней назад. Всё было зашито наглухо, — гигант сокрушённо покачал головой, и в этом жесте сквозила тяжёлая вина за ошибку, которую уже не отменить.

— Как только люди немного придут в себя, бросай всех на починку забора. Иначе... сам понимаешь, чем мы за это заплатим, — голос Анабель звучал ледяным, но в этом холоде крылся голый инстинкт самосохранения.

— Подробнее, Торн. Кто они такие? — не отступала Мэри. Ей нужно было понимать правила этой игры, чтобы не дать своим людям погибнуть.

— Поехавшие психи, которые решили, что первобытность — лучший способ выжить, — процедила Бель. — Жестокие, отбитые убийцы. Каннибалы. Жрут человечину и не давятся. А ведь ещё год назад я могла сидеть с кем-то из них за соседним столиком в кафе... Люди удивительно быстро меняются, Уайт. И когда мир летит в бездну — меняются не в лучшую сторону.

Она тяжело опустилась на кровать.

— Обычные группы вроде нас редко нападают. Нет ни людей, ни ресурсов. Но эти... им плевать на риски.

— Как часто они нападают? — спросила Мэри, по-хозяйски усаживаясь на кровать рядом с Торн.

Брови Роба медленно поползли вверх. Он напрягся, ожидая взрыва.

Роб знал Бель лучше, чем кто-либо в этом лагере. Он был с ней с той самой зачистки, когда она вытащила его из-под завалов, спасая ему жизнь, когда все отвернулись. Он видел, как она выстроила глухую броню, выжигая в себе слабость, чтобы принимать страшные решения. Она не подпускала к себе никого. Никаких случайных касаний. Никаких посиделок на её личной кровати — однажды Роб по старой дружбе позволил себе это и был с треском выставлен за дверь.

Но сейчас Анабель даже не дрогнула. Она не отстранилась и не прогнала девчонку.

Мужчина смерил Мэри задумчивым взглядом. Они только недавно встретились, но между ними уже искрило что-то странное: взрывоопасная смесь упрямства и какого-то глубинного понимания. Как бы там ни было, Роб поймал себя на мысли, что Уайт ему определённо нравится.

— В последнее время всё чаще, — Анабель наконец ответила, глядя в стену. — За периметром становится тесно. Раньше мутанты держались строго в границах города, а теперь рас-

ползаются, как чума. Там не осталось еды. Точнее, выживших. Зато тварей всё больше. Одичалые их боятся, вот и лезут к нам, пытаюсь отбить безопасное место.

Торн повернула голову и посмотрела на Мэри. В её холодном взгляде мелькнуло что-то похожее на искреннюю признательность.

— Но мы их знатно потрепали. Спасибо тебе. — она помолчала. — Я надеюсь, Кэрол выкарабкается.

— Я тоже надеюсь, — тихо произнесла Мэри.

Она поднялась с кровати и начала мерить комнату шагами. Внутри нарастала тревога. Понимание ситуации запаздывало, и это пугало больше всего. Если бы она с самого начала знала, что «Восход» находится в кольце одичалых и надвигающихся мутантов, она бы ни за что не предложила тут остаться. Безопаснее было бы сразу направиться в Вэстгард, пока они были на ходу. Но теперь пути назад нет. Часть группы ранена, Кэрол едва дышит. Им придётся остаться в этом проклятом месте, чтобы восстановить силы.

Она остановилась и посмотрела на Анабель.

— Вам не кажется, что мутантов будет становиться только больше? Одичалые будут нападать снова и снова. Мы в мышеловке. У нас много убитых. Много раненых. Вы вообще считали, сколько людей смогут встать на работу завтра? Мы потеряли троих... Может, пора сворачивать лагерь?

Анабель ничего не ответила. Она медленно подошла к столу и опёрлась о него руками. Она стояла неподвижно, склонив голову, и в этой тишине было слышно, как в её голове работает сухой, страшный калькулятор потерь.

— Было сто семь человек, — наконец глухо произнесла Торн, не меняя позы. — Осталось пятьдесят. Плюс твои — пятьдесят восемь. Тридцать пар рабочих рук.

Затем Анабель резко выпрямилась, и в её голубых глазах полыхнул холодный огонь. Роб машинально сделал шаг назад — он слишком хорошо знал этот взгляд.

— И с чего это, Уайт, тебя вдруг так волнуют мои люди и мой лагерь? — процедила Торн, чеканя каждое слово. — В каком это смысле «у нас» много раненых? Ты думаешь, я не в состоянии сложить два и два? Думаешь, я не знаю о рисках?!

Она шагнула к Мэри и грубо ткнула её пальцем в плечо. От неожиданности девушка отшатнулась.

— Ты не в праве указывать мне, что делать на моей территории. Я позволю тебе открывать рот только тогда, когда сама спрошу твоё мнение.

Торн брезгливо фыркнула и повернулась к Робу, но Мэри не собиралась глотать это унижение. Чувство бессилия вперемешку с яростью снесло все тормоза.

— Да, Торн. наших людей! — Мэри сделала шаг навстречу. — И я не отказываюсь ни от одного своего слова.

— Эм... мне надо проверить периметр, — пробормотал Роб. Поймав на себе два разъярённых взгляда, гигант благоразумно выскользнул за дверь, плотно прикрыв её за собой.

— Ты ведёшь себя как ребёнок, Анабель, — голос Мэри звенел от напряжения. — Во время боя я защищала твоих людей так же, как своих. И, если я смогу вытащить их, я, чёрт возьми, это сделаю.

Она наступала, не отводя взгляда от ледяных глаз Торн. Анабель инстинктивно отступила на шаг, затем на второй, пока не упёрлась спиной в холодную стену.

— Оставаться здесь — самоубийство, и ты это понимаешь, — Мэри остановилась вплотную к блондинке. В её тоне не было угрозы — только жестокий приговор. — Но тебе страшно. Тебе до одури страшно бросить свою выстроенную зону комфорта. Как только мои люди окрепнут, и мы поможем заделать дыры в заборе, мы уходим в Вэстгард. И если кто-то из твоих захочет пойти с нами — мы их примем. Сидеть здесь, пока на вас прёт стадо мутантов и одичалых каннибалов, — значит просто сгнить заживо.

Мэри сама не понимала, откуда взялась эта отчаянная дерзость. Наверное, от того, что ей больше нечего было терять.

Анабель смотрела на неё в упор. Её грудь тяжело вздымалась.

— Мне не нужно твоё мнение на этот счёт, — выплюнула Бель. Это был не шёпот слабости, а концентрат чистой, накопленной злости. — Ты не имеешь права ничего здесь решать, Уайт. Будь добра, свали отсюда. И не попадайся мне на глаза.

Она с силой оттолкнула Мэри от себя.

Девушка бросила на Торн последний тяжёлый взгляд и вышла из комнаты. Дверь захлопнулась с такой силой, что по стенам пошла вибрация.

— Твою мать, Уайт... Что же ты творишь, — процедила Анабель себе под нос. Она рухнула на кровать и закрыла лицо руками, пытаясь удержать этот рассыпающийся мир хотя бы в собственной голове.

Прошла неделя после той ночи, когда ад вырвался наружу и затопил «Восход». Лагерь понемногу приходил в себя, хотя правильнее было бы сказать — собирал себя по кускам. Люди молча убирали трупы, хоронили своих друзей и отмывали шатры от вьёвшейся крови. Те немногие, кому повезло остаться невредимыми, целыми днями чинили пробитый забор и проломленные вышки. Над территорией нависла невидимая, но удушливая туча: скорбь висела в воздухе плотнее дыма, оседая на плечи каждого выжившего.

Для Мэри эта неделя стала персональной пыткой. Ей пришлось пережить смерть своих людей из Элеайда, которых всё-таки забрала инфекция. Но самым страшным испытанием стал парень, который недавно чинил им рации. За одну ночь вирус сожрал его разум, превратив в агрессивного мутанта, и Мэри пришлось убить его собственными руками. Это решение легло на её совесть тяжёлым, грязным камнем. Конечно, где-то в самой глубине души она чувствовала отчаянную благодарность за то, что Роза, Феликс и Лекса выжили. За то, что Кэрол буквально вытащили с того света благодаря антибиотикам. Но радость за живых никак не могла заглушить вину перед мёртвыми. И теперь в особенности за тех, кого она убила своими руками.

Когда Мэри удавалось спрятаться в палатке и остаться наедине с собой, она плакала до изнеможения, задыхаясь от слёз. Ей до дрожи хотелось сбежать от этой реальности, спрятаться от своих же разрывающих чувств, но от себя было не убежать. Единственным утешением стало то, что люди Бель наконец приняли её группу. Многие из них подходили, чтобы лично поблагодарить Уайт за сражение за их дом. Это крошечное осознание того, что её усилия не были напрасными, давало ей ровно столько сил, чтобы просто заставить себя подняться утром.

С самой Анабель за это время Мэри пересекалась лишь пару раз, и после их недавней ссоры они даже не утруждали себя кивком при встрече. Зато с Робом у девушки завязалось что-то вроде странной, грубоватой дружбы. Двухметровый гигант не упускал случая намекнуть, что пора бы им с Торн зарыть топор войны, и каждый раз театрально сокрушался, называя их обоих «ослицами, страдающими от переизбытка гордости».

Однако в последние дни голову Мэри занимали куда более тяжёлые мысли. Она раз за разом прокручивала в уме план похода в город, терзаясь сомнениями. Что, если, уводя людей из лагеря, она не спасает их, а ведёт на верную гибель? Роза, Феликс, Лекса и Кэрол замечали её мрачную отстранённость и пытались вытянуть на разговор, но Мэри глухо отмахивалась от предложений излить душу. Она держала в себе слишком много боли. Слова просто застревали в горле, царапая его до крови, и проваливались обратно в измученное, закрытое на все замки сердце.

На фоне этой всеобщей подавленности от лагеря не укрылась одна странная деталь: Сюзен внезапно стала тенью Анабель. Со стороны это выглядело почти комично. Сюзен хвостиком таскалась за суровой Торн повсюду, как приставучая комнатная собачка, а блондинка просто позволяла ей это делать. Непонятно было, всё ли равно ей на эту компанию или же в этом

кроется какой-то удобный расчёт. Мэри прекрасно знала, что Грин её, мягко говоря, недолюбливает, и интуиция подсказывала: из этого неожиданного союза не выйдет абсолютно ничего хорошего. Но сил лезть в чужие игры у Уайт уже не оставалось.

Пока Мэри и Роб в одной из палаток склонялись над истертыми картами, выискивая безопасный маршрут к Вэстгарду, Сьюзен Грин и Анабель Торн сидели в общем зале. Перед ними на деревянном столе медленно остывал травяной чай.

— И почему ты ей это позволяешь? — задумчиво протянула Сьюзен. Она плавно откинулась на спинку стула, всем своим видом демонстрируя исключительно праздное любопытство. Но Анабель не обманулась: речь на самом деле шла о власти и контроле над лагерем.

— Кому и что именно? — Торн приподняла бровь, безупречно разыгрывая непонимание, хотя прекрасно знала, куда клонит собеседница.

— Уайт, разумеется. Она слишком легко втирается в доверие к твоим людям. А совсем скоро потащит нас на верную гибель, прихватив за компанию добрую кучу твоих бойцов.

— Слово «куча», Грин, здесь неуместно. А мои бойцы — не безымянное пушечное мясо, — поморщилась Анабель, явно недовольная формулировкой. — Люди сами к ней тянутся, Мэри никого не заставляет идти за собой. Как бы мне ни хотелось закрыть на это глаза, факт остается фактом: многие здесь обязаны ей жизнью.

— А что, если из-за её слепой самоуверенности они все погибнут? — Сьюзен чуть повысила голос, подавшись вперёд. Она резко поставила кружку на стол и внимательно всмотрелась в спокойное лицо блондинки. — Знаешь, в Элеайде был один парень, Грегор Мартин. Хороший человек, талантливый, настоящий лидер. За ним шли, пока Мэри не решила, что её «добрые намерения» изменят всё к лучшему. Бывали у них и драки, и стычки, но закончилось всё тем, что она жестоко убила его в бою — буквально переломала руки и ноги, с удовольствием принимая лавры победителя. И самое забавное: почти все, кто был за Грега, тут же перешли на её сторону.

Сьюзен лгала так гладко, что ни один мускул не дрогнул на её лице. Заметив, как тревожно блеснули глаза Торн, она вкрадчиво продолжила:

— Думаешь, это просто природное обаяние? Нет, Бель. Нет и ещё раз нет. Она хитрая, абсолютно хладнокровная сука, которой нравится подминать под себя людей и управлять ими. Жаль, что ты отказываешься это видеть, — Сьюзен сочувственно, но с едва заметной злой усмешкой вздохнула и снова расслабленно облокотилась о спинку стула.

— Что ж... — Анабель нервно сделала пару глотков, словно обжигающий чай мог заглушить подступающую тревогу. — Она порой слишком импульсивна, слишком прямолинейна, но... — Торн запнулась, вслушиваясь в собственные слова. — Но я бы никогда не сказала, что она тот человек, о котором ты говоришь.

— Анабель... — снисходительно хмыкнула Грин. Она встала из-за стола так легко, словно это была обычная светская беседа, а не хладнокровный поджог чужого доверия. — Внешность бывает обманчива.

— Ты дала мне пищу для размышлений, — холодно призналась Бель. В этой холодности скрывалось не равнодушие, а отчаянная попытка не потерять самообладание. — Но я не буду делать поспешных выводов.

— А у тебя уже нет на них времени, — бросила Грин. — Скорее всего, Уайт придёт к тебе уже сегодня. Сама знаешь, о чём пойдёт разговор. Наш ангелок планирует выдвигаться завтра, я случайно подслушала их разговор с Розы.

Стрельнув напоследок взглядом в растерянную Торн, Сьюзен поспешно ретировалась. Она оставила после себя гнетущую тишину и неприятное послевкусие — словно в травяной чай подсыпали горечь.

Анабель ещё долго сидела неподвижно. Пальцы крепко сжимали несчастную чашку, и с каждым вдохом она пыталась удержать внутри нарастающую панику. Они так долго строили этот лагерь, она потеряла столько друзей в постоянной борьбе за него... Но оно того стоило: в итоге «Восход» стал их спасением, Оазисом, где долгое время можно было чувствовать себя в безопасности.

Возможно, Мэри права. Возможно, им необходимо покинуть зону комфорта, потому что оставаться здесь становится всё опаснее, но... Сердце Торн сковал ледяной ужас. Воспоминания о городе вновь затопили разум, и страх возродился — не тихий и стыдливый, а настоящий, липкий, сжимающий горло. Именно этот страх подтолкнул её к единственному решению: она должна поговорить со своими людьми и убедить их остаться.

Однако принятое решение не принесло ей спокойствия. Напротив, оно взбудоражило сидящую глубоко внутри ярость. Бель резко вскочила, изо всех сил швырнув чашку в стену. Звон бьющегося фарфора разорвал тишину.

Из кухни выбежал испуганный парень.

— Ты в порядке, Бель? — обеспокоенно спросил он, бросая взгляд на осколки.

Торн прошла мимо, не проронив ни слова. Каждый её тяжёлый шаг в сторону своей комнаты отдавался эхом — так идут не в спальню, а на внутреннюю казнь.

— Ну всё, Мэри. Маршрут проложен, — с облегчением выдохнул Роб. Он с улыбкой посмотрел на Уайт, но та выглядела отстранённой и серьёзной, словно мысленно уже шагала по этой опасной дороге.

— Выезжаете на главную трассу. Брошенных машин там хватает, но, думаю, протиснетесь. Дальше придётся идти пешком через квартал Ветров. Дорогу преградит воронка, широкая и очень глубокая, но мы соберём всё необходимое, чтобы вы смогли её обойти. А сразу за ней — Вэстгард, — попыток он, сворачивая карту и аккуратно пряча её в тубус.

— Спасибо за помощь, — тихо ответила девушка, возвращаясь к реальности. Она устало потёрла переносицу. — Будем надеяться, что Анабель сегодня в хорошем настроении. Скажи, пожалуйста, Кэрол, чтобы подготовила аптечки. А Феликса попроси заняться оружием и пересчитать патроны, хорошо?

Кивнув, Роб вышел.

Мэри осталась одна. Несколько минут она стояла неподвижно, гипнотизируя взглядом бурое пятно крови, вьёвшееся в брезент палатки. Оно служило мрачным напоминанием о том, какова здесь цена промедления. Пора было идти к Торн на разговор, но страх и тяжёлое предчувствие сковывали тело, а ноги будто приросли к земле. Наконец, с трудом взяв себя в руки и мысленно бросив: «Будь что будет», — Мэри зашагала к выходу, втайне молясь, чтобы Торн проявила благоразумие.

Переминаясь с ноги на ногу у двери Анабель, Уайт всё же заставила себя постучать.

— Заходи, — донёсся изнутри ровный голос.

Мэри переступила порог. Накопившееся напряжение и страх перед отказом мгновенно трансформировались в защитную агрессию. Обида опередила здравый смысл.

— Думаю, ты знаешь, зачем я здесь, — резко бросила она и с вызывающим видом уселась прямо на кровать хозяйки комнаты.

Анабель тяжело нахмурилась. Любого другого за подобную дерзость она бы не раздумывая схватила за шиворот и впечатала в стену. Но сейчас её руки остались на месте, и то, что она не смогла применить силу к Уайт, поразило и разозлило её саму — словно кто-то незримо лишил её привычного контроля над ситуацией.

— Знаю. Но прежде чем мы продолжим, я хочу услышать твой план, — ледяным тоном отозвалась Бель. Загнав эмоции поглубже и проигнорировав незрелый выпад собеседницы, она подошла к столу и указала на разложенную карту.

Мэри подробно пересказала всё, над чем они с Робом ломали головы последние четыре дня, честно обозначив и риски, и преимущества.

— Потрясающий план, — процедила Торн. В её голосе яд сарказма резал слух, потому что под насмешкой пульсировал неприкрытый, животный страх перед городом.

— Ты же сама понимаешь, что оставаться здесь опасно, Бель... — голос Мэри зазвучал неожиданно спокойно и примирительно. — Я очень много думала, сомневалась. Но теперь абсолютно уверена: уйти — это правильное решение.

— Это решение приняла ты, Уайт! — Анабель сорвалась, резко повысив голос. — И именно ты ведёшь людей на гибель! Твой план хорош только в том случае, если смотреть на него сквозь розовые очки. Там, снаружи, невероятно опасно, многие из раненых просто не выживут в тех условиях. Ты понятия не имеешь, что нас ждёт, потому что сама лишь неделю назад вылезла из Элеайда! А я помню город. Там царил ад, и я уверена — стало только хуже!

Она с силой ударила ладонью по столу, окончательно теряя выдержку.

— Хочешь уходить? Бери своих друзей и проваливай. Но не смей втягивать в это моих людей, — угрожающе прошипела Бель, подавшись вперёд. — Не смей!

— Да что ж ты такая упёртая! — вспыхнула Мэри в ответ. — Как ты не видишь? Забор в критическом состоянии, он больше не выдержит! И поддерживать его некому. Рано или поздно нагрянут одичалые или попрут мутанты, и вы все здесь погибнете! Вам некуда будет бежать. Вас просто загонят в угол и разорвут к чёртовой матери!

Уайт раздражённо, со свистом выдохнула.

— Да, мои друзья уйдут со мной. Но твоим людям я тоже расскажу о плане. И если кто-то из них захочет...

— Они сами не знают, чего хотят! — яростно перебила Анабель. — Они потеряны и боятся! Они не понимают, как для них будет лучше!

— Да неужели? — Мэри зло, нервно усмехнулась. — У них есть право выбора, Торн. Ты не можешь решать за них. Не имеешь на это права!

Сжав кулаки так, что ногти впились в ладони, Мэри развернулась и стремительно вышла, с силой хлопнув дверью.

Её всю трясло от ярости. Ещё недавно Анабель казалась ей мудрым, сильным лидером. Но сейчас она вела себя как законченная, ослеплённая собственным страхом эгоистка.

Пулей вылетев на улицу, Мэри огляделась. Возле центральной палатки стоял большой деревянный ящик. Не раздумывая, девушка взобралась на него, мгновенно приковывая к себе взгляды всего лагеря, словно включила над собой прожектор.

— Минуту внимания, пожалуйста! — крикнула она.

Голос прозвучал так громко и уверенно, что Мэри сама на секунду опешила. Но бушующая в груди злость всё ещё жгла сердце, отвергая сомнения и оставляя лишь чистую, звенящую решимость.

Люди бросали свои дела и стягивались ближе в ожидании новостей. В толпе читалась тревога, смешанная с робкой надеждой.

— Остаться здесь опасно! — начала девушка. — Мутанты вскоре покинут город, если уже этого не сделали. Одичалые, как и другие группы выживших, будут отчаянно пытаться отвоевать этот лагерь. Но вы сами видите: всё здесь держится на честном слове. Ещё одну такую атаку стены не выдержат. Как и мы. Осесть на одном месте сейчас — значит подписать себе смертный приговор. Безопасных уголков больше нет, нам всем придётся двигаться дальше и бороться за жизнь. Иначе не выжить, и вы это прекрасно знаете. Под конец её голос дрогнул, едва не сорвавшись, но она поймала полные поддержки взгляды Кэрол, Розы, Лексы и Феликса. Лекса едва заметно кивнула, давая ей сил, и девушка продолжила:

— Завтра на рассвете мы уходим в Вэстгард. Это военная база, где нас примут и помогут. Мой отец работал там, нас обязательно пропустят, а дальше мы решим, что делать. Маршрут проложен, вещи собраны. Если кто-то готов идти с нами — мы будем рады. Но...

— Слезай с ящика, — резкий голос Анабель разрезал толпу. Люди торопливо расступались перед своим лидером.

В руках Бель сжимала пистолет, чёрное дуло которого смотрело прямо на Мэри. Анабель приближалась стремительно и жёстко. Это не выглядело дешёвой показухой — в её глазах читался чёткий ультиматум: «подчиняйся или умри».

— Я сказала, слезай, — процедила она сквозь зубы. Уайт медленно спрыгнула на землю.

— Что ты творишь? — с горьким разочарованием спросила Мэри.

— Никто с ними не поедет! — рявкнула Анабель, обращаясь уже к толпе. — Это самоубийство! Мы останемся здесь, укрепим забор и будем держать оборону!

На секунду Бель отвернулась к людям, и Мэрихватило этого мгновения. Она плавным, отработанным движением выхватила из поясной кобуры пистолет и взяла Анабель на мушку.

Теперь их разделяло не больше двух метров. Две девушки держали друг друга на прицеле. Толпа шарахнулась назад, понимая, что в любую секунду может пролиться кровь. Вмешиваться никто не решался: за такой выбор всегда платят жизнью.

— Брось оружие, — ледяным тоном приказала Мэри, большим пальцем снимая пистолет с предохранителя. Раздался тихий щелчок.

Торн сделала то же самое. Сдаваться она не собиралась.

Казалось, они простояли так целую вечность, буравя друг друга тяжёлыми, полными ненависти взглядами. Тишину разорвал оглушительный взрыв со стороны главного здания. Девушки резко обернулись — и тут же грохнула новая серия взрывов. Забор с протяжным треском рухнул, скрываясь в стене ревущего пламени.

— Твою мать! — заорала Бель. — Бегите!

В ту же секунду сквозь дым прорвались скрежещущие звуки: топот десятков ног, животный вой и клцанье зубов. Мутанты. Кто-то целенаправленно привёл сюда стадо. Не «случайно» — так не бывает: это было чьё-то жестокое решение, наживка, чтобы уничтожить лагерь чужими руками. Твари ввалились в пролом огромной волной. Увидев живую добычу, они заорали до звона в ушах и бросились в толпу, разрывая на куски первых попавшихся на пути.

Началась слепая, кровавая мясорубка. Мутанты, невероятно сильные и пугающе быстрые, кидались от одной жертвы к другой в припадке голодной истерии. Воздух разорвали предсмертные человеческие крики.

Мэр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.